

**SPISY FILOSOFICKÉ FAKULTY UNIVERSITY KOMENSKÉHO V BRATISLAVĚ
REDIGUJÍ PROF. DR. JAN HEIDLER A PROF. DR. MILOŠ WEINGART
ČÍSLO I**

DOCENT DR. EUGEN PERFECKIJ:

**RUSKÉ LETOPISNÉ SVODY
A JEJICH VZÁJEMNÝ POMĚR.**

**(LES CODES DES ANNALES RUSSES
ET LEURS RELATIONS MUTUELLES.)**

RUSKY PSÁNO.

V BRATISLAVĚ 1922.

**VYDÁVÁ FILOSOFICKÁ FAKULTA UNIVERSITY KOMENSKÉHO
Z PODPORY MINISTERSTVA ŠKOLSTVÍ A NÁRODNÍ OSVĚTY.**

TISKEM ADOLFA HOLZHAUSENA VE VÍDNI.

Труды Философскаго фак. унив. имени Коменскаго въ Братиславѣ
подъ редакціей проф. д-ра Яна Гейдлера и проф. д-ра Милоша Вейнгарта
№ 1-ый

Доцентъ д-ръ Е. Ю. Перфецкій:

РУССКІЕ ЛѢТОПИСНЫЕ
СВОДЫ
И ИХЪ ВЗАИМООТНОШЕНІЯ.

БРАТИСЛАВА 1922.

Издано философскимъ факультетомъ университета Коменскаго
на средства чехословацкаго Министерства школъ и народнаго
образованія.

Типографія Адольфа Гольцауэна въ Вѣнѣ.

„Spisy filosofické fakulty university Komenského“ mají týž program jako „Sborník“ téže fakulty, jak byl tam uveřejněn r. 1922 na str. X—XIII v článku „Slovenským čitateľom!“ Budou tedy ve „Spisech“ též vycházeti jen práce, sepsané od členů této fakulty (professorů a docentů), a spisy, na této fakultě podané, jako práce habilitační a disertační. Rozdíl mezi „Sborníkem“ a „Spisy“ je ten, že „Sborník“ je publikace periodická, na ročníky rozdělená, kdežto „Spisy“ nikoli; ve „Spisech“ mají vycházeti zejména práce obširnější, které by se do rámce „Sborníka“ dobře nevešly. Jako „Sborník“, také „Spisy filosofické fakulty university Komenského“ vycházejí z prostředků, věnovaných čsl. ministerstvem školství a národní osvěty, jemuž za tuto účinnou podporu vědecké práce náleží opravdové díky. Spis p. docenta Perfekého vychází v naší sbírce na doporučení p. prof. Vatroslava Jagiće. Vychází jako první svazek a jazykem ruského originálu, na důkaz toho, že redakce i celá filosofická fakulta university Komenského chtějí podstatnou část svého vědeckého úsilí věnovati věcem slovenským.

V Bratislavě, v říjnu 1922.

Redaktoři:

Prof. Dr. Jan Heidler a Prof. Dr. Miloš Weingart.

Е. Ю. ПЕРФЕЦКІЙ:

**Русскіе лѣтописныя своды и ихъ
взаимоотношенія.**

Содержаніе.

Стран.

Вступленіе 1

I. Слѣды Владимірскаго общерусскаго свода въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ редакціяхъ (компиляціяхъ): 1. Новгородскій лѣтописный текстъ, вошедшій въ своды сѣверной и южной редакцій. — 2. Новгородскій и общерусскій тексты Новгородской IV-ой и Софійской I-ой лѣтописей. — 3. Общерусскій текстъ Тверской и Львовской лѣтописей . 9

II. Первоначальный текстъ Владимірскаго лѣтописнаго свода древнѣйшей редакціи: 1. Черты древняго Владимірскаго свода и позднѣйшія вставки въ него. — 2. Время появленія первоначальной редакціи Владимірскаго свода 20

III. Составъ лѣтописнаго свода 1189-го года: 1. Переяславскій лѣтописный сводъ: а) Переяславское лѣтописаніе. б) Кіевскій лѣтописный сводъ 1174-го года. с) Новгородская лѣтопись, какъ составная часть Кіевскаго свода 1174 года. д) Вставки и добавленія переяславскаго редактора. — 2. Суздальскія лѣтописныя записки. — 3. Сказаніе объ убіеніи Андрея Суздальскаго. — 4. Владимірская лѣтопись. 32

IV. Новгородское лѣтописаніе и редакція Владимірскаго свода XIII-го вѣка: 1. Общія замѣчанія о Новгородской Владычной лѣтописи. — 2. Новгородская Княжая лѣтопись. — 3. Іеродіаконъ Кирилль — одинъ изъ лѣтописцевъ Новгородской Княжой лѣтописи. — 4. Послѣдніе тексты Новгородской Княжой лѣтописи и время окончанія ея. — 5. Новая редакція Владимірскаго свода, наиболѣе чисто отобразившая текстъ свода 1189-го года 57

<p>V. Лѣтописный сводъ 1193-го года: 1. Общій текстъ, лежащій въ основаніи сѣверной и южной редакцій, восходящій къ своду 1189-го года. — 2. Характеристика свода 1193-го года. — 3. Новая обработка Кіевскаго свода 1174-го года и ея вліяніе на составъ свода 1193 года. — Кіевскія Софійскія лѣтописныя записи. — 4. Суздальскій источникъ свода 1193-го года. . . . .</p>	79
<p>Заключеніе . . . . .</p>	91

Русскіе лѣтописныя своды и ихъ взаимоотношенія.

„Обретаемъ началнаго лѣтословца..., иже вся временна бытства земская необинуяся показуеть, но и первіи властодержцы безъ гнѣва повелевающе добрая и недобрая приключившая написовати, да и прочіи по нихъ образы явлени будутъ, ...не украшая пишущаго“.

Никоновская лѣтопись.

Русскій лѣтописный матеріалъ столь богатъ и разнообразенъ, — русское лѣтописаніе такъ весьма обширно, а вопросы связанные съ нимъ такъ сложны. — Это положеніе заставило уже обратить на себя вниманіе многихъ ученыхъ. Начало научному русскому источниковѣдѣнію положилъ, какъ извѣстно, знаменитый трудъ Шлёдера. Послѣ него рядъ ученыхъ, — какъ Н. М. Карамзинъ, М. И. Погодинъ, С. М. Соловьевъ, Д. И. Иловайскій, А. Н. Пыпинъ, М. С. Грушевскій, — въ своихъ общихъ трудахъ по русской исторіи и исторіи русской литературы, — какъ и въ своихъ специальныхъ трудахъ — И. И. Срезневскій, М. И. Сухомлиновъ, Н. И. Костомаровъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, — многое выяснили и приготовили путь для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Но особенно много внесли въ науку глубомисленные труды по русскому лѣтописанію, принадлежащія А. А. Шахматову. Послѣ его изслѣдованія многое изъ того, что дала прежняя школа ученыхъ совсѣмъ устарѣло, — многое было поставлено имъ на совершенно иныя начала научной критики и хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ не совсѣмъ было до конца выяснено, — но дало другой уголь зрѣнія, строго научный. Методъ и представленіе русскаго лѣтописанія,

данные А. А. Шахматовомъ въ его трудахъ, углубили изученіе послѣдняго. вмѣстѣ съ тѣмъ труды этого изслѣдователя требуютъ отъ читающаго ихъ, изучающаго русскій лѣтописный матеріалъ, основательнаго знанія всего богатаго матеріала русской лѣтописи и древней литературы. Все это ставитъ изученіе русскаго лѣтописанія на вполнѣ твердую почву и очень высокую степень.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ А. А. Шахматовъ главн. образомъ сосредотачивался на древнѣйшей части русскаго лѣтописанія. На основаніи сравненія текста Новгородской I-ой лѣт. такъ иазываемой младшей редакціи и Повѣсти временныхъ лѣтъ (— Кіевскій сводъ 1110 года) А. А. Шахматовъ приходитъ къ выводу, что въ составѣ Новг. I-ой млад. ред. (Софійскаго временника) лежалъ лѣтописный сводъ, предшествовавшій по времени своего составленія Повѣсти временныхъ лѣтъ (Лавр. л. и др.). Къ этому своду онъ относитъ тѣ статьи Новгор. I-ой лѣтописи, которыя находятъ себѣ соотвѣтствіе въ Повѣсти врем. лѣтъ: — ту же часть текста, которая вслѣдствіе дефектности списка Новг. I-ой, отсутствуетъ въ этой послѣдней, возстановляетъ путемъ внутренняго анализа текста Повѣсти врем. лѣтъ. Анализъ предисловія, предпосланнаго изслѣдуемому своду и включенному въ Софійскій временникъ, приводитъ А. А. Шахматова къ выводу, что онъ былъ составленъ около 1095 г. Касаясь состава этого свода, которому онъ даетъ названіе „Начальнаго свода“, онъ отыскиваетъ въ его основаніи еще болѣе древній Кіевскій сводъ. Со всею тщательностью глубокомысленнаго изслѣдователя онъ сосредотачивается надъ опредѣленіемъ состава и выявленіемъ образа этого древнѣйшаго свода. Черты и текстъ этого „Древнѣйшаго Кіевскаго свода“ онъ находитъ не только въ лѣтописныхъ сводахъ, нужныхъ для этого изслѣдованія, не только въ такихъ частяхъ древняго лѣтописанія, какъ Сказанія о Владимірѣ и о крещеніи Руси, Сказаніе о первыхъ русскихъ князьяхъ, о сказочныхъ предкахъ Владиміра и т. д., но отыскиваетъ ихъ и въ такихъ произведеніяхъ древне-русской литературы, какъ „Память и похвала Владиміру“ мниха Іакова, Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ и др., и черпаетъ также данныя изъ свода Яна Длугоша. На основаніи анализа Начальнаго свода (Повѣсти врем. лѣтъ) онъ и приходитъ къ выводу, что многія статьи его присоединены впоследствии, — продолжате-

лемъ Древн. свода или составителемъ Начальн. свода; — послѣдней же статьей Древнѣйшаго лѣтописнаго свода была, по его мнѣнію, статья 1039-го года — объ освященіи кіевскаго храма св. Софіи. Въ этомъ году была окончена постройка храма св. Софіи, — вѣроятно, также учреждена русская митрополія: составленіе же и окончаніе Древнѣйшаго лѣтописнаго Кіевскаго свода стояло въ связи съ обоими этими событіями. — Такъ полагаетъ нашъ изслѣдователь.

Разбирая вопросъ о Древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ, А. А. Шахматовъ возстановляетъ древнѣйшую Новгородскую лѣтопись (— 1050-го года). Онъ нашель, что она, войдя въ соединеніе съ Кіевской, дала основу дальнѣйшему новгородскому Владычному лѣтописанію; это послѣднее, получивъ въ самомъ концѣ 60-хъ годовъ XII-го ст. важнѣйшую свою редакцію, заканчивается созданіемъ большого новгородскаго свода въ I-ой половинѣ XIV-го ст., въ которомъ надо видѣть болѣе или менѣе непосредственный источникъ (протографъ) Новгородской I-ой лѣтописи. Этимъ онъ глубоко коснулся лѣтописанія XII-го ст., главнымъ образомъ новгородскаго, — но только части его, ибо въ Новгородѣ велась лѣтопись не только при дворѣ владыки, но и параллельно съ нею — при дворѣ князя. Этой Княжой новгородской лѣтописи, занимающей въ циклѣ нашего лѣтописанія самостоятельное мѣсто, изслѣдователь не касается, — не замѣчаетъ.

Въ своемъ „Изслѣдованіи о Кенигсбергской или Радзивилловской лѣтописи“ А. А. Шахматовъ отмѣтилъ извѣстные редакціонные этапы лѣтописанія XII-го — XIII-го ст., — но опредѣленія взаимоотношеній этихъ лѣтописныхъ редакцій (XII-го до XIII-го ст.) онъ въ сущности не дѣлаетъ. — Конкретно не опредѣляя состава древнѣйшей основной Владимірской редакціи, онъ не показываетъ намъ каково отношеніе этой редакціи могло быть къ послѣдующей Владимірской редакціи (— 90-хъ гг. XII ст.), — вопросъ: какіе факторы на составъ и характеръ этой послѣдней вліяли — его не занимаетъ, — поэтому онъ не различаетъ, не видитъ въ кіевскомъ лѣтописаніи XII-го ст. различныхъ лѣтописей и лѣтописныхъ редакцій, вліяніе которыхъ по разному сказалось на первой и второй Владимірскихъ редакціяхъ общерусскаго свода (XII ст.). Сосредоточиваясь главнымъ образомъ на изслѣдованіи древнѣйшей части русскаго лѣтописанія, — Повѣсти временныхъ лѣтъ, и вопросахъ такъ или

иначе связанныхъ съ Повѣстью временныхъ лѣтъ, — для общаго пониманія лѣтописанія онъ исходитъ во многихъ случаяхъ изъ ея данныхъ.

Въ дополненіе къ этому для выясненія взаимоотношеній дошедшихъ до насъ и существующихъ лѣтописныхъ сводовъ, — намъ хотѣлось бы въ настоящемъ трудѣ обратить пристальное вниманіе на послѣдующее лѣтописаніе, на тексты русскихъ лѣтописей отъ XII-го и первой половины XIII-го столѣтій, — на лѣтописную кодификацію этого времени, составъ сводовъ. — Ибо составъ сводовъ этого времени, текстъ ихъ, — для нашей темы имѣетъ первостепенной важности значеніе. Особенно важно выяснить составъ, текстъ и отношенія древнѣйшаго Владимірскаго лѣтописнаго свода, въ которому восходятъ слѣдующіе дошедшіе до насъ своды единой семьи — Тверской, Львовскій, Воскресенскій, Никоновскій, Новгородскій IV-ый, Софійскій I-ый, русскій сводъ — находящійся въ основаніи труда Яна Длугоша; это положеніе мало выяснено, — а вѣдь этотъ древнѣйшій сводъ имѣлъ большое значеніе въ процессѣ образованія и еще двухъ важнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ редакцій, — на образованіе сѣверной и южной редакціи.

До нашего времени дошли только позднѣйшіе лѣтописные своды — отъ XIV—XVII столѣтій по — преимуществу. Ни одна изъ древнѣйшихъ лѣтописей не сохранилась въ отдѣльности. Дошедшіе до насъ лѣтописные своды содержатъ въ себѣ какъ матеріалъ древняго времени, такъ и болѣе новый, различный по своему происхожденію и составу.

Разборъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, данный А. А. Шахматовымъ и отчасти его предшественниками, показалъ какъ сложно и развито было русское лѣтописаніе. Съ теченіемъ времени оно еще болѣе усложняется. Въ составѣ текстовъ XII—XIII ст. различается не только лѣтописаніе кіевское и новгородское, но и переяславское (г. Переяслава-на-Трубежѣ), галицкое, волынское, владимірское, ростовское и др. Не только въ Кіевѣ и Новгородѣ, но и въ другихъ русскихъ центрахъ собирался лѣтописный матеріалъ, заключался въ отдѣльные своды, которые въ свою очередь, какъ составныя части, вошли въ позднѣйшіе своды. Общій текстъ, находящійся въ этихъ сводахъ, даетъ исходную точку для научнаго изслѣдованія ихъ, — даетъ возможность систематизировать этотъ громадный лѣтописный матеріалъ, — отыскать разныя редакціи.

Послѣ унадка Кіева лѣтописаніе продолжало не только довольно оживленно вестись въ старомъ Новгородѣ, но и въ центрахъ новыхъ русскихъ государственныхъ образованій, — на югѣ — въ Галичско-Волынскомъ княжествѣ, — на сѣверѣ — во Владимірско-Суздальскомъ княжествѣ. Въ двухъ послѣднихъ въ XIII-омъ столѣтіи возникаютъ два большихъ лѣтописныхъ свода, имѣвшихъ громадное значеніе въ русскомъ лѣтописаніи. Оба они произошли изъ одного и того же, ранняго лѣтописнаго свода. Южный, Галичско-Волинскій сводъ является основой для всѣхъ сводовъ южной редакціи. — Къ нему восходятъ: Ипатьевскій, Хлѣбниковскій, и позднѣйшіе — Погодинскій, Ермолаевскій и другіе, дошедшіе до нашего времени своды. Къ своду же, появившемуся на сѣверѣ, восходятъ: Лаврентьевскій, Радзивиловскій, Троицкій, Суздальско-Переяславскій и другіе схожіе съ ними своды сѣверной редакціи.

Иную редакцію, созданную тамъ же, на сѣверѣ, но соединившую съ собою отчасти и матеріаль южной (отъ XIII-го ст.) редакціи, — представляетъ семья указанныхъ выше сводовъ — Тверского, Львовскаго, Воскресенскаго, Никоновскаго, Новгородскаго IV-го, Софійскаго I-го, свода, — использованнаго Яномъ Длугошемъ и др. Всѣ они восходятъ къ одному общему источнику, въ основаніи котораго лежитъ древній общерусскій сводъ, — такъ называемый — Владимірскій Полихронъ.¹⁾ Ниже бу-

¹⁾ Названіе — „Владимірскій Полихронъ“, „Полихронъ“ — въ научной литературѣ употреблялось Н. И. Костомаровымъ и А. А. Шахматовымъ. Послѣднимъ названіе Полихронъ примѣняется — къ группѣ сводовъ, восходящихъ къ возстановляемымъ имъ сводамъ 1423-го и 1448 годовъ. къ которымъ относятся Тверская, Львовская, Новгор. IV-я, Софійская I-я, Никоновская, Воскресенская, русская лѣтопись Длугоша. — Примѣняется имъ это названіе и къ самимъ сводамъ 1423 и 1448 гг., — и къ ихъ Владимірскому первоисточнику. — Въ своемъ раннемъ трудѣ — „Исслѣдованіе о Кенигсб. или Радзив. лѣтописи“ А. А. Шахматовъ подъ названіемъ Полихронъ подводитъ и предполагаемый имъ сводъ XIV ст., къ которому, по мнѣнію этого ученаго, восходятъ: Лаврентьевская, Радзивиловская и сх. лѣт., — а также: Ипатьевская, Хлѣбниковская и схожія. — Названіемъ „Владимірскій Полихронъ“, въ виду того, что оно введено уже въ литературу, я тоже пользуюсь; — подъ нимъ разумѣю: древнѣйшій общерусскій Владимірскій сводъ, на которомъ, какъ на своей главной основѣ, покоятся Тверская, Львовская, Новгородская IV-я, Софійская I-я, Никоновская, Воскресенская лѣтописи, а также лѣтопись, использованная Длугошемъ. — Названіе же „Полихронъ“ оставляю и для обозначенія группы этихъ лѣтописей. Подъ это названіе не подвожу Ла-

детъ показано, что основной текстъ этого первоисточника, Владимірскаго свода, въ извѣстной степени совпадаетъ съ соотвѣтствующими текстамъ двухъ предыдущихъ редакцій (сѣверной и южной), — только этотъ основной Владимірскій первоисточникъ, указанныхъ сводовъ, носитъ на себѣ значптелно болѣе древнія черты, нежели соотвѣтствующій текстъ сѣверной и южной редакцій. Къ самой группѣ этихъ позднѣйшихъ сводовъ, — заключающихъ въ себѣ Тверскую, Львовскую, Никоновскую, Воскресенскую, Новгород. IV-ю, Соф. I-ю, лѣтопись Длугоша, — позволимъ себѣ условно примѣнить названіе Полихронъ, для обозначенія принадлежности ихъ къ одной общей редакціи.

Нѣкоторые своды позднѣйшаго происхожденія отображаютъ въ себѣ черты не только своей, но и другихъ редакцій. — Русскій первоисточникъ Яна Длугоша, положенный имъ въ основу *Historia Polonica*, восходя къ редакціи Полихрона, отобразилъ въ себѣ въ значительной мѣрѣ и южную редакцію лѣтописныхъ сводовъ. Воскресенскій сводъ помимо матеріала основной своей редакціи заключаетъ въ себѣ въ извѣстной степени и матеріалъ сѣверной редакціи. Громадный же Никоновскій, или Патріаршій сводъ XVII-го вѣка, ведя свое начало отъ редакціи Полихрона, одновременно объединяетъ въ себѣ не только матеріалъ этого послѣдняго, но и въ очень большой степени лѣтописный матеріалъ сѣверной и южной редакцій, — вслѣдствіе чего является какъ бы общимъ итогомъ всего предшествующаго лѣтописанія.

Къ совершенно особой редакціи надо отнести лѣтописные своды Новгородской I-ой лѣтописи. Она имѣетъ два своихъ извода: старшій и младшій. Старшій изводъ представленъ единственнымъ экземпляромъ, — такъ называемымъ — Синодальнымъ спискомъ.

вренъевской, Радзивиловской и сх. лѣтописей, давая этой редакціи названіе сѣверной, — какъ не подвожу Ипатьевской, Хлѣбниковской и схож. — относя ихъ къ южной редакціи. Давая этимъ двумъ группамъ особыя названія, сѣверной и южной, — выдѣляя лѣтописи — Тверскую, Львовскую и сх. въ отдѣльную группу, имѣю въ виду не только техническія и вспомогательныя соображенія, но и внутреннія: своды сѣверной и южной редакціи, хотя и имѣютъ въ своей основѣ извѣстныя черты схожести и совпадаемости въ текстѣ со сводами группы Полихрона, но основаны на иной лѣтописной Владимірской редакціи, нежели Владимірскій сводъ, легшій въ основу Тверской, Львовской, Воскресенской и сх.

Младшій изводъ имѣеть нѣсколько списковъ, — Коммиссіонный, Академическій и др. Редакція Новгородской I-ой лѣтописи, основываясь на новгородскомъ лѣтописномъ матеріалѣ, соединяетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ составѣ и матеріалъ сѣверной редакціи, — что сближаетъ ее съ лѣтописными сводами первыхъ трехъ редакцій.

Существуютъ еще лѣтописные списки, которые стоятъ особнякомъ, гораздо меньше связаны съ общей лѣтописной кодификаціей, — какъ, на примѣръ, Новгородскія II-ая и III-я, Псковская I-ая и др.; — это лѣтописи имѣющія по преимуществу болѣе мѣстный характеръ.

Многіе лѣтописные своды до насъ не дошли, утрачены временемъ навсегда. Особенно печальна для насъ утрата лѣтописнаго свода, которымъ пользовался В. Н. Татищевъ. На основаніи текста его — Истории Россіи — можно видѣть, что этотъ сводъ соединялъ въ себѣ двѣ редакціи, — сѣверную и южную. При этомъ, послѣднюю использовалъ не только въ томъ видѣ, въ которомъ она имѣется въ Ипатьевской лѣтописи, но и въ той редакціи, которой пользовался Янъ Длугошъ.

Цѣлая масса лѣтописныхъ списковъ, дошедшихъ до нашего времени, наиболѣе ясно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ развито было лѣтописаніе на Руси. Какъ могли составители лѣтописныхъ сводовъ собрать такой обильный матеріалъ мѣстныхъ записокъ, сказаній, произведеній народной словесности, житійной литературы и свести ихъ въ послѣдовательный погодный рассказъ — по истинѣ удивительно. Уже Шлёцеръ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на громадное сложное строеніе русскаго лѣтописанія. Но послѣ этого прошло много времени, — много было открыто новаго лѣтописнаго матеріала. Петроградская Археографическая Коммиссія въ своемъ — Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей — напечатала 22 тома (большого формата) русскихъ лѣтописныхъ сводовъ — наиболѣе типичныхъ для нашего лѣтописанія. Есть изданія важнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ и не вошедшихъ въ изданіе Археографической Коммиссіи. Есть лѣтописный матеріалъ, приготовленный къ печати, но еще не опубликованный. Стало быть опубликована сравнительно небольшая часть того матеріала, который хранится въ рукописяхъ въ бібліотекахъ и архивахъ Петрограда и Москвы.

Принимая во вниманіе, что каждый сводъ, къ какой бы лѣтописной группѣ, редакціи онъ ни принадлежалъ, имѣетъ свои такия или инныя важныя отличія отъ другихъ, даже наиболѣе близкихъ ему сводовъ, — мы поймемъ насколько сложно изученіе русскаго лѣтописанія; — какъ внимательно, съ какой тщательностью подходить надо къ изученію русской лѣтописи, чтобы отличить характерныя черты: часто то, что въ одной редакціи является болѣе древней чертой, въ другой можетъ принадлежать позднѣйшему времени (— вставки, сокращенія, поправки, отсутствія древнѣйшихъ текстовъ и т. д.)

Научное изслѣдованіе русской лѣтописи и раньше, и въ послѣднее время — предупреждало изданіе лѣтописнаго матеріала. Уже въ свое время Н. И. Костомаровъ указывалъ на недостаточность количества изданнаго матеріала. Послѣднее изданіе русскихъ лѣтописей пошло впередъ гигантскими шагами. Но и въ послѣднее время научное изслѣдованіе русской лѣтописи въ лицѣ А. А. Шахматова не довольствовалося количествомъ напечатаннаго лѣтописнаго матеріала. Этотъ ученый къ изслѣдованію русской лѣтописи помимо печатнаго матеріала сталъ уже привлекать и матеріаль рукописный. Все это говоритъ о болѣе сложной задаче изслѣдованія русскаго лѣтописанія, его громаднѣйшаго матеріала.

I.

Слѣды Владимірскаго общерусскаго свода въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ редакціяхъ (компиляціяхъ).

1. Новгородскій лѣтописный текстъ, вошедшій въ своды сѣверной и южной редакцій. Въ сѣверной и южной редакціяхъ, дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сводовъ, имѣемъ рядъ текстовъ, относящихся къ XII-му столѣтію, связь которыхъ съ новгородскимъ лѣтописаніемъ несомнѣнна. Эти тексты идутъ тамъ, начиная отъ 1117-го (6625-го) года — кончая 1152-ымъ (6660-ымъ) годомъ, и далѣе — начиная съ 1174-го (6682-го) года — и кончая 1182-ымъ (6690-ымъ) годомъ. Въ обѣихъ редакціяхъ, южной и сѣверной, — эти тексты въ большинствѣ случаевъ почти дословно совпадаютъ.

Нѣкоторые изъ этихъ текстовъ касаются такихъ деталей новгородскихъ событій, которыя могли быть извѣстны только мѣстному человѣку, новгородцу.¹⁾ Несомнѣнно, всѣ эти новгородскіе тексты попали въ своды сѣверной и южной редакцій изъ новгородскаго источника, — они дошли до нашего времени, пройдя цѣлую градацію лѣтописныхъ кодексовъ разныхъ временъ.

Отмѣтимъ эти новгородскія извѣстія сводовъ южной (Ипат. л.) и сѣверной (Лавр. л.) редакцій, — совпаденія и тождество ихъ текстовъ съ соотвѣтствующимъ текстомъ иныхъ, дошедшихъ

---

¹⁾ Укажемъ на нѣкоторыя изъ такихъ извѣстій. — Такъ, напр., въ новгородскихъ извѣстіяхъ, относящихся къ 1139, 1140 и 1141 годамъ, приводятся слова Всеволода Ольговича къ новгородцамъ и слова новгородцевъ къ нему. Разсказъ 1149 года знаетъ точный маршрутъ похода Изяслава съ новгородцами на Юрія, князя Суздальскаго: детально знаетъ причины неудачи этого безцѣльнаго похода („похромоша кони у нихъ... и т. д. Лавр.). Текстъ 1182 г. прекрасно знаетъ, что творилось съ новоторжцами во время осады Новаго Торжка Всеволодомъ. княземъ Суздальскимъ, и т. д.

до насъ сводовъ. Подъ 1117-ымъ годомъ говорится объ отозваніи Владиміромъ Мономахомъ сына его Мстислава изъ Новгорода и посаженіи тамъ внука его, Всеволода Мстиславича, — это мѣсто буквально совпадаетъ съ рассказомъ Новгородской IV-ой, Софійской I-ой, Львовской лѣтописей (текстъ южной редакцій нѣсколько болѣе детальный, находитъ болѣе соотвѣтствующій себѣ текстъ въ Тверской лѣтописи). Подъ 1128-ымъ годомъ говорится о страшномъ наводненіи въ Новгородѣ, — этотъ текстъ буквально совпадаетъ съ рассказомъ Новгородской I-ой, IV-ой, Софійской I-ой, Тверской и Львовской лѣтописей. Подъ тѣмъ же годомъ говорится о смерти Бориса, князя Полоцкаго, — объ этомъ событіи могъ скорѣе всего знать и записать Новгородскій лѣтописецъ (Новгородъ былъ ближайшимъ лѣтописнымъ центромъ отъ Полоцка); это извѣстіе въ разныхъ редакціяхъ всегда стоитъ непосредственно около вышеупомянутаго мѣста о наводненіи въ Новгородѣ, — очевидно, и въ первоисточникѣ оба эти извѣстія стояли рядомъ, текстъ этого отрывка дословно повторяютъ тексты Новг. I-ой, IV-ой, Соф. I., Твер., Льв.; извѣстіе 1134 года — о безрезультатномъ походѣ Всеволода на Суздаль въ интересахъ Изяслава (Лавр., Ипат.) — находитъ себѣ большое соотвѣтствіе въ Нов. I-ой и буквальное сходство въ Львовской. Текстъ же второго извѣстія подъ тѣмъ же годомъ о пораженіи новгородцевъ (Лав. Ип.) совершенно расходится съ текстомъ Новг. I-ой. Извѣстіе 1138-го года (въ Нов. I. — 1137 г.) о бѣгствѣ приверженцевъ Всеволодовыхъ, о его утвержденіи въ Псковѣ и смерти тамъ (Лав. Ип.) находитъ себѣ большое соотвѣтствіе въ Новгородской I-ой и въ Львовской. Извѣстіе подъ тѣмъ же годомъ объ изгнаніи Святослава Ольговича изъ Новгорода и о посаженіи тамъ Ростислава Юрьевича (Ипат., Лавр.) совпадаетъ съ Новгор. IV-ой, Соф. I-ой, Тверск., и наиболѣе съ Львовской. Рассказъ 1140-го года объ изгнаніи изъ Новгорода Святослава, о посольствѣ новгородцевъ къ Всеволоду Ольговичу, князю Кіевскому, и объ отсутствіи князя въ Новгородѣ въ продолженіи зимы и лѣта (Ипат., Лавр.) вполне совпадаетъ съ текстомъ Новг. IV-ой, Соф. I-ой, Тверс., и буквально съ Львовской л. Рассказъ 1141-го года о посольствѣ новгородцевъ къ Юрію, князю Суздальскому, и о послыкѣ Юріемъ на княженіе въ Новгородъ сына своего Ростислава (Ипат., Лавр.) — представляетъ почти буквальное

совпаденіе въ Тверск., Новг. IV-ой, Соф. I-ой, — особенно же близокъ его рассказъ съ Львовской л. Извѣстіе 1154-го года объ изгнаніи Ярослава Изяславича изъ Новгорода и о посаженіи на новгородскомъ столѣ Романа Мстиславича (Лавр.) буквально совпадаетъ съ соотвѣтствующимъ текстомъ Новг. IV-ой, Соф. I-ой, Тверск. и Львов. л. Извѣстіе подъ тѣмъ же годомъ о приглашеніи новгородцами къ себѣ на княженіе Мстислава Юрьевича (Ипат., Лавр.) совпадаетъ съ соотвѣтствующимъ текстомъ Новг. IV-ой, Соф. I-ой, Львовской. Извѣстіе 1155-го года о женитьбѣ князя Мстислава Юрьевича въ Новгородѣ (Ипат., Лавр.) буквальное соотвѣтствіе находитъ себѣ въ Новг. IV-ой, Соф. I-ой, Тверск. и Львовской л. Рассказъ 1160-го года о посольствѣ новгородцевъ къ Андрею князю Суздальскому съ просьбой дать имъ сына на княженіе (Ипат., Лавр.) совпадаетъ съ соотвѣтствующимъ текстомъ Львовской,¹⁾ дословно же съ Соф. I-ой. Извѣстіе 1174-го года о бѣгствѣ Рюрика Ростиславича изъ Новгорода и о посаженіи на новгородскій столѣ Юрія Андреевича (Ипат., Лавр.) буквально повторяется въ Новг. IV-ой, Соф. I-ой, Твер. и Львов. Извѣстіе 1179-го года о смерти Мстислава Ростиславича, князя Новгородскаго (Лавр. л.) находитъ себѣ совпадающій текстъ въ Новг. IV, Соф. I, Тверск. и Львов. (южная ред., говори здѣсь о походахъ этого князя на Чудь, Полоцкъ, Псковъ, — приводитъ „похвальный“ текстъ по поводу смерти этого князя). Рассказъ 1182-го года о приведеніи въ Новгородъ Владиміра Святославича и объ осадѣ города Торжка Всеволодомъ, княземъ Суздальскимъ (Лавр.) находитъ себѣ соотвѣтствующій текстъ въ Новг. IV-ой, Соф. I-ой, Тверск. буквально же совпадающій въ Львов. л.

Если и не полное буквальное совпаденіе, то отчасти буквальное совпаденіе, или большую или меньшую тождественность съ соотвѣтствующими мѣстами Новг. IV-ой, Соф. I-ой, Тверск. и Львов. имѣютъ остальные новгородскія извѣстія южной и сѣверной редакцій, — а именно: извѣстія 1139-го, 1149-го 1157-го, годовъ²⁾

¹⁾ Въ Новгородской I-ой иной текстъ, чѣмъ въ Лавр. Ипат лѣт.; текстъ этого извѣстія въ Львовской л. въ началѣ своемъ дословно сходится съ соотв. текстомъ Новгородской I-ой; это дословно сходное мѣсто Львов.-Нов. I. вошло въ Полихронъ при позднѣйшей редакціи.

²⁾ Подъ 1139 годомъ текстъ рассказа объ изгнаніи Юрьевича изъ Новгорода и о посольствѣ къ Всеволоду Ольговичу Кіевскому (Лавр.)

Обо всѣхъ этихъ событіяхъ новгородской общественной жизни говорится и въ Новгородской I-ой лѣтописи, но текстъ большей части этихъ извѣстій тамъ совершенно другой, нежели текстъ этихъ извѣстій въ сводахъ сѣверной и южной редакцій.

Текстъ этихъ послѣднихъ (Ипат., Лавр.) находитъ себѣ почти дословное совпаденіе съ соотвѣтствующими мѣстами Львов. и Тверск., Новг. IV-ой и Соф. I-ой, — тогда какъ въ Новг. I-ой, во многихъ соотвѣтствующихъ мѣстахъ видимъ полное различіе, и часто иное представленіе этихъ событій.¹⁾

представляетъ собою различіе соотвѣтствующаго текста въ Новгород. IV-ой и Тверск.; текстъ этого разсказа ближе всего къ тексту Львовской, — мѣстами они буквально совпадаютъ (ср. Лавр., Львов.). — Подъ 1149 г. разсказъ о походѣ Изяслава Мстиславича, кн. Кіевскаго, на Юрія Суздальскаго въ помощь новгородцамъ (Лавр.) представляетъ собою различіе съ Новг. IV-ой и Соф. I-ой; текстъ южной редакціи по отношенію къ сѣверной тоже представляетъ различіе; находитъ же соотвѣтствующій, мѣстами буквально совпадающій текстъ въ Тверск. и Львов. лѣт. (Тверск. и Львов. въ редакціи этого разсказа соединили отчасти и тексты извѣстія сѣверной р., — „кони ихъ похромоша...“ и т. д.). — Текстъ изв. 1157 г. объ изгнаніи изъ Новгорода Мстислава Юр-ча и о посаженіи тамъ Святослава Рост-ча (Ипат. Лав.) имѣетъ дословное совпаденіе съ текстомъ Львовской (въ послѣднемъ есть вставка имени Давида и представл. собою различіе съ соотв. текстомъ Новг. IV-ой и Соф. I-ой лѣт.

¹⁾ Такъ текстъ извѣстія 1140 г. въ Новг. I-ой совершенно другой: въ южной и сѣверной ред. инициатива приглашенія на княженіе въ Новгородъ сына Всеволода Ольговича принадлежитъ новгородцамъ, — а въ Новг. I-ой — самому Всеволоду Ольговичу; — въ южной и сѣверной ред. нѣтъ сообщенія о задержаніи въ Новгородѣ Святослава Ольговича, о бѣгствѣ его и Якуна и т. д., все это есть въ Новг. I-ой. Представленіе событія 1149 г. совершенно иное въ Новг. I-ой, нежели въ сѣверной р.: эта говоритъ, что походъ былъ неудаченъ: „кони похромоша, ... дошедъ (Изяславъ) до Волги, повоевавъ ю, и не успѣ ничтоже Гюргеви, воротишася..., иде Смоленску, и зимова ту“ (Лав. л.); — въ Новг. I-ой же сказано: „много воеваша (Изяславъ) людье Гюргеви и по Волзѣ взяша 6 городовъ, оли до Ярославля и опустиша, а головъ яша 7000“. Извѣстіе 1157 г. объ изгнаніи Мстислава и посаженіи Ростислава въ сѣверн. и южн. ред. — кратко и лаконично, — въ Новг. I-ой цѣлое описаніе этого событія съ его борьбой изъ за этого князя въ Новгородѣ, когда „торговый полъ сташа въ оружіи по немъ“, „а друзи по оному полу“ (Нов. I). Сравнительно большое описаніе посольства новгородцевъ къ Андрею, занесенное подъ 1160 г. сѣверной и южной ред., — въ Новг. I-ой замѣнено только краткой за-

Хронологическія данныя указанныхъ новгородскихъ извѣстій, находящихся въ сводахъ сѣверной и южной ред., а также въ сводахъ — Тверскомъ, Львовскомъ, Новгор. IV-омъ, Софійск. I-омъ, съ одной стороны, — и соответствующихъ извѣстій Новгор. I-ой лѣтописи, съ другой стороны, — тоже довольно сильно разнятся;¹⁾ — точно также какъ разнятся иногда и датировки событій по мѣсяцамъ и днямъ.

Чѣмъ же объяснить такое въ большинствѣ случаевъ различіе, иногда расхожденіе этихъ текстовъ относительно новгородскихъ извѣстій, — не указываетъ ли это на существованіе двухъ разныхъ, одновременно ведшихся въ Новгородѣ лѣтописей? — Разборъ состава нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводовъ выяснитъ намъ этотъ вопросъ, — покажетъ какими путями пришли въ дошедшіе къ намъ своды эти тексты новгородскихъ извѣстій.

2. Новгородскій и общерусскій тексты Новгородской IV-ой и Софійской I-ой лѣтописей. Уже протографъ Новгородской IV-ой и Софійской I-ой лѣтописей, текстъ которыхъ очень близокъ другъ къ другу, содержалъ въ себѣ всѣ выше перечисленные новгородскіе тексты.²⁾ А что эти тексты новгородскихъ извѣстій, находящіеся въ Новгородской IV-ой, Софійской I-ой и сводахъ сѣверной и южной редакцій, — весьма близки также и соответствующимъ текстамъ новгородскихъ извѣстій, находящимся въ Тверской и Львовской лѣтописяхъ, — выясняется изъ слѣдующаго.

Синодальный списокъ Новгородской I-ой лѣтоп. старш. редак. дошелъ до насъ безъ начала: текстъ его начинается съ мѣткой объ изгнаніи Святослава и принятіи Мстислава. Подобное видимъ и подъ 1174 г., 1182 г. и др.

¹⁾ Такъ новгород. извѣстія — о бѣгствѣ приверженцевъ Всеволодовыхъ и др., занесенны въ Лавр., Ипат., Твер. подъ 1138 г., — въ Новг. I-ой стоятъ подъ 1137 г.; — новг. извѣстіе Ипат., Лаврент., Твер. 1140 года — въ Новг. I-ой стоитъ подъ 1141 годомъ; — новг. извѣстіе 1145 года Лавр., Ипат., Твер. — въ Новг. I-ой находится подъ 1144 г.; — нов. извѣстіе 1174 г. Лав., Ипат., Твер. лѣтописей — въ Новг. I-ой стоитъ подъ 1172-ымъ годомъ, и т. д.

²⁾ Время составленія протографа Новг. IV-ой и Соф. I-ой А. А. Шахматовъ („Разысканія о древн. русс. лѣт. сводахъ“, стр. 197) относитъ къ 1448 г., — но позднѣе (въ статьѣ — „О лѣтописи“ — въ Энцикл. слов. Брокг: и Евр.) появленіе редакціи этого свода онъ относитъ къ иному времени.

отрывка статьи 1016-го года. Но утраченное начало этой летописи реставрируется посредством Коммиссионнаго и Академическаго списковъ, т. е. на основаніи Новгородской I-ой младшей редакціи. Послѣдняя въ своемъ древнѣйшемъ видѣ состоитъ — изъ Софійскаго временника, т. е. летописнаго свода, составленнаго въ началѣ XV в., — и изъ новгородскихъ записокъ, продолжившихъ его. Софійскій же временникъ, — это основное ядро Новгород. I-ой младшей ред., — онъ созданъ на основаніи: 1) протографа Синодальнаго списка (Новг. I-ой старшей ред.), 2) Кіевской летописи, для болѣе стараго времени (до 1074-го года), 3) новгородской погодной Владычной летописи, для болѣе новаго времени, XIV—XV ст. Такимъ образомъ для XII—XIII ст. нашего летописанія имѣемъ въ составѣ Новгор. I-ой лѣт. младшей редакціи, главнымъ образомъ, текстъ Синодальнаго списка.

Сравнивъ протографъ Новгородской IV-ой и Софійской I-ой съ Софійскимъ временникомъ, — то есть съ тѣмъ самымъ сводомъ, который въ нѣкоторой передѣлкѣ обнаруживаетъ списки Новгородской I-ой младшей редакціи, — убѣждаемся въ томъ, что первоисточникъ Новгородской IV-ой и Софійской I-ой летописей черпалъ матеріалъ изъ Софійскаго временника. Зависимость особенно замѣтна, начиная со второй половины XI-го вѣка. Софійскій временникъ лежитъ въ основѣ Новгородской IV-ой и Софійской I-ой, а другой источникъ даетъ только дополненія къ нему. Эта зависимость отъ Софійскаго временника очевидна изъ того, что начиная съ 1075-го года протографъ Новгородской IV-ой л. и Софійской I-ой л. сокращаетъ текстъ древнѣйшей летописной части (Повѣсти временныхъ лѣтъ), а также мѣстами и позднѣйшую часть (XII в.). — (ср. Ипат., Лавр. л.), — а это самое мы видимъ и въ Софійскомъ временникѣ (тогда какъ до 1074-го года онъ довольно полно передавалъ текстъ своего источника, — ср. Ипат. л. Лавр. л.). Между тѣмъ текстъ, касающійся новгородскихъ событій, занимаетъ здѣсь главное мѣсто, — онъ тянется на протяженіи всего свода и кончается въ сводѣ позднѣе текстовъ общерусскаго характера (тверскихъ, псковскихъ, ростовскихъ и др.). Это и дѣлаетъ первоисточникъ Новгородской IV-ой и Софійской I-ой по преимуществу новгородскимъ сводомъ. Выдѣливъ изъ нихъ текстъ, ведущій насъ къ Софійскому временнику, получимъ понятіе о другой части этого свода.

Обративъ вниманіе на разсказъ о событіяхъ XIV-го и XV-го стол. въ Новгор. IV и Соф. I лл., замѣтимъ, что тамъ описываются главнымъ образомъ событія тверскія, ростовскія, московскія, — что даетъ своду характеръ обще-великорусскій; въѣкъ же XII-ый содержитъ также и событія южныя, — кievскія, переяславскія и др., а также суздальско-владимірскія, что въ общемъ дѣлаетъ изъ него восточно-славянскій, общерусскій сводъ. Послѣднія его извѣстія относятся къ концу первой четверти XV-го вѣка.¹⁾ Въ этомъ общерусскомъ сводѣ на ряду съ кievскими, переяславскими, псковскими и др. извѣстіями читалиеь новгородскія извѣстія, главн. образомъ отсутствующія въ Новгородской I-ой лѣтописи. Такихъ извѣстій, относящихся къ общерусской части протографа Новгородской IV-ой лѣт. и Софійской I-ой л., которыхъ нѣтъ въ Новгородской I-ой лѣтописи, можно указать рядъ, — они относятся къ XII—XIII столѣтіямъ. Тексты же тѣхъ новгородскихъ извѣстій протографа Новгор. IV и Соф. I-ой лѣтописей, которые совершенно инако читались въ послѣднемъ, нежели въ Новгородской I-ой соотвѣтствующаго времени, а также отсутствіе нѣкоторыхъ текстовъ переяславскаго и кievскаго происхожденія (подъ 1146 г. и др.) — необходимо отнести также къ этой другой части протографа Новг. IV и Соф. I лл., общерусскому своду первой четверти XV-го вѣка.

3. Общерусскій текстъ Тверской и Львовской лѣтописей. Если редакція новгородскихъ извѣстій Новгородской IV и Софійской I-ой, общихъ соотвѣтствующимъ текстамъ южной и сѣверной редакцій сводовъ (Ипат., Лавр.) должна быть главнымъ образомъ отнесена къ общерусскому своду, — то въ какомъ же отношеніи къ этому послѣднему находится Тверская и Львовская лѣтописи, которыя въ большинствѣ случаевъ наиболее точно и дословно передаютъ текстъ новгородскихъ извѣстій южной и сѣверной редакцій. — Тверская л. и Львовская л., очень близкія между собою, — происходятъ отъ одного протографа, восходятъ къ этому же общерусскому своду первой четверти XV вѣка.

¹⁾ Послѣднія общерусскія извѣстія Никон., Воскр., Тверской лѣтописей оканчиваются на 1418, 1419, 1420, годахъ, — очевидно, это были послѣднія извѣстія этого свода.

Редакторъ Тверскаго свода¹⁾ прямо называетъ въ числѣ своихъ источниковъ — „Новгородское лѣтописаніе“, „новгородскаго лѣтописателя“. — И, дѣйствительно, начиная съ послѣдней четверти XI-го вѣка, Тверской сводъ пользуется Новгородской лѣтописью. Въ текстъ Тверскаго свода для XII—XIII вѣка въ извѣстной степени входятъ тексты Новгородской I-ой лѣтописи; но входятъ также новгородскіе тексты совершенно иные, или далеко не вполне схожіе съ соотвѣтствующими текстами редакціи Новгородской I-ой. Текстъ нѣкоторыхъ извѣстій списка, бывшаго въ рукахъ сводчика Тверской лѣтописи, сходится съ соотвѣт. текстомъ Новгородской I-ой старшей редакціи, — текстъ нѣкоторыхъ же другихъ извѣстій сходится съ Новгородской I-ой младшей редакціи. вмѣстѣ съ тѣмъ въ Тверскомъ сводѣ были тексты, имѣющіеся или только в Новгород. I-ой старшей редакціи или же только въ спискахъ Новгор. I-ой младшей ред. Есть же и цѣлый рядъ такихъ мѣстъ, которыхъ нѣтъ ни въ Новгор. I-ой старшей, ни въ Новгор. I-ой младшей редакціи.

Это объясняется тѣмъ, что въ древнѣйшей своей части, — до 1078-го года (въ которой нѣтъ еще заимствованій изъ Новгородской I-ой лѣтописи), Тверской сводъ пользовался Софійской I-ой лѣтописью. Повтореніе въ этой части Тверскаго свода (до 1078 г.) нѣсколькихъ извѣстій, фразъ, сходныхъ текстовъ — говоритъ за то, что рядомъ съ Софійской I-ой Тверской сводъ пользовался и еще другимъ источникомъ. При этомъ второй источникъ Тверскаго свода (въ части до 1078-го года) былъ довольно близко сходенъ съ Софійской I-ой лѣт.; его сходство съ Софійской I-ой было причиной того, что въ рядъ статей этой послѣдней сдѣланы были вставки и дополненія изъ него. Такимъ дополненіемъ могъ быть списокъ Царскаго Софійской I-ой лѣтописи²⁾ А. А. Шахматовымъ было указано

¹⁾ Тверской сводъ распадается на двѣ части: отъ сотворенія міра до 1255-го года включительно — I-я часть свода, а отъ 1247-го года до 1499-го года включительно — II-я часть.

²⁾ Списокъ Царскаго представляетъ изъ себя Софійскую I-ю лѣтопись, дополненную матеріаломъ изъ другого источника. Вслѣдствіе этого съ 80-хъ годовъ XIV ст. текстъ его особенно сильно разнится отъ остальныхъ редакцій Софійской I-ой. Эта разница въ текстахъ списка Царскаго съ Соф. I-ой зазначена въ изданіи Софійской I-ой лѣт. (Полн. собр. русс. лѣт., т. V.)

уже, что список Царскаго дополнилъ текстъ Софійской I-ой лѣтописи по общерусской лѣтописи, такъ называемому Владимірскому Полихрону. Выдѣливъ въ части до 1078-го года изъ Тверскаго свода текстъ, который не восходитъ къ особой редакціи Софійской I-ой лѣтописи, получится рядъ статей и извѣстій, имѣющихъ общерусскій характеръ, весьма разнообразный, конечно, по своему происхожденію. Эта то общерусская (— до 1078-го г.) часть Тверскаго свода имѣетъ общія мѣста съ той частью списка Царскаго, матеріаль которой черпался изъ Владимірскаго Полихрона. Стало быть въ части до 1078-го года Тверской сводъ въ числѣ своихъ источниковъ имѣлъ также Владимірскій Полихронъ.

Съ 1078-го года редакторъ Тверскаго свода въ значительной степени оставляетъ Софійскую I-ю, какъ свой источникъ, и обращается къ Новгородской I-ой. Однако, въ части 1078—1255 гг. находимъ въ Тверской и такія извѣстія, которыхъ нѣтъ въ Новгородской I-ой; — это извѣстія — кіевскія, переяславскія, псковскія, владимірско-суздальскія. Очевидно, что и въ части, относящейся къ XII-му и XIII-му вѣкамъ сводчикъ Тверской лѣтописи пользовался тѣмъ же Владимірскимъ Полихрономъ.

Это послѣднее положеніе подтверждается текстомъ Львовской лѣтописи,¹⁾ которая сходствуетъ съ Тверской въ рядѣ текстовъ какъ новгородскихъ извѣстій, такъ и общерусскихъ. Это сходство этихъ обѣихъ лѣтописей можетъ объясняться пользованіемъ однимъ общимъ источникомъ. Такимъ общимъ источникомъ общерусскаго характера для обѣихъ лѣтописей (— точнѣе: для ихъ общаго протографа) и могъ быть древній общерусскій сводъ — Владимірскій Полихронъ. Списокъ Царскаго, Воскресенская, Новгородская IV-ая, Никоновская восходятъ къ этому же Владимірскому Полихрону, — многія же извѣстія (какъ общерусскія, такъ и новгородскія, Тверской и Львовской (особенно въ части 1078—1255 годовъ) дословно почти совпадаютъ и вообще сходствуютъ съ этими

¹⁾ Львовская лѣтопись названа по имени издателя ея Н. А. Львова, выпустившаго ее въ свѣтъ въ 1792 году (С. П. Б.) Въ виду допущенныхъ этимъ издателемъ отступленій отъ оригинала, Петроградской Археологической Коммиссіей была издана эта лѣтопись вновь (1910 г., С. П. Б.), — по Эттеровой рукописи, хранящейся въ Петрогр. Публичной Библиотекѣ. Послѣдняя статья этой рукописи 7067-го (1559-го) года.

последним; — это также подчеркивает ту мысль, что Тверская и Львовская пользовались Владимірскимъ Полихрономъ.

Общерусскія и новгородскія извѣстія, находящіяся въ Новгородской IV-ой, Софійской I-ой, Тверской и Львовской лѣтописяхъ, — общія тѣмъ или другимъ изъ нихъ, прекращаются въ первой четверти XV-го столѣтія. Другія лѣтописи, какъ Воскресенская и Никоновская, восходящія къ тому же древнему общерусскому первоисточнику, къ которому восходятъ Новгородская IV-ая, Софійская I-ая, Тверская и Львовская, также кончаютъ общія свои извѣстія общерусскаго характера въ первой же четверти XV ст. Это говоритъ за то, что сводъ позднѣйшей редакціи, къ которому восходятъ Новгородская IV-ая, Софійская I-ая, Тверская, Львовская, Воскресенская и Никоновская лѣтописи — кончался въ первой четверти XV-го столѣтія.¹⁾ Въ основѣ свода, къ которому восходятъ всѣ эти лѣтописи, лежалъ древнѣйшій общерусскій сводъ Владимірской редакціи, такъ называемый Владимірскій Полихронъ. Анализъ состава Новгородской IV-ой, Софійской I-ой, Тверской, Львовской и схожихъ показываетъ, что общерусскій лѣтописный матеріалъ этого древняго Владимірскаго свода черпался редакторомъ его изъ различныхъ лѣтописныхъ источниковъ, — какъ кievскаго, такъ и мѣстныхъ (перемыславскаго, суздальскаго, владимірскаго). Въ составъ этого Владимірскаго свода вошли и произведенія агіографической литературы и народной словесности. — Процессовъ этой сложной Владимірской лѣтописной кодификаціи, отразившей въ себѣ и процессы южной лѣтописной кодификаціи болѣе ранняго времени, — мы коснемся ниже.

¹⁾ Последнія общерусскія извѣстія свода первой четверти (— точнѣе: конца первой четверти) XV-го ст., общія тѣмъ или другимъ сводамъ, восходящимъ къ нему, прекращаются подъ слѣдующими годами: — въ Никоновской лѣтописи послѣднимъ извѣстіемъ тверскимъ, общимъ съ Тверской лѣтописью, оказывается извѣстіе 1413 года; — тоже извѣстіе 1413 года (о пожарѣ въ Твери) является послѣднимъ въ Новгородской IV-ой лѣтоп. — Ростовскія извѣстія въ Никоновской, Тверской, Воскресенской лѣт. являются послѣдними подъ 1418 годомъ (— о поставленіи владыки Діонисія). — Нижегородскія извѣстія въ Никоновской и Тверской являются послѣдними подъ 1422 годомъ (— о высокой цѣнѣ на хлѣбъ) и т. д.

Что же касается лѣтописныхъ сводовъ, принадлежащихъ сѣверной и южной редакціямъ, то хотя тексты новгородскихъ извѣстій этихъ сводовъ и вполне тождественны съ соотвѣтствующими текстами свода первой четверти XV ст. (Твер., Львов. и сх.), хотя есть большая общность и тождественность въ соотвѣтствующемъ общерусскомъ матеріалѣ этихъ сводовъ (сводъ сѣверной и южной редакцій, съ одной стороны, — и свода первой четверти XV в., съ другой), — но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и большія различія между ними. Это показываетъ, что своды сѣверной и южной редакціи положены на иной древней лѣтописной редакціи, нежели первоисточникъ Тверской, Львовской, Новгородской IV-ой, Софійской I-ой и сх. (— т. е. сводъ перв. четв. XV ст.)

II.

Первоначальный текст Владимірскаго лѣтописнаго свода древнѣйшей редакціи.

1. Черты древняго Владимірскаго свода и позднѣйшія вставки въ него. Определеніе состава древнѣйшаго Владимірскаго свода, такъ называемаго Владимірскаго Полихрона, возможно путемъ сравнительнаго изученія ряда текстовъ, въ такой или иной степени отразившихъ его въ себѣ. Но эти нѣкоторые тексты, восходящіе къ древнѣйшему Владимірскому своду: съ одной стороны — Воскресенская и Никоновская лѣтописи, — съ другой стороны, Тверская и Львовская, — кромѣ этого Владимірскаго свода имѣли въ своихъ основаніяхъ и другіе лѣтописные своды, какъ, напр., первыя двѣ — Московскій сводъ конца XV ст. и др., — вторыя двѣ — Южную лѣтопись середины XIII-го вѣка, Новгородскую начала XIV в. и др. Однако, на основаніи тѣхъ и другихъ лѣтописей, въ особенности же принимая во вниманіе данныя Тверской и Львовской, — можно составить себѣ представленіе объ этомъ сводѣ.

Первоисточникъ Тверской, Львовской, Воскресенской, Никоновской, Новгородской IV-ой, Софійской I-ой и др. схожихъ лѣт., создавшійся довольно поздно — въ началѣ XV-го вѣка, былъ въ извѣстной степени отличенъ отъ протографа Лаврентьевской, Радзивиловской, Троицкой, Суздальско-Переяславльской и сх. лѣтописей. Съ одной стороны протографъ первой группы сводовъ, несмотря на свое позднее происхожденіе, сохранилъ въ себѣ болѣе древнія черты, нежели протографъ Лаврентьевской, Радзивиловской и сх., — съ другой стороны этотъ протографъ имѣетъ въ древней своей части нѣсколько позднѣйшихъ добавленій противъ текста Лаврентьевской, Радзивиловской и сх.

Такъ, въ первоисточникѣ, протографѣ Тверской, Львовской и сх. нѣтъ ряда тѣхъ мѣстъ Владимірскаго лѣтописанія, которыя въ протографѣ Лаврентьевской-Радзивіловской вставлены позднѣе съ цѣлью возвеличенія города Владиміра-на-Клязьмѣ передъ „старѣйшими“ городами и Суздальско-Владимірскаго князя, какъ „великаго“ князя. Присмотрѣвшись къ тексту этого первоисточника (Лавр., Радз. л.), сразу увидимъ какъ этотъ текстъ разбитъ вставками.¹⁾ Вставки въ текстъ этого первоисточника, сдѣланныя съ цѣлью „возвышенія“ владимірцевъ и ихъ князя въ статьяхъ подъ цѣлымъ рядомъ годовъ (Лавр., Радзив. л.), — логически калѣчатъ и разбиваютъ текстъ этого протографа.²⁾

¹⁾ Такъ, въ статьѣ *подъ 1176 г.* послѣ словъ: „и бысть радость велика въ Володимери градѣ, видяще у себя великаго князя всея Ростовьскыя земля“ — должно было бы стоять фактическое продолженіе этого разсказа — „Потомъ прислашася къ Михалкови князю Суздальци...“ (какъ это и есть въ Тверской, Львовской, Воскресенской лѣт.); — на самомъ же дѣлѣ тамъ (Лавр., Радз.) между приведенными словами вставлено мѣсто, направленное къ оправданію политики Владимірскаго князя, сдѣланное съ цѣлью унижить враговъ возвышающагося Владиміра („Ростовъ и Суздаль... не хотяху створити правды Божья..., слушающе злыхъ чловѣкъ, нехотящихъ намъ добра“, — сама Божья Матерь „заступи градъ свой (Владиміръ) отъ великихъ бѣдъ, и гражда ны своя укрѣпляетъ“, — далѣе: „новіи же людье мезиніи Володимѣрстїи яшася по правду крѣпко“, — и — „Володимѣрци прославлени Богомъ по всей земли за ихъ правду —, Богови имъ помагающе“); — *подъ 1177 годомъ* послѣ словъ: „И бывшимъ имъ у Коломны, приде вѣсть, оже Глѣбъ шель Володимерю инѣмъ путемъ и воюеть около Володимеря, и съ половци погаными“ — логически должно было бы слѣдовать вотъ какое мѣсто: „князь же Всеволодъ возвратившася отъ Коломны...“ и т. д. (— какъ это мы видимъ въ Тверск., Львов., Воскр., лѣт.); — но между приведенными текстами мы видимъ въ протографѣ Лаврент. — Радзивил. лѣт. вставной текстъ — о разграбленіи Боголюбской церкви, гдѣ приводится восхваленіе фундатора этой церкви, владимірскаго князя, Андрея; послѣдняя фраза этого отрывка о Боголюбской церкви. — „Но мы на преднее възвратимся“ — сама по себѣ указываетъ на вставочность этого мѣста; — и т. д.

²⁾ Поэтому, оправданія Андрея за разореніе Кіева (— „се же здѣся за грѣхи ихъ, паче же за митрополичью неправду... и т. д.), которое было въ источникѣ Лавр., Радз. и схож. л. *подъ 1169 г.*, — въ древн. Владимірскомъ св., Влад. Полихронѣ (ср. Новгород. IV-я, Соф. I, Длугошъ) не было; — не было въ этомъ сводѣ (Твер., Львов. л.) и тенденціознаго мѣста статьи 1176 г. протогр. Лавр. — Радзив. — о неправдѣ „старѣйшихъ“ городовъ и др. — и мѣста *подъ 1177 г.* — о раз-

Къ характеристикѣ тенденціозности составителя протографа Лаврент. — Радзив. лѣт. замѣтимъ еще слѣдующее явленіе, относящееся къ разсказу 1177-го года объ ослѣпленіи владимірскимъ княземъ, Всеволодомъ, князей Ростиславичей; — составителю его трудно повторить цѣликомъ разсказъ о самомъ ослѣпленіи этихъ князей, онъ не можетъ найти оправданія этому преступленію Всеволода. Помѣстивъ первую половину этого разсказа въ своемъ сводѣ (Лавр., Радз.), онъ вдругъ останавливается на словахъ: „князю же Всеволоду печальну бывшу не могшу удержати людій множества ихъ ради влича...“, перестаетъ дальше списывать текстъ этой статьи, послѣ чего пе-

---

ореніи церкви Боголюбской; — подъ 1178 г. протографъ Лавр. — Радзив. силится оправдать князя владимірскаго Всеволода за разореніе Торжка и приводитъ въ его оправданіе соотвѣтствующія мѣста изъ Библіи (прор. Амоса, IV, 7—9, пр. Захаріи, IV, 3); — въ древнѣйшемъ Владимірскомъ сводѣ (Твер., Львов., Воск.) этого также не было; — не было въ немъ (Твер., Львов., Воск.) подъ 1179 г. и значительной части характеристики епископа владимірскаго, Луки, имѣвшейся полностью въ прот. Лавр. Радз.; — прот. Лавр. — Радз. л. въ статьѣ подъ тѣмъ же годомъ — о пожарѣ храма Пресв. Богородицы во Владимірѣ, стараясь оправдать владимірцевъ за таковое Божье наказаніе приводитъ мѣста изъ св. Писанія (— отъ Матѳея, XI, 12; псал. Давида СХХІХ, 3; пс. Давида СII, 10; пс. Давида С, 5; пс. Давида СХVІІІ, 134; прор. Исаіи: ХХVІ, 16, и I, 17; кн. Іова I, 21), которыхъ въ древн. Владимірск. сводѣ (Твер., Львов., Воскр.) не было. — Въ статьѣ 1185 г. — о походѣ князей на половцевъ, взятой, повидимому, изъ переяславскаго источника, въ Владимірскомъ сводѣ не было, — какъ не было тамъ и ряда благочестивыхъ разсужденій (Тверс., Львов., Воск.), которыя въ протографѣ Лавр.-Радз. были (— „сдѣя Господь спасенье великое нашимъ княземъ“ ... и т. д. — и далѣе: „славяще Бога и св. Богородици...“ и т. д.). Въ статьѣ 1186 г. — о походѣ Игоря, взятой повидимому оттуда же, этотъ древнѣйшій Владимірскій сводъ (Твер., Воскр., Львов.) не содержалъ тѣхъ вставокъ, которыя имѣются въ протогр. Лавр., Радз. л. (— псаломъ Давида: ХХХVІ, 33, — ХХХІІІ, 16; прор. Исаіи ХХХVІ, 16; Дѣян. Апост. ХІV, 22). — Въ Полихронѣ (Воск.) не было повидимому и тѣхъ вставокъ статьи 1187 г., которыя мы видимъ въ протогр. Лавр.-Радз. л. (— псал. Давида: СХХІХ, 3, — СХVІІ, — LIX, 4—5; пр. Исаіи, ХХVІ, 16). — Въ ст. 1190 г. этотъ Владимір. сводъ (Воск.) не содержалъ, по видимому, цитаты изъ пр. Исаіи: LXVІ, 2, бывшей въ протогр. Лавр. Радз. — Въ ст. 1193 г. — о пожарѣ Владиміра этотъ древ. Владимір. св. (Твер., Львов., Воскр.) не содержалъ большинства текста ея, — а именно: не было благочестивыхъ разсужденій, имѣющихся въ протогр. Лавр. — Радз. лѣт., начиная со словъ: „и много зла учинися...“

реходить къ перепискѣ статьи слѣдующаго, 1178-го года. Онъ не отважился повторять то, что говорилось о самомъ фактѣ ослѣпленія Ростиславичей Всеволодомъ, ибо скоро тогда прошелъ слухъ о чудѣ надъ Ростиславичами, которымъ Богъ вернулъ зрѣніе. Фактъ ослѣпленія этихъ князей слишкомъ скандализировалъ Всеволода; поэтому, редакторъ прот. Лавр. — Радз. л., сторонникъ Всеволода, не могъ такъ спокойно повторить этого, какъ это могъ сдѣлать древн. Полихронъ (Львов., Нов. IV, Соф. I.), помѣстившій цѣликомъ весь этотъ рассказъ, не выключая и разсказа о чудѣ надъ Ростиславичами. Такимъ образомъ цѣльность этого разсказа (включая и ту часть его, гдѣ говорится о чудѣ) надо отнести къ болѣе древней редакціи, къ древн. Владимірскому своду, — пропускъ же второй части этого разсказа — къ болѣе новой редакціи, къ протографу Лаврентьевской, Радзив. и схожихъ съ ними лѣтописей.

Не было въ древнѣйшемъ Владимірскомъ сводѣ (Твер. Львов.) и ряда кievскихъ извѣстій, имѣющихъ между собою тѣсную внутреннюю связь, — это извѣстія о поставленіи въ разныхъ мѣстахъ на Руси епископовъ, о смертяхъ епископовъ и о смертяхъ князей и княгинь — по — преимуществу.¹⁾

¹⁾ Такъ, въ др. Владимірскомъ сводѣ, Влад. Полихронъ (Твер., Львов.) нѣтъ извѣстія о смерти греческаго царя Алексія, помѣщеннаго въ протографѣ Лавр.-Радз., Ипат. л.) подъ 1119 г.; нѣтъ извѣстія 1122 г. о смерти епископа Юрьевскаго, Данила (Лавр., Радз., Ип.); нѣтъ подъ тѣмъ же годомъ о знаменіи въ солнцѣ и лунѣ (Лавр., Радз., Ип.); нѣтъ о приходѣ въ Кіевъ изъ Царяграда митрополита Никиты, занесеннаго въ прот. Лавр. Радз. и др. подъ тотъ же годъ; нѣтъ въ др. Владим. сводѣ извѣстія того же года о смерти Амфилохія, епископа Владиміро-Волинскаго; подъ 1123 г. въ Полихронѣ нѣтъ двухъ извѣстій: о поставленіи Симеона епископомъ Владиміру Волинскому и о смерти Теокиста, епископа Черниговскаго (Лавр., Радз., Ипат.); нѣтъ тамъ извѣстія 1127 г. о смерти князя Брячислава Святополчича (ib.), а подъ 1129 г. — о смерти князя Михаила Вячеславича (ib.); нѣтъ подъ 1134 г. — о смерти Симеона, еп. Владиміро-Волинскаго, а подъ 1137 г. — о поставленіи Смоленску епископа Мануила и Владиміру Волинскому еп. Θεодора (ib.); нѣтъ въ этомъ сводѣ подъ 1144 г. — о zaloженіи церкви въ Каневѣ (ib.); нѣтъ тамъ извѣстія 1145 г. о перенесеніи княгинею Елеиою останковъ князя Ярополка въ церковь св. Андрея Яччина монастыря (ib.); нѣтъ и извѣстія 1146 г. о смерти княгини Маріцы Володиміровны (ib.); нѣтъ извѣстія 1156 г. о смерти епископа Нифонта, пришедшаго изъ Новгорода въ Кіевъ и тамъ почившаго (ib.); подъ 1158 г. нѣтъ извѣстія о приходѣ на епископство въ Ростовъ Ле-

Не было въ древн. Владимірскомъ сводѣ (Твер., Львов.) и ряда переяславскихъ извѣстій, взятыхъ изъ одного опредѣленнаго источника, Переяславской лѣтописи.¹⁾

Не было въ древнѣйшемъ Владимірскомъ сводѣ (Влад. Полихронѣ) нѣкоторыхъ суздальскихъ извѣстій.²⁾

Это отсутствіе въ первоисточникѣ Твер., Львов. и сх. ряда владимірскихъ, кievскихъ, переяславскихъ и суздальскихъ извѣстій — не есть случайное явленіе: — и это, конечно, никакъ нельзя объяснить тѣмъ, что составитель общаго свода, къ которому восходятъ Тверская, Львовская, Новгородская IV-ая, Софійская I-я, Воскресенская и др., собиралъ свой первоисточникъ. Ибо этотъ составитель не могъ задаться цѣлью опустить въ своемъ трудѣ всѣ тенденціозные владимірскіе тексты, — опустить кievскія извѣстія: и то такія, которыя касаются почти

она, поставленнаго въ Кіевѣ митрополитомъ (ib.); нѣтъ извѣстія 1128 г. о безпорядкахъ въ печерск. мон., возникшихъ изъ-за выбора игумена (ibid.); и нѣк. др.

¹⁾ Въ древ. Владимірской редакціи (Владим. Полихронѣ) не было слѣдующихъ извѣстій переяславскихъ, имѣвшихъ въ протографѣ Лавр., Радзив., Ипат. и др. сводовъ южной и сѣверной редакцій: извѣстія 1150 г. о грабежѣ Переяслава половцами нѣтъ (Твер., Львов.); изв. 1151 г. о смерти переяславскаго князя Ростислава Юрьевича нѣтъ (Твер.); извѣстія 1152 г. о побѣдѣ переяславскаго князя Мстислава надъ половцами нѣтъ (Твер. л.). Не было и болѣе раннихъ переяславскихъ извѣстій въ этомъ сводѣ (Твер., Львов.): подъ 1126 г. о поставленіи во епископы Переяслава-Маркелла, а подъ 1134 г. о смерти этого епископа въ Переяславѣ. Подъ 1146-ымъ годомъ тамъ (Твер., Львов. Новг. IV, Соф. I-я лѣт.) не было мѣстъ, связанныхъ съ переяславской кафедральной церковью св. Михаила и личностью переяславскаго епископа Евфимія, имѣвшихъ въ протографѣ сводовъ сѣверной и южной редакцій.

²⁾ О томъ, что Суздальскій текстъ — о подвигахъ Андрея Юрьевича подъ Луцкомъ, не вполне искусно вставленный подъ 1149 годомъ въ текстъ древней Кіевской лѣтописи (Лавр., Ипат.), отсутствовалъ въ древ. Владим. сводѣ, свидѣтельствуется не содержащій этого отрывка текстъ Яна Длугоша, который даетъ дословный переводъ статьи 1149 года. Другого суздальскаго текста подъ тѣмъ же годомъ (Андрѣви Богъ вложи въ сердце...“ и т. д. Лавр., Ипат.) также не было тамъ (Твер. л.). Не было въ этомъ сводѣ и суздальскаго текста статьи 1152 года — о храбрости князя Андрея во время осады Чернигова, бывш. въ прот. Лавр.-Ипат.: при всемъ дословномъ переводѣ этой статьи Яномъ Длугошемъ, помѣщенной имъ въ своемъ сводѣ подъ 1154 годомъ, — это извѣстіе у него отсутствуетъ.

только смертей епископовъ, князей и княгинь, а также поставленія епископовъ, — опустить значительную часть извѣстій переяславскихъ, — нѣкоторые тексты суздальскаго происхожденія. Тѣмъ болѣе это трудно допустить, что текстъ каждаго изъ этихъ извѣстій выпускается здѣсь въ такой мѣрѣ, какъ этого требовала логичность текста Владимірской лѣтописи, среди котораго (разбивая его) въ протографѣ Лавр.-Радз.-Ипат. всѣ эти извѣстія заключаются.

Слѣдовательно пропускъ всѣхъ этихъ (владимірскихъ, кievскихъ, переяславскихъ, суздальскихъ) извѣстій въ первоисточникѣ Львовской и Тверской лѣтописей можетъ быть объясненъ только тѣмъ, что составитель его держался не протографа Лаврентьевской-Радзивилловской лѣтописей, — а старшаго, чѣмъ этотъ послѣдній.

Что этотъ первоисточникъ Львовской и Тверской лѣтописей дѣйствительно восходитъ къ болѣе старшей редакціи, нежели редакція протографа Лавр.-Радзив. лѣт. (въ части XII-го в.), — это объясняется не только систематическимъ отсутствіемъ въ протогр. Твер., Львов. лѣт. ряда извѣстій, взятыхъ изъ опредѣленныхъ источниковъ, но отчасти и самой редакціей нѣкоторыхъ изъ этихъ переяславскихъ и суздальскихъ текстовъ, которіе вошли въ протографъ Твер. и Львов. лѣт.¹⁾

¹⁾ Такъ, во второмъ суздальскомъ извѣстіи 1152 г. — объ ободреніи суздальскихъ воиновъ („не крѣпко бующихся...“) въ протогр. Лавр., Радз. инициатива этого дѣла исходитъ вообще отъ князей; — въ Тверской же инициатива въ данномъ случаѣ принадлежитъ кн. Андрею. — Извѣстіе это въ Тверской болѣе согласно съ духомъ ранней Суздальской лѣтописи, которая все вниманіе свое сосредоточиваетъ на Андрѣѣ. Это извѣстіе Тверской точно также редактируется въ Воскрес. и Никонов. лѣт. Редакцію этого извѣстія этихъ сводовъ (Твер., Вос., Ник.) надо считать болѣе первоначальной. — Въ статью 1149 г. редакція Полихрина, составленную изъ разныхъ лѣтописныхъ текстовъ (— въ части, гдѣ она касается борьбы Изяслава съ Юріемъ на поляхъ переяславскихъ), — матеріалъ Кіевской лѣтописи взятъ въ иной мѣрѣ и въ иномъ отношеніи къ матеріалу переяславскаго лѣтописанія, нежели въ протогр. Лавр.-Радз. лѣт. Въ послѣднемъ рядъ сдѣланныхъ со временемъ кievскихъ вставокъ сильно разбиваетъ послѣдовательность разсказа. Вслѣдствіе этого текстъ этой статьи св. ред. Полихрона (кот. не содержитъ этихъ вставокъ) гораздо болѣе послѣдователенъ, нежели въ протогр. Лавр.-Радзив. л. (это ясно въ текстѣ этой статьи, дословно переведенной и

Итакъ, — отсутствіе въ текстѣ Твер., Львов., равно — Воскр. и схож. лѣт. указанныхъ мѣстъ свидѣтельствуесть, что въ основаніи протографа этой группы лѣтописей лежалъ сводъ болѣе древній, нежели протографъ Лавр.-Радз. и Ипат.-Хлѣбн. лѣт. Позднѣйшее присутствіе этихъ вставокъ въ этомъ послѣднемъ только разбиваетъ послѣдовательность текста, логическое теченіе мысли, что ясно показываетъ ихъ вставочность тамъ (Лавр. и др.).

Границы пропущенныхъ въ Тверск., Львовск. текстовъ какъ разъ совпадаютъ съ границами вставокъ, сдѣланныхъ въ Лавр.-Радз. л. — Трудно думать, чтобы кто-либо изъ редакторовъ древняго Владимірскаго свода (Влад. Полихрона) или позднѣйшій редакторъ источника Твер., Львов. и сх. задался цѣлью выпускать изъ своего свода какъ разъ приведенныя выше (владимірскія, кіевскія, переяславскія и суздальскія) извѣстія, не оставивъ въ своемъ сводѣ никакихъ слѣдовъ о томъ, что они когда либо были въ немъ. Тѣмъ болѣе, что когда одинъ изъ позднѣйшихъ редакторовъ, дѣйствительно, сокращалъ, то сокращалъ текстъ своего первоисточника не считаясь съ тѣмъ, какія извѣстія какого происхожденія онъ выпускаетъ изъ своего источника.

Но протографъ Лавр.-Радз., съ одной стороны, — и прот. Твер.-Львов.; съ другой, — отличаются другъ отъ друга не только этими вставками въ текстъ перваго. — Только что замѣчено, что этотъ древн. текстъ Полихрона (Твер., Львов.) при позднѣйшей редакціи сокращался и дополнялся, имѣлъ лишнія мѣста противъ текста прот. Радз.-Лавр. л.

Это явленіе припадаетъ на то время, когда позднѣйшій редакторъ свода, имѣвшаго въ своемъ основаніи древнѣйшій Владимірскій сводъ (Владимірскій Полихронъ), — соединилъ свой сводъ съ матеріаломъ Южной лѣтописи, сложенной въ половинѣ XIII-го вѣка.¹⁾ Этимъ объясняются вставки южныхъ заключенной въ сводъ Яна Длугоша), — что также свидѣтельствуесть о большей первоначальности текста сводовъ, имѣющихъ въ своемъ основ. Полихронъ.

¹⁾ Послѣдними статьями этой Южной лѣтописи надо считать слѣдующія, — извѣстіе 1239 г. — о взятіи Батыемъ Чернигова и Переяслава (Новг. IV, Соф. I); — извѣстіе 1240 г. — о взятіи Батыемъ Кіева (Новг. IV, Соф. I, Львов.); — извѣстіе 1246 г. — объ убіеніи въ ордѣ Михаила, князя черниговскаго и боярина, Θεодора (Львов. л.).

извѣстій въ позднѣйшей редакціи, имѣвшей въ своей основѣ древнѣйшій Владимірскій сводъ. Эти вставки этой позднѣйшей редакціи находятъ себѣ буквалное соотвѣтствіе въ южной редакціи; и, повидимому, происхожденія кіевскаго и черниговскаго; — слѣдуютъ онѣ на протяженіи XII го и первой половины XIII-го вѣка (Твер., Львов.). Отсутствіе вмѣстѣ съ тѣмъ какихъ либо вставокъ изъ Галицко-Волинской лѣтописи (Твер., Львов.) показываетъ, что съ этой позднѣйшей редакціей былъ соединенъ сводъ южной редакціи, — но еще той редакціи, когда въ его составъ не вошла еще Галицко-Волинская лѣтопись.

Соединеніе текста южнаго съ текстомъ Владимірснаго Полихрона сильно повліяло на составъ этого послѣдняго. — Не имѣя возможности справиться съ этимъ огромнымъ своимъ матеріаломъ, этотъ позднѣйшій редакторъ протографа Твер. и Львов. лѣт., — съ одной стороны, сталъ мѣстами сокращать первоначальный текстъ этого послѣдняго, — съ другой же стороны, мѣстами дополнять первоначальный свой текстъ матеріаломъ, черпаемымъ изъ свода южной редакціи. Причемъ, какъ сокращенія, такъ и вставки производятся имъ довольно грубо.¹⁾

¹⁾ Эти искаженія первоначальнаго текста Полихрона видны изъ ряда мѣстъ. — Такъ, въ началѣ статьи 1148 г. этотъ позднѣйшій редакторъ списываетъ текстъ извѣстія о походѣ Глѣба Юрьевича на Мстислава къ Переяславу (ср. Лавр., Воскр.); но этого послѣдняго онъ не оканчиваетъ, а берется за списываніе совершенно другого мѣста изъ другого, дополнительнаго источника южной редакціи — о борьбѣ Ольговичей и Юрія Суздальскаго съ Изяславомъ Кіевскимъ и о взятіи послѣднимъ черниговскихъ городовъ: Всеволожа, Унѣжа, Бохмача (ср. Ипат.). Послѣ этого безъ всякой связи съ предыдущимъ редакторъ опять слѣдуетъ первоначальному своему тексту, списывая извѣстіе о посылкѣ Юріемъ сына своего Ростислава въ помощь Ольговичамъ (Львов., ср. Лавр.). Подъ 1150 г. удалена имъ (ср. Львов.) половина переяславскаго извѣстія о приходѣ въ Переяславъ Андрея, а другая половина безсвязно оставлена (ср. Лавр.). Подъ 1152 г. изъ текста (ср. Львов.) о приходѣ угорскаго короля въ Галичину, на Володимірка, въ помощь Изяславу Кіевскому — кое-что выпущено, кое-что оставлено, — такъ что сразу видна рука сократителя (ср. Лавр.). Она коснулась и старѣйшей части древн. Владимірскаго свода, т. наз. Повѣсти временныхъ лѣтъ, — такъ, напр., часть цитаты изъ Амартола выпущена („отъ ннхъ же первіи Сиріи, живяще на концѣ земли . . .“ и т. д.), часть же оставлена; — далѣе подъ 852 г. часть текста о царѣ греческомъ Михаилѣ пропущена (— „о семь же увѣдахомъ, яко при томъ же цари . . .“ и т. д.), часть же оставлена (ср. Лавр.). Этотъ редакторъ,

Въ этихъ вставкахъ и сокращеніяхъ сразу можно отличить болѣе поздняго редактора этой лѣтописи отъ болѣе ранняго. Этотъ позднѣйшій редакторъ, дѣйствительно, сокращаетъ свой текстъ, искажаетъ его вставками изъ другого источника, близкаго Ипатьевской лѣтописи (южн. ред.). Приэтомъ, выпускалъ изъ него часто оч. важныя извѣстія (— какъ напр., текстъ извѣстія объ осадѣ угорскимъ королемъ Перемышля, — подъ 1152 г., ср. Лав.; — выпускалъ важныя детали борьбы Юрія съ Изяславомъ, — подъ 1150 г., ср. Лав.), вслѣдствіе чего пониманіе событій подъ этими годами становится неяснымъ; неясна и картина борьбы между кіевскимъ и суздальскимъ князьями — подъ 1148 г., вслѣдствіе сдѣланныхъ здѣсь пропусковъ, и т. д. Одновременно же вставлялъ онъ извѣстія сравнительно менѣе важныя, особенно для представленія всего образа политическихъ отношеній въ то время (— какъ извѣстіе 1148 г. о началѣ кампаніи Юрія противъ Изяслава, взятое изъ южнаго источника (ср. Ипат.), или извѣстіе 1160 г. объ отношеніи между собою князей черниговскихъ, имѣвшее мѣстное значеніе (ср. Ипат.)). Вслѣдствіе этого получилась нѣкоторая внутренняя несообразность въ текстѣ др. Владимірскаго свода, когда онъ прошелъ позднѣйшую редакцію: текстъ нѣкоторыхъ болѣе важныхъ извѣстій пропущенъ, текстъ же иногда сравнительно менѣе важный вставленъ туда изъ новаго источника. Этотъ позднѣйшій редакторъ не считался съ тѣмъ что онъ выпускаетъ изъ первоначальнаго текста, какъ это сокращеніе дѣлаетъ, — на половинѣ разсказа обрываетъ текстъ кіевской лѣтописи (1148 г.), на половинѣ разсказа обрываетъ онъ и переяславскій текстъ (1150 г.). Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о болѣе или менѣе цѣльномъ выдѣленіи, или вставкѣ текста того или другого извѣстія, — что могло бы свидѣтельствовать о болѣе или менѣе сознательной обработкѣ свода; — это не было въ силахъ редактора такъ неумѣло соединившаго текстъ своего основного источника съ текстомъ южнаго источника середины XIII вѣка.

Кромѣ южнаго свода эта позднѣйшая редакція, соединила со своимъ основнымъ текстомъ еще одинъ лѣтописный источ-

---

бывало, перепутывалъ матеріаль: — такъ, первая фраза статьи 1139 г. (— „сѣде Олговичь въ Киевѣ, нача рать замышляти на Володимеричи...“ Лав., Рздз.) поставлена этимъ редакторомъ какъ разъ въ конецъ этой статьи, и т. д.

никъ, который использовала въ гораздо меньшей степени, нежели южный свой источникъ. Этотъ другой источникъ, какъ видно изъ извѣстій взятыхъ изъ него, — былъ новгородскій.

Всѣ тексты этой редакціи (Твер., Львов.), взятые изъ этого второго источника, находятъ почти дословное соотвѣтствіе въ Новгородской I-ой лѣт.¹⁾ Это показываетъ, что этимъ вторымъ источникомъ позднѣйшей редакціи (Твер., Львов.) была Новгородская I-ая лѣт. Извѣстія Новгородской I-ой въ позднѣйшихъ сводахъ (Твер., Львов.) видимъ и въ продолженіи XIII-го стол.²⁾

Итакъ, извѣстія XII—XIII столѣтій, взятая изъ Южной лѣтописи — близкой Ипатьевской, и извѣстія, взятая изъ редакціи — близкой Новгородской I-ой лѣт., представляютъ добавленія позднѣйшія: ихъ въ первоначальномъ текстѣ древ. Владимірскаго свода не было. (ср. Лавр., Радз.).

2. Время появленія первоначальной редакціи Владимірскаго свода. Эта древнѣйшая редакція Владимірскаго свода (Владимірскаго Полихрона) должна была создаться до появленія той другой Владимірской редакціи, тенденціозно составленной въ духѣ политической владимірской идеи, — ранѣе той редакціи, которая разбила свой основной текстъ рядомъ владимірскихъ вставокъ; — это должно было совершиться до 1193-го года, на которомъ кончается тенденціозная владимірская обработка лѣтописнаго свода.

Извѣстіе 1185-го года о поставленіи епископа Луки на Ростовско-Владимірскую кафедру было записано еще при жизни этого епископа, на что указываетъ сама редакція этого мѣста:

¹⁾ Эти новгородскія извѣстія отъ XII вѣка, совпадающія съ соотвѣтствующими текстами Новг. I-ой л., суть слѣдующія: извѣстіе 1159 года — о прибытіи еписк. Аркадія въ Новгородъ (Твер., Львов.); — извѣстіе 1160 г. о ссылкѣ новгородцами въ Ладогу Святослава Ростиславича, а жены его въ монастырь (*ibid.*); — подъ тѣмъ же годомъ попала часть текста Новг. I-ой о посольствѣ новгородцевъ къ Андрею; — подъ 1161 г. о рядѣ Ростислава съ Андреемъ Суздальскимъ о Новгородѣ (*ib.*); — подъ 1166 г. о поставленіи Иліи епископомъ Новгороду (*ib.*); — извѣстіе 1188 года объ изгнаніи изъ Новгорода Мстислава Давидовича (*ib.*).

²⁾ Эти вполне совпадающія мѣста Новг. I-ой и Твер., Львов. видимъ, напр., подъ 1222 г. — о посольствѣ новгородцевъ къ Юрію; — подъ 1229 г. — о походѣ въ Новгородъ Михаила Черниговскаго; — 1262 г. — объ отправленіи Александромъ Невскимъ войска въ походъ во главѣ съ его сыномъ, Димитріемъ, и многія другія.

„иже пасеть словесныя овцы нелицемѣрно; не имаши бо града сдѣ, но будущаго взыскаеши; молися за порученное тобѣ стадо“. Подъ 1189-ымъ годомъ занесено извѣстіе о смерти этого епископа, происшедшей 10-го ноября. Оба эти извѣстія находились уже въ общемъ источникѣ Лавр.-Радз., Львов.-Тверской лѣтописей. Весь матеріалъ, начиная съ извѣстія о смерти Луки, записанъ, конечно, другимъ лицомъ, нежели извѣстіе о поставленіи его епископомъ и вообще весь текстъ до 1189 г. Это тѣмъ болѣе интересно, что какъ разъ съ 1189-го года замѣчаемъ извѣстный переломъ въ величаніи Всеволода Юреевича, когда имя его въ сѣверной редакціи (Лавр. Радз.) постоянно сопровождается атрибутами — „Великій князь Всеволодъ“, „великій и благовѣрный князь Всеволодъ“ и т. д. Если бы замѣчаемое съ 1189-го года расхожденіе текста Суздальско-Переяславльской лѣт. со сродными ей текстами сѣверной ред. и приближеніе ея съ этого года къ тексту редакціи Полихрона (Твер., Львов. и сх.) можно было принять, какъ свидѣтельство извѣстной редакціонной смѣны во Владимірскомъ лѣтописаніи, то это только подчеркивало бы мысль, что около 1189-го года именно и сложился сводъ, предшествовавшій своду 1193-го года. А. А. Шахматовъ (см. „Исслѣдованіе о Радзивилов. или Кенигсб. лѣт стр. 92 и сл.) близко не занимаясь разсмотрѣніемъ древнѣйшей основы протографа Тверской, Львовской и сх. (Полихрона) и отношеніемъ послѣдняго къ протографу, общему сѣверной и южной редакцій, полагалъ, что въ 80-хъ годахъ XII-го ст. во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, дѣйствительно, составилъ лѣтописный сводъ. На основаніи извѣстій о поставленіи и смерти еп. Луки и на основаніи того, что подъ 1185-ымъ годомъ въ концѣ статей дважды употребляется слово „аминь“, онъ высказалъ предположеніе, что эта ред. Владимірскаго свода, (очевидно — первая во Владимірѣ) сложена въ 1185 омъ году. Но тексты, которыя кончаются словомъ „аминь“, буквально повторяются и подъ болѣе поздними годами;¹⁾ — по — моему, они вставлены позднѣе,

¹⁾ Эти тексты 1185 г. содержатъ въ себѣ мѣсто изъ пр. Исаіи XXXVI, 16, которое повторяется и подъ 1186, 1187, 1188 годами; — изъ пс. Давида — СXXIX, 3, — которое цитируется и подъ 1187 и 1188 г.; въ стат. 1185 г. есть пс. Давида СXVIII, 18, — кот. цитир. и подъ 1169, 1187 и 1188 г.; Дѣян. Апост. XIV, 22 — цитир. и подъ 1186 год. — Внесеніе всѣхъ этихъ текстовъ въ сводъ принадлежитъ одному лицу.

редакторомъ свода 1193 года. Въ основу первой Владимірской редакціи легъ и южнорусскій сводъ Переяславской редакціи, закончивавшійся не ранѣе 1186 г. Послѣднія переяславскія статьи 1185-го и 1186-го года подверглись подобнымъ же вставкамъ редактора свода 1193-го года, какъ и статьи владимірскія 1185 года (кончающіяся „аминь“) и вообще цѣлый рядъ другихъ статей. Такимъ образомъ, первая редакція Владимірскаго свода могла закончиться не ранѣе 1186-го года и не позднѣе 1189-го года. Но у насъ были указаны данныя, что она могла закончиться, именно, около 1189-го года. Дѣйстви-тельно, послѣднее извѣстіе статьи 1188-го года въ древнѣйшей редакціи относится къ 17-му февралю. Первое же извѣстіе статьи 1189-го года было отъ 30-го іюля, послѣ котораго непосредственно слѣдуетъ извѣстіе о смерти епископа Луки, — отъ 10-го ноября (ср. Сузд.-Переясл. лѣт.). Отъ 17-го февраля 1188-го года до 10-го ноября 1189-го года, — это — сравнительно очень большой промижутокъ времени (— почти два года). Въ этотъ промижутокъ времени нашъ сводъ и могъ быть сложенъ.

Итакъ данныя сѣверной редакціи (Лавр. и сх.), — отчасти южной редакціи (Ипат., и сх.) — и редакціи Тверской, Львовской и схожихъ — свидѣтельствуютъ, что древнѣйшій общій ихъ источникъ кончался въ 1188—1189 годахъ.¹⁾

---

¹⁾ Южная редакція, будучи слита позднѣе съ редакціей Кіевской лѣтописи 1198 г. (ср. Ипат. л.), кое что выбросила изъ своего первоначальнаго текста, — вотъ почему относительно южной ред. мы и дѣлаемъ эту оговорку: принимая ея данныя только отчасти.

III.

Составъ лѣтописнаго свода 1189-го года.

Общее замѣчаніе. Принявъ во вниманіе позднѣйшія добавленія и сокращенія въ части до 1189-го года Тверской и Львовской лѣтописей, — и возстановляя этотъ сокращенный текстъ по болѣе полнымъ спискамъ той же редакціи (Воскр., Никон. л.), и отчасти по спискамъ сѣверной и южной ред., найдемъ исходную точку для слѣдующаго замѣчанія. — Текстъ этой редакціи (Твер., Львов., Вос., Никон.) общій съ соотвѣствующимъ текстомъ сѣверной, а также отчасти и южной редакціи, — непосредственно ведетъ насъ къ тексту Владимірскаго свода 1189-го года.

Въ составѣ этого свода мы видимъ переяславскія, кіевскія, новгородскія, суздальскія, владимірскія извѣстія. — Это сводъ общерусскій.

1. Переяславскій лѣтописный сводъ. Трудно допустить, чтобы первый Владимірскій редакторъ свода 1189 года пользовался въ широкомъ размѣрѣ только отдѣльными помѣстными лѣтописями, Переяславской, Суздальской и т. д. Возможно, конечно, отчасти и это, но въ его распоряженіи былъ уже и готовый сводъ общерусскаго характера, который эти разныя извѣстія имѣлъ въ себѣ. Имѣя въ виду, что въ основаніи свода 1189 г. лежитъ преимущественно южный матеріаль, надо думать, что этотъ сводъ, которымъ пользовался сводъ 1189 г., былъ редакціи южной. Послѣдними статьями южной редакціи есть большія статьи переяславскаго (Переяслава южнаго) происхожденія: большая статья 1185-го года о походѣ большого ополченія во главѣ съ кіевскимъ княземъ Святославомъ на половцевъ (Льв.-Твер.) и статья 1186-го года о походѣ на половцевъ Игоря Святославича, князя новгородъ-сѣверскаго (Твер., Львов.). Кіевскія извѣстія значительно раньше кончаются въ немъ, — на

извѣстїи 1174-го (1175-го) года — о разоренїи Кїева Ярославомъ Мстиславичемъ. Очевидно, въ основу свода 1189-го года Владимїрской редакціи былъ положенъ сводъ южной, Переяславской редакціи, соединившїй въ себѣ и кїевскїя извѣстїя.

а) Переяславское лѣтописаніе. Это лѣтописаніе началось съ первой четверти XII-го ст., — на это указываютъ переяславскїя извѣстїя, записанные подъ 1118-ымъ годомъ — о смерти переяславскаго епископа Лазаря и о назначенїи въ его мѣсто Сильвестра, бывшаго игумена Выдубицкаго монастыря (Лавр.) Переяславскїя извѣстїя мы встрѣчаемъ подъ слѣдующими годами нашихъ сводовъ (Лавр., Ипат.): подъ 1123 имъ годомъ 1126 г., 1132 г., 1134 г., 1136 г., 1138 г., 1139 г., 1141 г., 1142 г., 1146 г., 1149 г., 1150 г., 1152 г., 1169 г. 1185 и 1186-ымъ годами. Всѣ эти переяславскїя извѣстїя характеризуются особенно точной датировкой событїй — часто указывается не только число мѣсяца, но и еще точнѣе: день недѣли, время дня; наприм., — „падеся церкви Переяслави св. Михаила... въ день 10 мая мѣсяца въ субботу передъ вечернею“ (1123 г.), или — „заутра миръ створиша, а на ту ночь загорѣлся городъ, мѣсяца семтябра въ 1 день, но не отъ ратныхъ“ (1139 г.), или въ извѣстїи о похоронахъ Андрея, князя переяславскаго, въ которомъ точно обозначено въ какой день онъ умеръ, когда его хоронили, когда явилось знаменье, гдѣ онъ былъ погребенъ.

Эти переяславскїя извѣстїя характеризуются еще и тѣмъ, что всѣ они непосредственно связаны или съ Переяславскою епископскою каедрою, церковью св. Михаила, или съ лицами отдѣльныхъ переяславскихъ епископовъ и переяславскихъ князей, или со всѣмъ этимъ вмѣстѣ взятымъ. Эти переяславскїя тексты носятъ на себѣ въ началѣ лаконическїй характеръ: извѣстїя о смертяхъ отдѣльныхъ переяславскихъ владыкъ и князей, о пожарахъ Переяслава, явленїяхъ въ Переяславѣ кометы или другихъ явленїяхъ природы. Такой характеръ переяславскихъ текстовъ слѣдуетъ до 40-хъ годовъ XII вѣка; — съ этого же времени переяславскїя извѣстїя принимаютъ болѣе жизненный и образный характеръ: лѣтопись болѣе реагируетъ теперь на современныя ей событїя переяславской жизни и отображаетъ ихъ въ себѣ. Тутъ она выражаетъ часто и общественное мнѣніе тогдашняго переяславца, борющагося за свою

независимость: она становится то на сторону кievскаго князя въ борьбѣ съ черниговскими князями, — то на сторону суздальскаго князя въ борьбѣ съ кievскимъ княземъ. Само содержаніе переяславскихъ текстовъ показываетъ, что они могли родиться только въ Переяславѣ, выйти изъ подъ пера переяславца, настолько чувствуется органическая связь ихъ съ переяславскою общественною жизнью. Такъ, статья 1139 года — о нападеніи Всеволода Ольговича на Переяславскую землю и статья 1141 года — о смерти и погребеніи переяславскаго князя Андрея — „благовѣрнаго, христілюбиваго, добраго“, — ясно показываютъ какъ обѣ онѣ тѣсно связаны съ личностью Анерея Владиміровича и съ Переяславомъ: детали этихъ извѣстій могъ знать и записать только переяславецъ (благородная и скромная рѣчь Андрея, — и высоковѣрная и надменная рѣчь Всеволода Ольговича; — неподдѣльная скорбь лѣтописца по случаю смерти Андрея, — знаменія во время его похоронъ, свидѣтельствующія о величіи духовномъ отшедшаго, и т. д.); статья 1139 и 1148 годовъ выражаетъ собою взглядъ переяславца на Ольговичей черниговскихъ, этихъ извѣчныхъ враговъ Переяслава, и т. д. Если первую часть Переяславской лѣтописи, кончая началомъ 50-хъ годовъ, мы могли бы назвать — „Епископской Переяславской лѣтописью“, какъ лѣтопись, которая тѣсно связана съ епископскою переяславскою каѳедрой, — то вторую ея часть, 60-ыхъ — 80-ыхъ годовъ, надо было бы назвать „Княжой Переяславской лѣтописью“, ибо она главнымъ образомъ связана съ личностью тогдашняго переяславскаго князя Владиміра Глѣбовича: очень интересуется имъ, слѣдитъ за нимъ во время участія его въ сраженіяхъ и съ тщательностью отмѣчаетъ геройскіе его поступки.

Обращаетъ на себя вниманіе послѣдняя статья переяславскихъ текстовъ (Лавр., Львов., Твер.), 1186 года, о походѣ новгородъ — сѣверскаго князя, Игоря, на половцевъ, которая, судя по заглавію ея, и не должна была бы имѣть непосредственное свое отраженіе въ мѣстной Переяславской лѣтописи. — Союзники Игоря Святославича сборнымъ пунктомъ избрали окрестности Переяслава; — уже этотъ случай послужилъ поводомъ для переяславскаго лѣтописца интересоваться результатами похода. Въ составѣ войскъ Игоря находились, разумѣется, и переяславцы, какъ добровольцы; вслѣдствіе этого

читаемъ: „наши же видѣвше ихъ“, „и побѣжени быша наши“, „а съ нашихъ не бысть кто и вѣсть принеса“. Но тутъ кромѣ того — побѣда надъ Игоремъ вызвала нападеніе половцевъ на Переяславъ; геройское отраженіе ихъ отъ Переяскава, какое было сдѣлано переяславскимъ княземъ, Владиміромъ Глѣбовичемъ, — вошло въ переяславскую версію о Полку Игоревѣ.

Совпаденіе года, когда стали вестись Переяславскія лѣтописныя записки съ годомъ прибытія на переяславскую епископскую кафедру Сильвестра, — этого знаменитаго редактора Повѣсти временныхъ лѣтъ, наводитъ на мысль не онъ ли и положилъ начало составленію Переяславской лѣтописки. — Вмѣстѣ съ нимъ могъ быть принесенъ въ Переяславъ и этотъ его трудъ, Повѣсть временныхъ лѣтъ. Этотъ послѣдній, очевидно, былъ наново переработанъ (ср. Ипат. л.) и легъ въ основаніе переяславскаго лѣтописанія, а современемъ и въ основаніе переяславской лѣтописной кодификаціи.

Однако, это отношеніе древняго кіевскаго свода, Повѣсти временныхъ лѣтъ, къ переяславскому лѣтописанію, — было на единственной связью кіевскаго лѣтописанія съ переяславскимъ. Послѣдній впоследствии вошелъ опять въ связь съ кіевскимъ лѣтописаніемъ.

Сравнивая стати 1169-го и 1171-го годовъ (Ипат., Лавр. л.) между собою, видимъ, что статья 1149-го года соединила въ себѣ два извѣстія объ одномъ и томъ же событіи (— нападеніи половцевъ на Поднѣпровье). Приэтомъ, одна часть статьи 1169-го года буквально почти совпадаетъ съ текстомъ статьи 1171-го года. Текстъ статьи 1169-го года, общій статьѣ 1171-го года, говоритъ о нападеніи половцевъ только на Кіевскую область, — остальной же текстъ статьи 1169-го года говоритъ о нападеніи половцевъ и на Кіевскую и Переяславскую области. Тотъ же текстъ статьи 1169 г., который не входитъ въ составъ статьи 1171 г., — содержитъ въ своемъ текстѣ выраженіе, что половцы пошли на „о и у“ сторону Днѣпра, къ Корсуню. Ясно, „она“ сторона употребляется здѣсь съ точки зрѣнія переяславца. Въ текстѣ, общемъ обѣимъ статьямъ, содержатся выраженія: „наши слыша, думаша“; — ясно, что здѣсь слово „наши“ въ лѣтописцѣ обличаетъ кіевлянина. Такимъ образомъ, въ статьѣ 1169 года слиты тексты двухъ лѣтописей, Кіевской и Переяславской. Буквальное повтореніе текста

статьи Кіевской лѣтописи подъ 1171 г. въ сводѣ нѣсколько болѣе позднемъ, нежели сводъ 1189 год. (— въ сводѣ 1193 года: ср. Лавр. Ипат. л.), — и отсутствіе этого повторенія въ сводѣ 1189 г. (Твер.), показываетъ что текстъ статьи 1171 г. попалъ въ этотъ сводъ (1193 г.) изъ Кіевской лѣтописи, которой дополнилъ себя этотъ сводъ (ср. Лавр., Ипат.) — значитъ въ Переяславской лѣт. произошло сліяніе текста Переяславскаго и Кіевскаго этой статьи, а не наоборотъ. Это показываетъ намъ, что Переяславская ред. 1186 г. содержала уже кіевскій текстъ. — Всѣ тѣ извѣстія кіевскія, которыя мы видимъ въ сводѣ, попали въ нею изъ Переяславской ред.

в) Кіевскій лѣтописный сводъ 1174-го года. Въ началѣ XII-го вѣка въ Кіевѣ былъ составленъ большой лѣтописный сводъ, въ который вошелъ не только кіевскій, но и новгородскій и иной лѣтописный матеріалъ. Судя по припискѣ подъ 1116-ымъ годомъ, этотъ сводъ редактировалъ Сильвестеръ, игумень Выдубицкій. Этотъ Кіевскій сводъ — это такъ называемая — Повѣсть временныхъ лѣтъ.

Естественнымъ продолженіемъ этого свода, древнѣйшаго кіевскаго лѣтописанія, — была кіевска лѣтопись, ведшаяся въ XII-омъ вѣкѣ. Начиная со времени, непосредственно слѣдующемъ за окончаніемъ Повѣсти врем. лѣтъ (1110 г., Лавр. л.), — и до 1146-го года включительно, — это кіевское лѣтописаніе представляетъ изъ себя погодно ведшіяся лѣтописныя записки, свидѣтельствующія о смерти того или другого князя или княгини, о женитьбѣ сыновей или выдачѣ дочерей княжихъ замужъ; иногда касаются тѣхъ или другихъ политическихъ событій, связанныхъ съ Кіевомъ и политикой кіевскаго князя. Только нѣкоторыя изъ этихъ статей получаютъ болѣе распространенный характеръ: напр. статья подъ 1125-ымъ годомъ о смерти кіевскаго князя, Владиміра Мономаха, оканчивающаяся длинной похвалой этому князю, сопровождаемой вставками изъ Евангелія и псал. Давида; далѣе — довольно большую статью видимъ подъ 1127 годомъ — объ отношеніи Мстислава Володиміровича къ Ольговичамъ и, наконецъ, статью 1144-го года о походѣ кіевскаго князя Всеволода Ольговича на галицкого князя Володимірка (къ Теробовлю и Звенигороду). Всѣ эти извѣстія, за исключеніемъ извѣстій 40-хъ годовъ — времени княженія въ Кіевѣ Всеволода Ольговича, тѣсно свя-

заны съ личностью Мономаха и его сыновей, съ семействомъ Мономаха; — это какъ бы погодная Мономаховская хроника, которая за интересы этого рода мало и выходитъ.

Въ статьѣ кievской 1127-го года, между прочимъ, говорится о игуменѣ кievскаго Андреевскаго Янчина монастыря, Григоріи, который „бѣ любимъ Володемеру, честенъ же отъ Мстислава и отъ всѣхъ людей“; далѣе говорится о случаѣ съ клятвопреступленіемъ Мстислава, который свидѣтельствуесть о большомъ значеніи Григорія при дворѣ этого князя. Пожалуй, само по себѣ это распространенное извѣстіе о Григоріи, стоящее среди матеріала, касающагося исключительно почти членовъ семьи Мономаховой, казалось бы нѣсколько страннымъ: почему лѣтописецъ нашель нужнымъ (при всей краткости его лѣтописи) не только упомянуть объ этомъ случаѣ съ Григоріемъ, но и подчеркнуть его значеніе и роль (правда, въ данномъ случаѣ не особенно удачную) при княземъ дворѣ. Григорій былъ игуменъ Андреевскаго монастыря. Принимая во вниманіе, что и послѣднее извѣстіе (1145 г.) этихъ Мономаховскихъ записокъ — о перенесеніи останковъ Ярополка изъ гробницы въ церковь, — также касается этого монастыря, — наводитъ на мысль — не велись ли эти записки при Андреевскомъ монастырѣ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что этотъ монастырь, основанный Янкой, дочерью Владиміра Мономаха, былъ семейнымъ монастыремъ Мономаховымъ, — и въ немъ наиболѣе бы приличествовало вестись Мономаховскимъ запискамъ, какими были тексты 1117—1145 годовъ.

Съ 1146-го года кievская лѣтопись переходитъ въ другія руки, хотя и ведется приверженцемъ рода Мономахова. Это распространенный рассказъ, веденный современникомъ, близкимъ кievскому князю, Изяславу Мстиславичу, — касающійся его борьбы съ Юріемъ Суздальскимъ и вообще широкой европейской политики этого выдающагося князя. На эту часть кievской лѣтописи обращено было не малое вниманіе источеской критики: ся касали и Н. И. Костомаровъ¹⁾ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ²⁾ Но недостатковъ научной критики въ данномъ случаѣ былъ въ

¹⁾ Костомаровъ. Н. И., — „Лекціи по русской исторіи“, ч. I.

²⁾ Бестужевъ-Рюминъ, К. Н., — „О составѣ русск. лѣтописей до конца XIV в.“, напеч. въ „Лѣт. занятій И. Археогр. Комисс. т. IV. 1865—66 гг., стр. 72 и слѣд.

томъ, что она не вполне точно различала въ составѣ кievскаго лѣтописанія (1146—1198 гг.) двухъ различныхъ его лѣтописей, — первой Кіевской лѣтописи (Лавр., Ипат. л. и сх.) и Второй Кіевской лѣтописи (Ипат. л. и сх.), которыя въ соотвѣтствующей части параллельно велись двумя разными лицами, но большими приверженцами князя Изяслава Мстиславича.¹⁾

Въ данномъ случаѣ имѣемъ въ виду только Первую Кіевскую лѣтопись, кончающуюся 1174-ымъ годомъ, — т. е. лѣтопись, вошедшую какъ въ южную редакцію, такъ и въ сѣверную, а также въ Тверскую, Львовскую и схожія съ ними лѣтописи, въ основѣ которыхъ лежитъ древнѣйшая редакція Владимірскаго свода (1189-го года). Вторая Кіевская лѣтопись, кончающаяся статьей 1198-го года — о построеніи Рюрикомъ Ростиславичемъ стѣны вокругъ Выдубицкаго монастыря, — вошла только въ южную редакцію, и совершенно не вошла въ редакцію сѣверную.²⁾

¹⁾ При анализѣ текста сводовъ южной редакціи замѣчаемъ, что часть этого текста, относящагося къ 1146—1175 годамъ Кіевскаго лѣтописанія, буквально совпадаетъ съ текстомъ сводовъ сѣверной редакціи; — часть же выходитъ за границы текста сѣверной редакціи и содержитъ въ себѣ такой текстъ, котораго не видимъ ни въ одномъ сводѣ, принадлежащемъ сѣверной редакціи. При внимательномъ же слѣдованіи дальше за текстомъ южной редакціи видимъ въ ней нѣкотораго рода повторенія. Такъ, подъ 1147 годомъ, послѣ того какъ было, рассказано о защитѣ Игоря Ольговича Владиміромъ Мстиславичемъ, прискакавшемъ на конѣ къ мѣсту происшествія, — въ южной ред. вслѣдъ за этимъ опять повторяется рассказъ объ этомъ же („пригнаша и скочи с коня...“). Приэтомъ, текстъ первой версіи этого рассказа буквально совпадаетъ съ текстомъ ред. сѣверной, — текстъ же второй версіи совершенно отсутствуетъ въ сводахъ сѣверной ред. Подъ 1149 г., въ эпизодѣ объ изгнаніи Ростислава Юрьевича „съ соромомъ“, въ южной редакціи соединено два текста, по — разному рассказывающіе объ одномъ и томъ же. — Одинъ изъ нихъ находитъ себѣ буквальное совпаденіе и въ сѣверной ред. („Ростиславъ подмолвилъ на тя люди, и Берендичи, и кыяны...“ и т. д.); другой же вариантъ этого рассказа въ сѣверной ред. совершенно отсутствуетъ. Подъ 1151 годомъ, кромѣ общаго сѣверной и южной редакціямъ рассказа — о стояніи войскъ Юрія и Изяслава на р. Рути, (въ южной редакціи приводится еще иная версія объ этомъ событіи, чего нѣтъ въ сѣверной ред. и т. д. — Это прямо показываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя разными кievскими лѣтописями, одновременно тамъ ведшимися.

²⁾ Позднѣйшее соединеніе источника Тверской, Львовской и сх. съ сводомъ южной редакціи (полов. XIII ст.) внесло единичные не-

Наиболѣе характеристичнымъ для Первой Кіевской лѣтописи XII-го ст. является ея текстъ, относящійся къ 40—50 годамъ (XII-го ст.). — Если во Второй Кіевской лѣтописи (ср. Ипат., Хлѣбн. и сх.) видимъ открытое сочувствіе и любовь къ Изяславу Мстиславичу со стороны ея составителя, къ Юрію же Суздальскому — индифферентное отношеніе, — то въ Первой Кіевской лѣтописи авторъ ея при всемъ пылкостіи своемъ отношенія къ Изяславу не безразличенъ и къ Юрію: лѣтописецъ сдержанъ и остороженъ здѣсь, держитъ себя въ извѣстномъ резервѣ по отношенію къ Юрію, но въ сдержанной формѣ онъ неразъ высказываетъ горькую правду, касающуюся политики и поведенія Юрія. — Стараясь въ отдѣльныхъ случаяхъ оправдать Юрія за его неблаговидные поступки, какъ, напри- мѣръ, за влятвопреступство его („принуженъ же неволею цѣлова къ нимъ крестъ“, подъ 1151 г.), составитель Первой Кіевской лѣтописи не на сторонѣ Юрія, — слабыхъ сторонъ Юріева характера не скрываетъ (— „цѣлова крестъ къ нимъ: яко иду уже Суждалю, — и отступиша отъ него прочь“, говоритъ лѣтописецъ, *ibidem*). Словами князей лѣтописецъ не колеблется высказать и традиціонный взглядъ кіевлянъ на Юрія, какъ на „наводника“ половцевъ на Русь (= „Изяславъ же и Вячеславъ послаша къ Гюргеви, рекуще: „иди Суждалю, а сына посади Переяславлі, не можемъ съ тобою быти здѣ, приведешъ паки на ны Половци.“ *Ibid*). Другое дѣло съ старшей линіей Мономаха. — Въ представленіи этого лѣтописца князя этой линіи, особенно Изяславъ Мстиславичъ, являются съ опредѣленными въ своей дѣятельности принципами, какимъ они слѣдуютъ и исполняютъ. Вслѣдствіе этого дѣятельность этихъ князей носятъ здѣсь исключительно позитивныя черты, — а сами личности этихъ князей носятъ характеръ болѣе-менѣе образцовый. Съ этими взглядами лѣтописца на Мстиславичей и Юрія очень гармонируетъ и его традиціонный кіевскій взглядъ на черниговскихъ князей, какъ на постоянныхъ враговъ Кіева и „наводниковъ поганыхъ“ (= „Ольговичемъ же и Половцемъ не дадущимъ ся княземъ мирити, зане скорі бяхуть на пролитье крови“ 1151 г. и др.).

многіе фрагменты и Второй Кіевской лѣтописи въ источникъ Тверской, Львовской и сх. лѣт.

Взглядъ лѣтописца не мѣняется, когда въ Кіевѣ со смертію Изяслава Мстиславича († 1154 г.) политическая ситуація начинается мѣняться. Его линія поведенія и въ текстѣ статьи 1154-го года (ср. Лавр., Твер., и др.) попрежнему ясна и открыта: лѣтописецъ послѣдователенъ въ своихъ взглядахъ и вѣренъ Мстиславичамъ. Поведенію Мстиславичей, которые „сѣдывше съ Кыяны“, не пускаютъ Изяслава Давыдовича въ Кіевъ, лѣтописецъ вполне сочувствуетъ. Для объясненія этого поведенія Мстиславичей и кыянъ лѣтописецъ находитъ только такія причины, которыя могутъ быть позитивно понятны только со стороны кіевлянъ и этихъ князей: они поступили такъ потому, „зане и еще не прешель башеть Ростиславъ изъ Смоленска“ (Лавр.), поясняетъ безъ дальнѣйшихъ словъ лѣтописецъ. Вѣренъ себѣ здѣсь лѣтописецъ и въ его взглядѣ на Черниговскихъ князей и политику Юрія, — когда съ печалью замѣчаетъ о новой страшной „наводкѣ“ половцевъ на Мстислава Изяславича, которые „много зла створиша Руской земли, пожгоша бо села вся...“

Съ 1155-го года текстъ Первой Кіевской лѣтописи дошелъ до насъ въ меньшей полнотѣ, нежели текстъ ея до этого времени. Дошелъ онъ не въ цѣльномъ разсказѣ, или разсказахъ, а въ лѣтописныхъ фрагментахъ и отдѣльныхъ сообщеніяхъ. Это объясняется отчасти тѣмъ, что древнѣйшій Владимірскій сводчикъ, лѣтописный трудъ котораго въ сущности легъ въ основу большинства дошедшихъ до насъ сводовъ, съ развитіемъ съ 50-хъ г. XII-го ст. Суздальско-Владимірскаго лѣтописанія, начинается имъ болѣе интересоваться, какъ мѣстнымъ, близкимъ ему матеріаломъ, — черпая изъ кіевскаго и южнаго матеріала, относящагося къ этому времени, только главныя извѣстія. — Съ другой же стороны, это объясняется техническими свойствами различнаго редактированія раннихъ (XII-го ст.) Владимірскихъ сводовъ. — Что Кіевская Первая лѣтопись была полнѣе, нежели мы видимъ ее въ сводахъ сѣверной и южной редакціи, на это указываетъ рядъ текстовъ кіевскихъ извѣстій, которые видимъ въ редакціи Новгородской I-ой лѣтописи, относящіяся къ 1154-му году и позднѣйшимъ,¹⁾ а также и къ болѣе ран-

¹⁾ Эти кіевскія извѣстія Новгородской I-ой лѣтописи относятся къ княженію Изяслава Давыдовича въ Кіевѣ, а также и къ другимъ событіямъ кіевской жизни.

нему времени. Эти киевские тексты Новгородской I-ой летописи совпадают в известной степени с соответствующими текстами северной редакции, — но эти киевские тексты Новгородской I-ой летописи, содержат и некоторые такие детали, каких не имеют соответствующие киевские тексты северной редакции. Некоторые из этих киевских текстов с этими деталями (отсутствующими в северной ред.) имеются и в Новгородской IV-ой и Софийской I-ой, куда они попали из древнейшего Владимирского свода (т. е. свода 1189-го года). Этим сводом (1189 года) пользовалась отчасти и Новгородская I-ая лѣт. Северная редакция имѣла в своей основѣ болѣе поздній Владимирскій сводъ (1193-го года). Редакция этого послѣдняго свода подвергла перемѣнамъ сводъ, предшествовавшій ей (1189 г.), отчасти пополняя, отчасти же сокращая текстъ его. Этимъ объясняются пропуски в северной ред. тѣхъ мѣстъ киевскаго текста, которыя в сводахъ, основанныхъ на древнейшей редакціи Владимирскаго свода, имѣются (ср. Новг. IV. Соф. I).

Эта часть Первой Киевской летописи (1155—1174), если ведется быть может и не тѣмъ лицомъ, что и предыдущая, то всетаки ведется искреннимъ сторонникомъ Мономахова рода. Только в послѣдней статьѣ этой летописи — о разореніи Киева Ярославомъ Изяславичемъ, занесенной в южной редакціи подъ 1174-ый годъ, а в северной подъ 1175-ый годъ, — в словахъ летописца слышится много горечи и обиды на князя Ярослава — за разграбленіе его войсками Киева. „На гнѣвахъ замыслилъ тяготу кыяномъ“, говоритъ о немъ летописецъ; — „много зла створи хъ Кыеву“, добавляетъ онъ же. — Этимъ печальнымъ аккордомъ оканчивается эта Киевская летопись: потомокъ славныхъ предковъ, сынъ любимѣйшаго киевскаго князя Изяслава, разоряетъ Киевъ, ничтожитъ то, за что полагали свою силу и жизнь и что берегли такъ его отецъ, дѣдъ, прадѣдъ. В этой послѣдней статьѣ Первой Киевской летописи чувствуется уже переходная стадія, переходное время.

Эта Первая Киевская летопись, закончившись 1174-ымъ годомъ, соединила свой текстъ съ древнимъ Киевскимъ летописнымъ сводомъ, такъ называемой Повѣстью временныхъ лѣтъ, — точнѣе: явилась непосредственнымъ ея продолженіемъ. Но и подобно Повѣсти временныхъ лѣтъ она соединила со своимъ

первоначальнымъ кіевскимъ текстомъ еще и русскій лѣтописный матеріалъ провинціальной лѣтописи. Вслѣдствіе этого ея соединенія съ Повѣстью временныхъ лѣтъ и лѣтописаніемъ провинціальнымъ Первая Кіевская лѣтопись получила характеръ общерусскаго лѣтописнаго кодекса.

Такой провинціальной лѣтописью, которой пользовалась Первая Кіевская лѣтопись XII ст. (точнѣе: ея редакторъ), — была новгородская лѣтопись.

с) Новгородская лѣтопись, какъ составная часть Кіевскаго свода 1174-го года. — Объ этой Новгородской лѣтописи, вошедшей въ составъ этого Кіевскаго свода будемъ подробнѣе говорить ниже, въ отдѣльной главѣ. Здѣсь коснемся лишь одной черты этой новгородской лѣтописи, — имѣющей значеніе для точнаго опредѣленія времени составленія Кіевскаго свода, также и для опредѣленія принадлежности къ его составу извѣстій Новгородской лѣтописи. — Эти новгородскія извѣстія во Владимірскомъ сводѣ 1189-го года слѣдуютъ до 1160-го года включительно; — далѣе идетъ странный перерывъ въ новгородскихъ извѣстіяхъ, — и затѣмъ опять въ немъ слѣдуютъ, начиная съ 1174-го года по 1182-ой годъ. Если бы допустить, что сводъ 1189-ого года бралъ непосредственно ихъ изъ новгородскаго источника, трудно было бы понять — почему онъ не воспользовался имъ для 1161—1173 годовъ и для времени послѣ 1182-го года. — Очевидно, онъ черпалъ эти извѣстія не непосредственно изъ новгородскаго источника, а нашелъ ихъ въ общерусскомъ источникѣ. Самый фактъ присутствія въ немъ новгородскихъ извѣстій отъ 1174—1182 годовъ показываетъ, что такимъ источникомъ, откуда черпалъ онъ эти новгородскія извѣстія, былъ общерусскій сводъ позднѣе составленный, нежели Кіевскій сводъ 1174-го года. — Такимъ общерусскимъ сводомъ, въ которомъ составитель древнѣйшаго Владимірскаго свода (1189-го года) нашелъ всѣ эти новгородскія извѣстія могъ быть только Переяславскій сводъ 1186-го года.

Указанный перерывъ въ новгородскихъ извѣстіяхъ объясняется редакціей этого Переяславскаго свода. — Послѣдній воспринялъ Кіевскую сводную лѣтопись, кончающуюся статьей 1174-го года, а вмѣстѣ съ нею и новгородскія извѣстія, бывшія уже въ ея составѣ. Переписавъ Кіевскую лѣтопись до 1174 года, — вмѣстѣ съ имѣющимися уже въ составѣ ея

новгородскими текстами, — взявъ изъ нея все, что нашель нужнымъ переписать для себя, составитель Переяславскаго свода затѣмъ, съ 1174 года, сталъ болѣе самостоятельно продолжать свой трудъ, вводя въ его составъ разнообразныя статьи общерусскаго характера, въ томъ числѣ и новгородскія. Такимъ образомъ, Переяславскій редакторъ сталъ вводить самостоятельно въ свой сводъ новгородскія статьи тогда, когда было окончено списываніе Кіевскаго свода, кончающагося статьей 1174-го года. Когда же Переяславскій, сводъ, соединившій въ себѣ этотъ Кіевскій сводъ и новгородскіе тексты 1174—1182 годовъ, легъ въ основу свода 1189-го года Владимірской редакціи, — то редакторъ послѣдняго не нашель нужнымъ, или не имѣлъ возможности дополнить этотъ свой сводъ (лишнимъ противъ свода Переяславской ред.) общерусскимъ матеріаломъ; — по крайней мѣрѣ таково было его отношеніе къ новгородскимъ извѣстіямъ.

Это утверждаетъ въ мысли, что послѣдній лѣтописный Кіевскій рассказъ, — статья 1174-го года (— о разореніи Ярославомъ Мст-чемъ Кіева), имѣющаяся въ нашемъ сводѣ, 1189 года, — была послѣдней статьей и Кіевскаго свода, соединившаго въ себѣ и новгородскіе тексты. — Годомъ 1174-ымъ кончается Кіевскій лѣтописный сводъ, — съ этого времени въ сводѣ 1189-го года начинается уже слѣдовать лѣтописный матеріалъ Переяславской редакціи. вмѣстѣ съ ними, съ Кіевскимъ и Переяславскимъ сводами, попадаетъ этотъ новгородскій матеріалъ во Владимірскій сводъ 1189-го года.

Соединеніе древнѣйшаго лѣтописанія, — Повѣсти временныхъ лѣтъ (— которая уже сама по себѣ была общерусскимъ сводомъ), съ Кіевской лѣтописью XII-го вѣка, а этой послѣдней — съ Новгородской лѣтописью, — показываетъ, что Кіевская редакція 1174-го года была общимъ, общерусскимъ, сводомъ. — Кіевскій сводъ 1174-го года — это лѣтописный сводъ, содержащій въ себѣ различный по мѣсту происхожденія (главнымъ же образомъ Кіевскій) матеріалъ, — ведшій свое повѣствованіе отъ начала міра, всемірнаго потопа (отъ начала Руси), и — кончая статьей 1174-го года — о разореніи Кіева княземъ Ярославомъ Мст-чемъ.

d) Вставки и добавленія переяславскаго редактора. Объемъ Переяславскаго свода содержитъ въ себѣ не только Кіевскій сводъ 1174-го года, лежащій въ его основаніи, — съ ко-

торымъ соединенъ матеріаль Переяславскаго лѣтописанія отъ начала XII-го вѣка — кончая 1186-ымъ годомъ и новгородскій лѣтописный матеріаль 1174—1182-го годовъ, — но еще и нѣкоторый другой матеріаль. Обработка редактора Переяславскаго свода коснулась также и древнѣйшей лѣтописной части, вошедшей въ Переяславскій сводъ, а также дала рядъ вставокъ въ него и добавленій.

Нѣкоторыя вставки, которыя мы видимъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ сводовъ южной редакціи, надо отнести за счетъ редакціи Переяславской. Такъ, подъ 1113-ымъ годомъ говорится о посаженіи Владиміромъ Мономахомъ сына своего Ярополка въ Переяславѣ; — подъ 1114 годомъ о смерти сына Мономахова, Святослава, въ Переяславѣ, гдѣ его посадилъ на княжій столъ отецъ, „выведы и изъ Смоленска“; — а изъ Смоленска вывелъ его Владиміръ раньше поставленія Ярополка, о чемъ узнаемъ изъ извѣстія 1113-го года (Ипат. л.); — слѣдовательно вставочность въ данномъ случаѣ ясна: — то, что должно быть слѣдствіемъ — поставлено впереди. Что извѣстіе о смерти Святослава (1114 г.) взято изъ переяславскаго источника — это видно не только изъ связи его вообще съ Переяславомъ, — но и изъ тѣсной связи этого факта съ кафедральной переяславской церковью св. Михаила, — приводится точное датированіе этого событія, — что является такимъ характернымъ для извѣстій, принадлежащихъ въ Переяславскому лѣтописанію. Извѣстіе о посаженіи Святослава въ Переяславѣ (1113 г.), и о посаженіи Ярополка въ Переяславѣ взяты изъ переяславскаго же источника. Всѣ эти три текста, содержаніе какихъ указываетъ на тѣсную ихъ связь другъ съ другомъ и съ Переяславомъ, — имѣются только въ Повѣсти временныхъ лѣтъ южной редакціи (Ипат. л.); — въ сѣверной ред. этихъ текстовъ совершенно нѣтъ. Это говоритъ за то, что тексты этихъ извѣстій попали въ Повѣсть врем. лѣтъ не при первой ея редакціи (1116 г.), которая легла въ основу Кіевскаго свода 1174 г., а позднѣе. — Переяславскому редактору свода 1186 г. естественнѣе всего было найти эти три текста переяславскаго происхожденія, вставить ихъ, дополнить ими сводъ (въ основаніе котораго вмѣстѣ со сводомъ 1174-го года легла и Повѣсть временныхъ лѣтъ).

Возможно, что въ Переяславскомъ, первоначальномъ текстѣ содержался и эпическій, народный матеріаль. Это чувству-

ется въ повѣствованіи Переяславской лѣтописи подъ 1185-ымъ годомъ — въ версіи о Полку Игоря; — на это указываютъ нѣкоторыя вставки въ позднѣйшую редакцію Полихрона.¹⁾ Такому литературному элементу вполне естественно было бы проникнуть въ Переяславскую лѣтопись. — Непокойная пограничная жизнь Переяславской земли, вѣчная ея борьба съ дикими степняками должны были способствовать созданію рыцарской поэзіи, народному эпосу. Это не могло не отразиться, — въ лучшемъ выразителѣ тогдашней культурной жизни Переяславской земли, — въ Переяславской лѣтописи.

¹⁾ Этотъ рыцарскій элементъ Переяславской версіи о Полку Игоря (1185 г.) чувствуется въ нѣк. мѣстахъ ея (— это чувствуется въ словахъ князей, когда они рѣшаются идти за половцами даже „въ луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣды наши, а возмемъ до конца свою славу и честь“, — чувствуется и далѣе, — когда увидя половцевъ „наши ужасошся и величанья своего отпадоша... изнемогли бо ся бяху безводьемъ и кони и сами, въ знои и въ тузѣ.“ — Подвиги Владиміра Переяславскаго также имѣютъ подобныя характеристическія черты (Твер., Лавр. и др.). Въ Никоновскомъ сводѣ, который, какъ извѣстно, восходитъ къ ред. Полихрона, подъ 1148 годомъ говорится о богатырскомъ подвигѣ Деміана Куденовича, который обороняя Переяславъ, дважды разбилъ войско князя Глѣба. Въ первый разъ Демянъ вышелъ противъ цѣлаго войска Глѣбова только съ однимъ „служою своимъ“ и пятью отроками, — а во второй разъ разбиваетъ цѣлое войско свое уже самъ одинъ. Эта легенда внесена въ лѣтопись въ позднее уже время, — но отражаетъ она на себѣ древнѣйшія черты. Имя Демяна — „Куденовичъ“ — произошло очевидно отъ села Куднова, лежавшаго вблизи Переяслава, игравш. историч. роль въ жизни послѣдняго. Это село уже оч. рано исчезаетъ. Наука не знаетъ, когда это село исчезло и гдѣ точно было оно положено, — ср. Погодинъ М. И., „Лекціи и изсл. по русс. ист.“ VII, — Лянскоронскій, „Истор. Переяслав. княжества“, стр. 133, — Грушевскій М. С. „Исторія Руси-України“, II, 606. Тѣсная связь этой легенды съ древнѣйшимъ историч. поселеніемъ Переяславской земли и древн. событіемъ Переясл. жизни — подчеркиваетъ мысль о древнѣйшемъ происхожденіи этой легенды и глубокой связи ея съ древнѣйшимъ Переяславомъ. Кто первый взялъ эту легенду — лѣтописный ли рассказъ отъ народнаго сказа, или наоборотъ, — быть можетъ въ народъ она попала изъ лѣтописи, и оттуда позднѣе попала обратно въ лѣтопись (ср. Никон. л.), — трудно сказать. — Не говоря о болѣе тѣсномъ отношеніи этой легенды къ лѣтописи, нѣкоторые изслѣдователи говорили объ ея связи съ былинной поэзіей, — ср. Халанскій „Великорусс. былины Кіевск. цикла“, стр. 43—50, — Миллеръ, В., „Очерки народной русской словесн.“, стр. 350 и сл.

Этот большой летописный Переяславский сводъ (судя по послѣдней статьѣ Переяслав. происхожденія — о походѣ русскихъ князей на половцевъ, помѣщенной подъ 1186 годомъ) закончился въ 1186-омъ году. Перенесенный во Владиміръ-на-Клязьмѣ, — онъ легъ въ основу тамошняго летописанія. Во Владиміръ-на-Клязьмѣ, начиная съ 50-хъ годовъ XII-го столѣтія, велась уже своя мѣстная летопись. Она была тогда во Владиміръ-на-Клязьмѣ соединена съ Переяславскимъ сводомъ и дополнена мѣстнымъ Владимірскимъ летописнымъ матеріаломъ, доведеннымъ до 1189-го года включительно. Приэтомъ, — какъ текстъ Переяславскаго свода, такъ и текстъ этой послѣдней разбирается еще рядомъ большихъ или меньшихъ вставокъ. — Эти вставки черпаются Владимірскимъ редакторомъ изъ Суздальскихъ летописныхъ записокъ; — вмѣстѣ съ тѣмъ вводится имъ въ составъ его свода и цѣлое произведеніе житійнаго характера — Объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, помѣщенное имъ подъ 1175-ымъ годомъ.

2. Суздальскія летописныя записки. Послѣ извѣстія 1151-го года — о подвигахъ Андрея Юрьевича Суздальскаго въ бою подъ Кіевомъ, откуда онъ „возвратася опять невреженъ и сохраненъ Богомъ и молитвою родителю своею“, — строчкою ниже этого текста — въ текстѣ Кіевской летописи опять стоитъ — „возвратишася“. Это послѣднее слово относится не къ Андрею, а къ тому слову, къ которому относятся и слова Кіевскаго текста — „исполцився приде“, — т. е. къ „Гюргю“. Изъ смысла Кіевской летописи это тѣмъ болѣе понятно: „возвратися“ тотъ, кого сватомъ былъ Володимірко, князь Галицкій, т. е. Юрій Владиміровичъ.¹⁾ Вставочность текста о храбрости Андрея Суздальскаго — очевидна: онъ вставленъ въ середину фразы Кіевскаго летописнаго текста, вслѣдствіе этого фраза эта потеряла всякій смыслъ.

Равнымъ образомъ Владимірскій редакторъ свода 1189 г. вставлялъ и немногіе другіе Суздальскіе отрывки, связанные съ личностью князя Андрея Юрьевича.

Вставочный характеръ суздальскихъ извѣстій, фрагментарность ихъ, подчеркивающая отдѣльность существованія въ ста-

¹⁾ Дочь Юрія Владиміровича и сестра Андрея Суздальскаго, Ольга, была выдана замужъ за Ярослава Осмомысла, сына галичскаго князя, Володимірка (Ипат. л.).

рину Суздальскихъ лѣтописныхъ записокъ, явствуетъ тоже изъ указанныхъ выше вставокъ суздальскихъ извѣстій въ текстъ свода, редакція котораго составлена вслѣдъ за редакціей 1189 года (ср. Лавр. л.). Объ отдѣльности существованія суздальскаго источника свидѣтельствуется и внутренняя связь, существующая между этими отрывками: всѣ они тѣсно связаны съ личностью князя Андрея Суздальскаго, занимаются исключительно одной его личностью, относятся къ нему съ любовью.

Эти Суздальскія лѣтописныя записки были сложены очень близкимъ къ Андрею Юрьевичу человекомъ, который не только сопровождалъ его въ походахъ, но, вѣроятно, принималъ вмѣстѣ съ этимъ княземъ участіе въ самихъ бояхъ; — на это указываютъ детали этихъ Суздальскихъ текстовъ, свидѣтельствующія о поведеніи Андрея въ моменты самихъ боевъ.

Суздальскія лѣтописныя записки начали складываться въ 40-хъ годахъ XII-го столѣтія, существовали очень недолго, — уже въ очень раннее время (въ 50-хъ гг. XII в.) прекращаются. Перенесеніе Андреемъ столицы изъ Суздаля во Владиміръ дало начало новому лѣтописанію при княземъ дворѣ, — Владимірскому, которое не только интересуется исключительно, боевой и военной жизнью Андрея Юрьевича, а касается также другихъ сторонъ широкой дѣятельности этого князя. Жизнь и дѣятельность его съ конца 50-хъ годовъ XII-го ст., когда онъ послѣ смерти отца его Юрія († въ маѣ, 1157 г.) сталъ самостоятельнымъ княземъ, становится гораздо богаче и ставитъ лѣтописанію Владимірско-Суздальской области гораздо болѣе широкія задачи, нежели ихъ имѣли Суздальскія лѣтописныя записки.

3. Сказаніе объ убіеніи Андрея Суздальскаго. Послѣ голаго извѣщенія о смерти Андрея Юрьевича подъ 1175-ымъ годомъ лѣтопись (Лавр. и др.) говоритъ: „убіеніе же его послѣди скажемъ“, послѣ чего даетъ текстъ чисто житійнаго характера. Этотъ текстъ полонъ цитатъ изъ св. Писанія,¹⁾ полонъ тенденціозности, желанія поднять личность убитого князя на степень святости. Лѣтопись считаетъ убитаго князя человекомъ, пролившимъ кровь за Христа, „достойно отъ Бога вѣ-

¹⁾ Эти библейскія цитаты черпались здѣсь какъ изъ новаго, такъ и ветхаго завѣта: Отъ Матѳея, XXV, 40; Псал. Давида, XXXVI, 26; изъ посланій ап. Павла — къ Римл. — XIII, 1; — XIII, 2, 4; — къ Евр. — XII, 5, 6, — къ Коринѣ. II, 9, — и др.

нець побѣднѣй“ воспріавшимъ, мѣстами обращается къ нему прямо какъ къ святому, — съ молитвою о заступленіи¹⁾ и т. д.

Нѣкоторые своды редакціи Полихрона (Воскр., Твер.) въ фактическомъ разсказѣ объ этомъ событіи даютъ такія детали убійства Андрея, которыхъ нѣтъ въ сѣверной редакціи.²⁾ Но нѣкоторыя эти подробности сводовъ ред. Полихрона сближаютъ ихъ со сводами южной редакціи, тексты которыхъ въ этихъ подробностяхъ иногда совпадаютъ.³⁾ Но въ южной редакціи, кромѣ этого приводится и совершенно новая версія убійства Андрея. Въ этой версіи южной редакціи фигурируетъ совершенно новое лицо, Кузмище Кіянинъ, приводятся детали, — что случилось въ утро по убіеніи Андрея, рисуется картина перенесенія тѣла Андреева изъ Боголюбова во Владиміръ. Это статья чисто житійнаго характера.⁴⁾ Слова этого разсказа: „мы на преднее возвратимся“ (помимо того, что тутъ ясно видно

¹⁾ Такое обращеніе къ этому князю видно въ слѣдующемъ: — „Радуетишия, Андрѣю князю великій, дерзновенье имѣя ко всемогущему и богатыхъ богатѣйшему, на высокихъ сѣдящему Богу“, — далѣе слѣдуетъ молитва къ нему за князя Всеволода — „молися помиловати князя нашего...“ и др.

²⁾ Подробности о фактѣ убійства, отсутствующія въ сѣверной ред., но которыя находимъ въ нѣк. сводахъ ред. Полихрона, суть слѣд.: — въ текстѣ этихъ послѣднихъ среди заговорщиковъ фигурируетъ новое лицо — Офремъ Моизовичъ: сообщается, что подойдя къ двери спальни князя, одинъ изъ убійцъ его сталъ звать его притворнымъ голосомъ его милостника, Прокопія; — сообщается, что князя не сразу убили, его сначала ранили только, потомъ добились, отнявъ у него руку, — сообщается объ избіеніи сторожей Андрея; — сообщается, что въ убійствѣ Андрея была замѣшана его жена (Твер.).

³⁾ Подробности факта убіенія Андрея, общія нѣкот. сводамъ ред. Полихрона и южной ред., но отсутствующія въ сѣверной ред., — слѣдующія: сообщеніе о томъ, что одинъ изъ убійцъ князя звалъ его притворнымъ голосомъ Прокопія, — о томъ, что князя не сразу убили и др.

⁴⁾ Авторъ этой другой версіи Сказанія объ убіеніи Андрея Суздальскаго (Ипат. л.) вкладываетъ длинныя рѣчи въ уста Кузмища, обличающія житійный характеръ этой версіи, — „О, еретиче, помнишь ли жидовине, въ которыхъ портѣхъ пришелъ бѣшетъ...“ и т. д., — или причитайя его надъ тѣломъ Андрея, — „уже тебе, господине, паробци твои не знаютъ...“ и т. д. Въ концѣ же этой версіи большое добавленіе дидактическаго характера по поводу этого убіенія: „Пишетъ апостоль Павель: всяка душа властемъ повинуется...“, далѣе: „рече великій златоустецъ: иже кто противится власти...“ и т. д.

соединеніе двухъ разныхъ версій) прямо говорятъ о вставочности въ южную ред. этого второго текста.

Если сравнить текстъ этого сказанія въ разныхъ редакціяхъ то окажется, что сѣверная редакція сравнительно меньше другихъ содержитъ въ себѣ данныхъ о самомъ фактѣ убійства, — это гл. обр. матеріаль житійнаго характера. Редакція этого Сказанія въ нѣк. сводахъ, основанныхъ на текстѣ др. Влад. свода, тоже житійнаго характера, — она тотъ же почти житійный текстъ содержитъ, что и сѣверная редакція, — но рассказъ о самомъ фактѣ убійства значительно полнѣе и богаче въ этой редакціи (Твер., Воскр., Соф. I-я). Житійная часть сѣверной ред. и этой послѣдней совпадаетъ съ житійной частью южной редакцій, — но въ южной ред. находится еще одинъ житійный текстъ, внесенный въ нее рассказомъ второй версії; — этого житійнаго текста въ первыхъ двухъ редакціяхъ совершенно нѣтъ. Текстъ, рассказывающій о самомъ фактѣ убійства, который находится въ южной редакцій, — значительно полнѣе соответствующаго текста первыхъ двухъ редакцій. Если исключить изъ редакціи Полихрона (Воскр., Соф. I-ая) все то, что совпадаетъ въ немъ съ сѣверной и южной редакціями (оставляя голое сообщеніе о самомъ фактѣ), то получится текстъ, говорящій болѣе или менѣе подробно о самомъ фактѣ убійства, — безъ житійныхъ добавленій. Этотъ текстъ (за небольшими исключеніями) будетъ совпадать съ соответствующимъ текстомъ Новгородской I-ой лѣт., который не содержитъ въ себѣ житійныхъ добавленій. Это убѣждаетъ насъ въ томъ, что первоначально текстъ объ убійствѣ стоялъ безъ житійнаго текста и что только впоследствии ему была дана житійная обработка и передѣлка.

Въ концѣ Сказанія читаемъ обращеніе къ Андрею: „молися помиловати князя нашего и господина Всеволода, своего же приснаго брата, да подасть ему побѣду на противныя и многа лѣта съ княгинею и благородными дѣтьми и мирну державу его и царство небесное нынѣ и присно, въ безконечныя вѣкы, аминь“. Самый фактъ этой приписки съ упоминаніемъ Всеволода и его семьи указываетъ на вставочность текста въ этой его житійной обработкѣ. Оно создано во время правленія Всеволода Юрьевича, вступившаго на Владиміро-Ростово-Суздальскій княжій столъ послѣ смерти его брата, Михалка († 20 іюня, 1177 г.), — значитъ никакъ не сразу послѣ убіенія

Андрея, а въ самомъ началѣ правленія Всеволодова. — Тутъ называется Всеволодъ прямо княземъ — безъ атрибута — „великій“, что есть принадлежностью ранней Владимірской редакціи; — далѣе просьбу здѣсь о подачѣ побѣды „на противныя“ едвали можно считать обычной механической припиской, — подобныхъ приписокъ въ лѣтописаніи въ то время не встрѣчается, — въ данномъ случаѣ указывается на дѣйствительный фактъ, — когда Всеволодъ боролся съ Ростиславичами за Владимірскій столъ и вообще за власть свою въ Суздальско-Ростовской землѣ, когда онъ не чувствовалъ еще себя вполне сильнымъ тамъ, — т. е. въ самомъ концѣ 70-хъ гг. XII вѣка. Этотъ фактъ борьбы за власть въ Суздальско-Ростовской землѣ и подалъ мысль Всеволоду канонизировать Андрея, причислить своего брата и предшественника на Суздальско-Ростово-Владимірскомъ столѣ — къ лику святыхъ; — этимъ въ глазахъ общества освящалась и утверждалась и власть въ Суздальско-Ростово-Владимірской землѣ его самого, Всеволода.

Существованіе уже въ оч. раннее время разныхъ редакцій текста Сказанія объ убіеніи Андрея и разныхъ версій этого разсказа — показываетъ что канонизація Андрея¹⁾ произошла въ очень раннее время, вскорѣ послѣ его смерти, въ правленіе Всеволода, — вѣроятно въ исходѣ 70-хъ гг. XII ст. А одновременно съ этимъ фактомъ, быть можетъ въ предупрежденіе его, въ подготовку къ этому факту, должна была появиться и житійная литература, которая бы популяризовала фактъ причисленія къ лику святыхъ этого князя. Присутствіе этого Сказанія объ убіеніи Андрея Суздальскаго въ разныхъ лѣтописныхъ сводахъ, редакціи Полихрона показываетъ, что это Сказаніе въ житійной уже его обработкѣ попало въ сводъ 1189-го года, — что сводъ 1189-го года вводитъ это Сказаніе въ свой составъ, что черезъ этотъ сводъ это Сказаніе попадало въ другія редакціи, и доходитъ въ составѣ ихъ до нашего времени.

4. Владимірская лѣтопись. Лѣтописный Переяславскій сводъ, будучи перенесенъ во Владиміръ-на-Клязьмѣ и положонъ

¹⁾ Голубинскій, Е. Е. („Ист. канонизаціи святыхъ въ русс. церкви“, 1894) и Васильевъ („Исторія канониз. русс. святыхъ“, напеч. въ „Чтеніяхъ Общ. ист.“ 1893 г. М.) — не могутъ точно обозначить времени канонизаціи кн. Андрея Суздальскаго, но полагаютъ, что она произошла вскорѣ послѣ его смерти.

въ основу складывавшагося тамъ лѣтописнаго свода, былъ сильно разбитъ въ своемъ текстѣ Владимірскимъ лѣтописнымъ матеріаломъ. Тамъ велась уже тогда своя мѣстная лѣтопись и велась въ теченіе довольно продолжительнаго времени, — вѣроятно, съ конца 50-хъ годовъ XII ст. Съ этого приблизительно времени Андрей Юрьевичъ, сдѣлавшись послѣ смерти своего отца († май 1157 г.) самостоятельнымъ дѣлаетъ Владиміръ столицей своего довольно большого тогда и крѣпкаго государственнаго образованія. Такимъ обр. Владиміру-на-Клязьмѣ, какъ новому культурному центру сѣвера, естественно было имѣть и свою лѣтопись.

Читая текстъ Владимірской лѣтописи, замѣчаемъ въ началѣ ея очень много извѣстій о построеніи церквей, основаніи, окончаніи, посвященіи ихъ во Владиміро-Суздальской землѣ (на протяженіи 1157—1163 гг. говорится объ этомъ въ восьми мѣстахъ), или о пожарѣ ихъ, тутъ же находимъ извѣстіе о владиміро-ростовскомъ епископѣ Леонѣ (1158 г.).

Это болѣе или менѣе краткія замѣтки, лаконическія сообщенія. Изъ этого очевидно, что вначалѣ она имѣла чисто церковный характеръ, — и то болѣе внѣшній, нежели внутренній, касающійся духовной жизни этого края. Къ такимъ же извѣстіямъ принадлежатъ и начальные тексты, связанные съ извѣстіями о чудотворной иконѣ Владимірской Божьей Матери. Но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе Владимірская лѣтопись начинаетъ принимать живой характеръ. Если она еще и потомъ не вполне выходитъ за рамки церковныхъ интересовъ, то эти интересы имѣютъ ужъ все таки характеръ болѣе глубокой, жизненный. Такъ, рассказъ о Леонтеіанской ереси и о епископѣ владиміро-ростовскомъ Ѳеодорцѣ (1169 г.) выявляетъ тѣ духовные интересы, которыми жила тогда Суздальская Русь, — эту религиозную, страстную борьбу, которая на почвѣ церковной неподвижности въ сферѣ ритуала заставляла людей вѣрующихъ, но болѣе подвижныхъ, жертвовать своей жизнью, — она вовлекала въ эту борьбу самого князя, вызвала конфликтъ я него съ духовной властью, волновала, выводила изъ равновѣсію общество. Съ этого времени (конца 60-хъ годовъ) рядомъ съ извѣстіями церковнаго характера лѣтопись начинаетъ интересоваться и общественной, политической жизнью своего края, дѣятельностью своего князя. Извѣстія о чудотворной Влади-

мірской иконѣ связываются съ дѣйствіями князя, — вслѣдствіе чего и такимъ, чисто церковнымъ извѣстіямъ дается отчасти общественный характеръ, рисующій внутреннія настроенія края. Нѣкоторые тексты этихъ извѣстій довольно большіе, распространенные. Правда, первоначальности этихъ распространенныхъ, большихъ, текстовъ не всегда можно довѣрять. Такъ, нѣкоторыхъ немногихъ мѣстъ въ ранней Владимірской лѣтописи первоначально не было, они были вставлены позднѣе. Сдѣланы были эти вставки самимъ редакторомъ свода 1189 года; — онѣ касаются нѣкоторыхъ извѣстій, связанныхъ съ личностью владимірскаго князя Андрея. Онѣ носятъ отрывочный, краткій характеръ,¹⁾ и по характеру своему, конечно, далеки отъ политической тенденціозности позднѣйшей владимірской редакціи. — Съ одной стороны это мѣста довольно шаблоннаго характера, — восхваляющія Андрея за его ктиторскую дѣятельность, помощь церквамъ и монастырямъ, — съ другой стороны, — мѣста, гдѣ сама Владимірская Божія Матерь сопутствуетъ князю въ его дѣйствіяхъ, даже въ такихъ какъ дѣло епископа Ѳеодорца (1169 г.), въ которомъ едва ли былъ правъ этотъ князь. Нѣкоторые эти добавленія содержатъ цитаты изъ св. Писанія. Во всѣхъ этихъ добавленіяхъ къ тексту Владимірской лѣтописи, связанныхъ съ личностью Андрея, замѣчаются черты агіографическаго, житійнаго характера. — Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что редакція свода 1189 г. складывалась какъ разъ въ то время, когда былъ поднятъ вопросъ о канонизаціи убитаго князя Андрея, — когда на рукахъ могли уже быть разные житійные списки Сказанія объ убіеніи его, Андрея Суздальскаго. Включая въ свой сводъ цѣлый большой текстъ подобнаго Сказанія объ убіеніи Андрея Суздальскаго, редакторъ свода 1189 года не преминулъ въ томъ же духѣ сдѣлать нѣсколько добавленій и къ нѣкоторымъ текстамъ своего свода, связаннымъ съ личностью Андрея. Мы видимъ, что внесенный редакторомъ свода 1189 г. въ его составъ текстъ Сказанія объ убіеніи Андрея Суздальскаго вліялъ прямо на этого редактора, давалъ поводъ къ подобнымъ житійнымъ добавленіямъ: нѣкоторыя мѣста текста, фразы въ Сказаніи — находятъ себѣ буквальные совпаденія съ

¹⁾ Большая вставка въ статью 1169 г. — о Ѳеодорцѣ, сдѣлана позднѣе, — въ сводѣ 1189 г. ее не было (ср. Новг. IV).

иными мѣстами лѣтописи, особенно въ текстахъ, связанныхъ съ церковной дѣятельностью Андрея.¹⁾ Возможно допустить, что нѣкоторыя мѣста первоначальнаго Владимірскаго текста, которыя противорѣчили стремленію редактора свода 1189 года — придать нѣкоторый характеръ святости личности Андрея, — онъ могъ и опускать при редакціи своего свода.

Данная Владимірская лѣтопись велась нѣсколькими лицами. Сначала однимъ лицомъ, но послѣ смерти Андрея (1175 г.) перешла въ другія руки. Статья 1176 года принадлежитъ другому лѣтописцу, — но годомъ позднѣе она опять попала въ новыя руки, стала записываться новымъ лицомъ. — До середины 1175 года лѣтопись записывалась лицомъ близкимъ Андрею. Въ текстѣ второй половины 1175 г., читаемъ, что владимірцы приняли къ себѣ Ярополка Ростиславича „съ радостью великою“, что принявъ этого князя и его брата, „утѣшиста Володимирцѣ“ и т. д. Годомъ позднѣе лѣтопись ужъ не могла такъ сочувственно относиться къ Ростиславичамъ, — она переходитъ въ руки Всеволодова лѣтописца, рѣшительно настроеннаго противъ Ростиславичей, враговъ Всеволода. Политическая ситуація, смѣна князей на владимірскомъ столѣ вліяла на эту замѣну одного лѣтописца другимъ, — каждый князь въ лицѣ лѣтописца желалъ видѣть своего приверженца, который бы въ желательномъ ему направленіи велъ лѣтопись, — поэтому бралъ лѣтописца, какой былъ ему желателенъ.

Это тѣмъ болѣе понятно, что Владимірская лѣтопись по существу была княжеской, велась по порученію владимірскихъ князей, при княжеской церкви Пресвятой Богородицы во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, гдѣ находился знаменитый палладіумъ земли Владимірско-Ростовской — чудотворная икона Владимірской Бо-

---

¹⁾ Такъ, во вставномъ текстѣ 1157 г. читаемъ: „церкви украси (Андрей) и монастыри постави“, — въ текстѣ Сказанія объ уб. Андрея Сузд. — „всяка святыни и церкви различны постави и монастыри многи созда“. Въ текстѣ 1160 г. читаемъ: „украси ю дивно многоразличными иконами и драгимъ камнемъ безъ числа, и ссуды церковными, и верхъ ея позлати“, — а въ Сказаніи объ уб. Андр.: „златомъ же и камнемъ драгимъ и жемчюгомъ украси ю, иконами безцѣнными и всякими узорочьями удиви“, — въ южной же ред. Сказанія прибавлено еще: „украси ю и удививъ ю сосуды златыми и многоцѣнными“, — и дальше: украшена и всякими ссуды... и 5 верховъ ея позлати (ibid.), и др.

жьей Матери. На это указываетъ самъ текстъ Владимірской лѣтописи, сильно отображающій въ себѣ чудотворныя дѣйствія этого образа. Велась она, конечно, духовнымъ лицомъ, чѣмъ въ значительной степени объясняется ея церковный характеръ.

Эта то Владимірская лѣтопись, доведенная до начала 1189 г. (— послѣднее извѣстіе ея, вѣроятно, было отъ мѣсяца февраля 1189 г.) — вошла въ соединеніе съ южнымъ Переяславскимъ сводомъ 1186 года и съ инымъ Владиміро-Суздальскимъ матеріаломъ — т. е. Суздальскими лѣтописными записками и Сказаніемъ объ убіеніи Андрея Суздальскаго. Текстъ этой Владимірской лѣтописи играетъ въ составѣ свода 1189 г. наиболѣе дѣйствительную роль: текстъ этой лѣтописи даетъ намъ данныя для опредѣленія времени составленія этого свода, — онъ наиболѣе цѣльнымъ является въ этомъ сводѣ: логически разбитаго владимірскаго текста въ этомъ сводѣ не замѣчается, но его фрагменты часто разбиваютъ текстъ другихъ лѣтописныхъ источниковъ этого свода. Видно, какъ съ текстомъ этой лѣтописи считался этотъ первый редакторъ Владимірскаго свода, — какъ являлась она для него основной, въ значительной степени исходной.

Итакъ, древнѣйшій Владимірскій сводъ, сводъ 1189-го года, представляется въ слѣдующемъ видѣ. — Въ началѣ его лежитъ Повѣсть временныхъ лѣтъ (въ редакціи Переяславской), ведущая свой лѣтописный рассказъ отъ сотворенія міра, начала Руси — до конца почти правленія кіевскаго князя Святполка-Михаила Изяславича (— до 1110 г.). Продолженіемъ этой древнѣйшей части является Кіевская лѣтопись, доведенная до 1174 года включительно. Помимо Кіевской лѣтописи для этого времени редакторомъ свода 1189 г. были использованы Суздальскія лѣтописныя записки (— конецъ 40-хъ и 50 гг. XII ст.) и Новгородская лѣтопись (1117—1160 гг. и 1174—1182 гг., быть можетъ и болѣе ранняго времени). Довольно обильно былъ использованъ и Переяславскій лѣтописный матеріалъ — на протяженіи 1118—1186 гг., а также для двухъ раннихъ годовъ: 1113-го и 1114-го.

Наконецъ, сводъ 1189-го года отъ 1186 года до своего конца (въ 1189 году) дополняетъ себя Владимірскимъ лѣтописнымъ матеріаломъ, — матеріаломъ Владимірской лѣтописи, которая непрерывно велась во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, — начиная съ

конца 50-х годов XII-го вѣка. Эта Владимірская лѣтопись дала рядъ своихъ текстовъ для конца 50-хъ годовъ и для позднѣйшихъ десятилѣтій свода 1189 года.

Кромѣ лѣтописнаго матеріала въ сводъ 1189-года входитъ большой текстъ агіографическаго характера — Сказаніе объ убіеніи Андрея Суздальскаго, которое существовало уже раньше, — до внесенія его въ этотъ сводъ, — какъ отдѣльное произведеніе. Но въ составѣ свода 1189-го года, очевидно, содержались и элементы народной словесности, связанные съ событіями южнаго Переяславля.

Самый процессъ составленія свода 1189 года представляется довольно сложнымъ. Составныя части свода 1189 года входятъ не всѣ сразу въ отношенія другъ другу, а разновремененно, — попадаютъ въ этотъ сводъ разными путями. — Кіевская лѣтопись 1174 года проникаетъ въ сводъ 1189 г. не непосредственно, а въ составѣ Переяславскаго свода (1186 г.), какъ уже сводная лѣтопись. Новгородская лѣтопись была принесена въ сводъ 1189 г. двумя путями: Кіевскимъ сводомъ 1174 г. и Переяславскимъ сводомъ 1186 г. Переяславская лѣтопись, какъ сводная, вошла непосредственно въ сводъ 1189 г. Точно также вошла въ этотъ сводъ непосредственно Владимірская лѣтопись, — явившись вмѣстѣ съ Переяславскимъ матеріаломъ основнымъ матеріаломъ свода 1189 г. Суздальскія записки, Сказаніе объ убіеніи Андрея, эпическій элементъ, войдя также непосредственно въ сводъ 1189 г., только дополнили основной его матеріалъ.

Этотъ первый Владимірскій сводъ созданъ тамъ, гдѣ создавалась и Владимірская лѣтопись, — при церкви Владимірской Божьей Матери. Тамъ были люди, вошедшіе уже въ жизнь лѣтописанія, опытные въ этомъ дѣлѣ; — они были и вообще въ курсѣ русскаго лѣтописанія. Тамъ, въ эту обстановку, въ храмъ Владимірской Божьей Матери скорѣе всего могъ попасть Переяславскій сводъ, скорѣе всего могла явиться мысль создать подобный сводъ и во Владимірѣ. Это тѣмъ болѣе понятно, что храмъ Владимірскій Пр. Богородицы, былъ собственно княжимъ храмомъ (— не даромъ же такъ о немъ заботились владимірскіе князья) — и князь вновь создающагося центра не могъ не содѣйствовать такому предпріятію, какъ созданіе своего мѣстнаго лѣтописнаго свода. Больше того,

— можно думать, что составленіе во Владимірѣ свода явилось по порученію самого князя, — вѣдь и само лѣтописаніе Владимірское было въ сущности княжимъ, отображая тамошнюю жизнь, связанную гл. обр. съ княземъ. Мы знаемъ какъ Андрей, созидавая Владиміръ, копировалъ въ этомъ созданіи своемъ старый Кіевъ, — это вообще характерно для этого князя: и главная святыня этого края, чуд. икона Божіей Матери взята оттуда, шли и люди на епископскій столъ владиміро-ростовскій оттуда, духовенство, разные грамотные люди, а книги и иконы, которыя въ знаменитомъ разореніи Кіева войсками Андрея (1169 г.) были взяты изъ церквей и монастырей кіевскихъ, тоже пошли не куда-либо, какъ въ хранилище этого Владимірскаго храма. Все это давало возможности, средства и поводъ, чтобы къ концу 80-хъ годовъ, а именно въ 1189-омъ году создаться тамъ первому большому Владимірскому своду, которому суждено было сыграть такую громадную роль во всемъ русскомъ лѣтописаніи.

IV.

Новгородское лѣтописаніе и редакція Владимірскаго свода XIII-го вѣка.

1. Общія замѣчанія о Новгородской Владычной лѣтописи.

Исключивъ изъ Новг. I-ой старш. ред. рядъ извѣстій, заимствованныхъ изъ общерусскаго источника, — въ ней останется новгородскій лѣтописный текстъ. Этотъ текстъ состоитъ гл. обр. изъ голыхъ, сухихъ извѣстій лаконическаго характера, — представляетъ собою погодно ведшуюся въ Великомъ Новгородѣ лѣтопись. Содержаніе ея обнаруживаетъ громаднѣйшій интересъ къ церковнымъ событіямъ новгородской жизни, особенно къ событіямъ, имѣющимъ связь съ новгородскимъ владыкой; — далѣе здѣсь выказывается вообще большая освѣдомленность въ сообщеніяхъ о смертяхъ отдѣльныхъ духовныхъ лицъ и крупныхъ церковныхъ жертвователей, о поставленіяхъ игуменовъ и игуменій, о ихъ смѣнахъ, о постройкѣ и пожарахъ церквей. Къ этого рода событіямъ виденъ такой напряженный интересъ лѣтописца, онъ такъ детально и охотно говоритъ о нихъ, что отчасти затемняетъ собою событія политической жизни Новгорода. Эта лѣтопись, повидимому, велась при дворѣ новгородскаго архіепископа, что косвенно могло бы подтвердиться и тѣмъ фактомъ, что велась эта лѣтопись въ продолженіи столѣтій, а такую послѣдовательность ея веденія едва ли могли бы выдержать отдѣльныя церкви и даже монастыри. Подобный литературный трудъ долѣе всего былъ въ средствахъ выдержать новгородскій архіепископскій дворъ.

Епископъ, архіепископъ, а потомъ и митрополитъ новгородскій, при дворѣ котораго велась эта лѣтопись, всегда былъ самымъ жизненнымъ элементомъ въ новгородской жизни, даже

въ самыя трудныя для новгородской государственной жизни времена. Съ утратой же самостоятельности Новгорода это значеніе новгородскаго владыки тамъ особенно чувствовалось: ибо единственнымъ органомъ общественной самодѣятельности въ Новгородѣ былъ тогда владыка. При дворѣ его вращались грамотные, и по тогдашнему, образованные люди, и въ выборѣ лицъ для веденія и продолженія тутъ лѣтописанія, вѣроятно, мало чувствовался недостатокъ.

Особенно важнымъ является составленіе въ первой половинѣ XIV-го ст. въ Новгородѣ лѣтописнаго свода. Этотъ новгородскій, первой половины XIV ст. сводъ положилъ въ свою основу не только Владычную новгородскую лѣтопись, но и еще одну новгородскую лѣтопись, о которой рѣчь будетъ ниже. Вѣроятно, въ этотъ Новгородскій сводъ первой половины XIV-го ст. попал и части (фрагменты) лѣтописей, ведшихся при отдѣльныхъ новгородскихъ церквахъ, монастыряхъ. Съ этимъ разнообразнымъ новгородскимъ лѣтописнымъ матеріаломъ — этотъ сводъ соединяетъ въ себѣ и матеріалъ общерусскій. Въ послѣднемъ случаѣ онъ использовалъ общерусскій сводъ лежащій въ основаніи сѣверной редакціи.

Этимъ своимъ сводомъ новгородское лѣтописаніе выходитъ за рамки чисто новгородскія и приближается къ лѣтописанію общерусскому.

Этотъ новгородскій сводъ первой половины XIV ст. и легъ въ основу редакціи Новгородской I-ой лѣтописи, — а именно, старшей его редакціи, т. е. въ основаніе такъ наз. Синодалнаго списка, Новгородской I-ой л. Но въ этомъ сводѣ выдающееся мѣсто среди всего этого матеріала занимаетъ новгородская Владычная лѣтопись.

Вопросъ о новгородской Владычной лѣтописи вообще и вопросъ о новг. Владычной лѣтописи въ редакціи Новгор. I-ой лѣтоп., въ наукѣ довольно разработанъ; — вопросъ же о существованіи въ Новгородѣ параллельно съ новг. Владычной лѣтописью и другого лѣтописанія — совершенно не изученъ.

2. Новгородская Княжая лѣтопись. Рядомъ съ существованіемъ въ Новгородѣ владычаго лѣтописца были тамъ лица, занятыя лѣтописаніемъ частнымъ образомъ, при отдѣльныхъ церквахъ. Это замѣтно въ текстѣ Новгородской I-ой лѣтописи, — въ немъ различается нѣсколько лицъ, занимавшихся въ Нов-

городѣ лѣтописаніемъ. Въ литературѣ было уже отмѣчено¹⁾, что однимъ изъ такихъ лѣтописцевъ новгородскихъ былъ говорившій о себѣ подъ 1144 годомъ въ первомъ лицѣ, умершій въ 1188 г., — Германъ Воята, священникъ церкви св. Якова въ Неревскомъ концѣ, служившій у св. Якова 45 лѣтъ. Подъ 1230-нымъ годомъ въ той же Новгород. I-ой лѣтописи говоритъ о себѣ и пономарь Тимоѳей, служившій тоже при церкви Якова. Очевидно, въ Новгородѣ лѣтопись могла вестись болѣе или менѣе продолжительное время и при отдѣльныхъ церквахъ. А если видѣть въ лѣтописцѣ Тимоѳеѣ-пономарѣ лицо церкви св. Якова, который переписалъ Лобковскій прологъ для церкви Нерукотвореннаго образа,²⁾ — то ясно, что одни и тѣ же лица могли заниматься и составленіемъ лѣтописей, редактированьемъ ихъ, и переписываніемъ отдѣльныхъ литературныхъ трудовъ.

Въ виду того, что и Новгородскіе лѣтописные тексты 1117—1160, 1174—1182 годовъ свода 1189-го года (Твер., Львов.), а также сводовъ сѣверной и южной редакціи, въ большинствѣ случаевъ совершенно разнятся отъ соотвѣтствующаго текста Новгород. I-ой лѣтописи, — весь же почти остальной новгородскій матеріалъ Тверской, Львовской, Новгород. IV-ой, Софійской I-ой, Воскресенской, Никоновской лѣтописей находятъ себѣ болѣе или менѣе дословное совпаденіе съ текстомъ Новгородской I-ой лѣт., — можно видѣть, что, дѣйствительно, существовала въ XII-омъ вѣвѣ новгородская лѣтопись, отдѣльная отъ новгородской Владычной лѣтописи. Новгородская Владычная лѣтопись (ср. Новг. I л.) по характеру своему сильно отличается отъ той лѣтописи, которую содержатъ въ себѣ Тверская, Львовская и схож. лѣт. (сводъ 1189 г.). Новгородская лѣтопись, заключенная въ составѣ Тверской, Львовской и схожихъ лѣтописей, касается исключительно новгородскихъ событій, связанныхъ съ личностями отдѣльныхъ князей, — касается она, — по преимуществу, — смѣны князей на новгородскомъ столѣ, ихъ изгнанія, договоровъ новгородцевъ съ князьями, приглашенія князей на новгородскій столъ, извѣстій о кончинахъ князей, женитьбахъ ихъ, рожденіяхъ, о ихъ походахъ, —

¹⁾ Прозоровскій, Д. И., „Кто былъ первымъ писателемъ Новгород. лѣт.“, въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1852, 7. — Шахматовъ А. А., „Разысканія о др. русс. лѣтоп. сводахъ“, стр. 184 и сл.

²⁾ Срезневскій И. И., — Славяно-русская палеографія, стр. 190.

и не касается ни одного извѣстія изъ новгородской церковной жизни.¹⁾ Это говоритъ за то, что въ Новгородѣ одновременно съ Владычною лѣтописью велась и лѣтопись Княжая, отдѣльная отъ Владычной, которая въ такой или иной степени отражала въ себѣ жизнь новгородскихъ князей.

Въ Новгородѣ князь со своею дружиною должны были вести свою отдѣльную и исключительную политику, — быть постоянно дѣятельными, на чеку, въ борьбѣ, или живомъ единеніи съ вѣчемъ. Ясно, что этотъ очень живой элементъ новгородской жизни, не могъ не запечатлѣться въ отдѣльномъ княжемъ лѣтописаніи, въ веденіи лѣтописныхъ записокъ людьми близкими къ княжескому двору. Хотя тамъ эта лѣтописная дѣятельность велась и не такъ непрерывно, какъ владычная, въ виду частой смѣны новгородскихъ князей.

Нѣкоторыя мѣста новгородскаго текста Тверской, Львовской и сх. (свода 1189 года) отразились и въ Новгородской I-ой лѣтописи (подъ 1117 г., 1128 г., 1138 г. и др.), это понятно. Ибо а priori надо было бы думать, что, если эти тексты новгородскіе отразились въ двухъ южныхъ редакціяхъ, Кіевской и Переяславской, то трудно было бы допустить, чтобы они не отразились въ новгородскомъ лѣтописаніи. Въ виду того, что новгородскіе тексты Твер. и Львов. (свода 1189-го), — будемъ называть ихъ княжими, — не внесли въ своды Кіевскій и Переяславскій, а оттуда и въ сводъ 1189-го года, извѣстій изъ Владычной лѣтописи (они насквозь княжескіе), — то должно думать, что — не Владычная лѣтопись вліяла на Княжую Новгородскую лѣтопись, а наоборотъ, — послѣдняя вліяла на Владычную, отразившись въ ней.³⁾ Поэтому, данныхъ для объясненія

¹⁾ Извѣстіе сводовъ сѣверной и южной ред. — о смерти въ Кіевѣ и погребеніи въ Печерскомъ монастырѣ епископа Новгородскаго, Нифонта, занесенное подъ 1156 годъ, взято редакторомъ свода 1193 года изъ его дополнительнаго кіевскаго источника: въ сводѣ 1189-го года этого извѣстія не было (Львов. л.).

³⁾ Ни одна изъ редакцій Новгородской I-ой лѣтописи, ни синодальный списокъ, ни редакція всѣхъ остальныхъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть источникомъ Полихрона. Это объясняется не только тѣмъ, что въ Полихронѣ мы находимъ цѣлый рядъ текстовъ, которыхъ нѣтъ въ Новг. I-ой, — не только тѣмъ, что текстъ нѣкоторыхъ извѣстій въ Полихронѣ полнѣе, чѣмъ въ Новг. I-ой, — но и тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ текстъ новгор. извѣстій Полихрона сходится то съ одной, то съ другою редакціей Новгородской I-ой лѣт.; — Это по-

Княжескаго лѣтописанія надо искать и во Владычной лѣтописи (Новг. I).

Новгородская Владычная лѣт. (Новг. I), пользовалась Новгородской Княжой лѣтописью непосредственно. Но использовала она ее въ иной степени и въ иномъ размѣрѣ, нежели Кіевская лѣтопись 1174-го года и Переяславская ред. Многие изъ матеріала Княжой лѣтописи не было использовано Владычной (Новгор. I лѣт.): отсутствіе цѣлаго ряда извѣстій Княжой лѣтописи во Владычной (ср. Новг. I л.) — лучше всего можетъ свидѣтельствовать объ этомъ. Но были занесены во Владычную и такіе тексты Княжой, которыхъ не ввели въ свой сводъ ни Кіевская, ни Переяславская.

Прежде всего бросается въ глаза характеръ двухъ рассказовъ, занесенныхъ въ Новгородскую I-ю лѣтопись подъ 1136-ой годъ, и трехъ, занесенныхъ въ ту же лѣтопись подъ 1137-ой (1138-ой) годъ; — первый изъ этихъ рассказовъ: арестъ новгородцами князя Всеволода Мстиславича, — второй того же 1136 г.: приходъ на княженіе въ Новгородъ Святослава Ольговича; — первый рассказъ слѣдующаго года: бѣгство приверженцевъ Всеволода къ нему; — второй: вторичное изгнаніе Всеволода изъ Новгорода; третій: Всеволодъ утверждаетъ во Псковѣ и смерть его. Прежде всего эти рассказы очень детальны: приводится — какого дня произошелъ арестъ Всеволода и его семьи („мѣсяца маіа въ 28“), сколько вооруженныхъ денно и ночью его сторожили („30 мужъ на день“), сколько онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ („сѣдѣ два мѣсяца“), когда былъ освобожденъ („іюля 15“). Далѣе, точно перечисляются по пунктамъ всѣ тѣ обвиненія, на основаніи которыхъ его лишили стола; извѣстно также записывавшему эти строки, что въ числѣ арестованныхъ членовъ семьи этого князя сынъ его, Владиміръ, не былъ арестованъ; авторъ сочувствуетъ Всеволоду во всѣхъ его бѣдствіяхъ, учиненныхъ надъ нимъ новгородцами, псковичами и ладожанами. Подобное же и въ слѣдующемъ рассказѣ: — точность датировки момента прихода въ Новгородъ Святослава — поразительная: „мѣсяца іюля въ 19, преже 14 каланда августа, въ недѣлю, на соборъ святыхъ Еуѣиміе, въ 3 часъ дне, а лунѣ небеснѣй въ 19 день“. Точно также и въ

слѣднее обстоятельство есть очевидный признакъ что онъ не пользовался ни одной изъ этихъ редакцій.

текстъ слѣдующаго года: извѣстно кто бѣжалъ къ Всеволоду (перечисляются лица); когда бѣжали („наступающю въ 7 марта индикта лѣто 15“); очень жизненна картина его вторичнаго непринятія въ Новгородѣ; приглашеніе во Псковъ, смерть его (число, мѣсяцъ, мѣсто погребенія); точно датируются здѣсь даты событія второстепеннаго характера: когда убитъ былъ Твердославичъ („индикта“ 15“), время заговора („индикта лѣто 14“). — Счетъ каландами, да еще съ приведеніемъ луннаго года — въ нашемъ лѣтописаніи не употребителенъ. Все это въ статьяхъ 1136—1137 годовъ, вмѣстѣ съ ихъ детальностью, необыкновенной для новгородской Владычной погодной лѣтописи (ср. Нов. I), свидѣтельствуеетъ о томъ, что эти мѣста (статьи 1136—1137 г.) тамъ (въ Новг. I-ой) — явленіе исключительное. Текстъ этихъ статей, характеръ ихъ, свидѣтельствуя о тѣсной редакціонной и внутренней связи ихъ между собою, говоритъ за то, что эти статьи взяты изъ одного источника и въ Новг. I-ой л. являются вставными. Сопоставивъ текстъ статьи 1137 (1138) года (Новг. I) съ соотвѣтствующимъ текстомъ Княжой лѣт. (Лавр., Ипать.), убѣждаюсь, что первое извѣстіе ст. 1137-го (1138) года (Новг. I.) — о его утвержденіи во Псковѣ и смерти — очень тождественно съ соотвѣтствующимъ текстомъ Княжой лѣт. (тутъ и тамъ приводится имя посадника Константина, — въ первонач. текстѣ Новг. I, вѣроятно, также читалось имя Жиряты,¹⁾ какъ и въ Лавр.); — изъ чего слѣдуетъ, что эти тексты — Новг. I-ой, сѣверной и южной ред. восходятъ къ одному и тому же источнику, Новг. Княжой лѣтописи. Въ виду связи этихъ текстовъ (1137 г.) Новг. I л. съ текстами ея же — 1136 года и текстомъ ея извѣстія подъ 1137 г. — о приходѣ въ Новгородъ Святослава — прихожу къ мысли, что и эти послѣднія извѣстія восходятъ къ новгородской Княжой лѣтописи.

А. А. Шахматовъ въ своихъ „Разысканіяхъ о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ“ (стр. 184 и сл.), не касаясь вообще вопроса о княжескомъ лѣтописаніи въ Новгородѣ, задаетъ вопросъ — не принадлежатъ ли въ Новгородской I-ой (Влад. сводѣ) только эти двѣ статьи (1136—1137 — 8 гг.) особому автору, знавшему счетъ индиктами (въ виду ихъ исключительнаго характера). Этотъ вопросъ не мало затрудняетъ, если въ составѣ Новгород-

¹⁾ Въ Новг. IV-ой при соверш. тождествѣ текста извѣстія о бѣгствѣ приверженцевъ Всеволодовыхъ — приводится имя Ж и р я т ы.

свой I-ой не отдѣлять владычнаго лѣтописанія и княжаго, параллельно ведшихся. Если бы допустить, что авторъ составитель статей 1136—1137 (1138) годовъ былъ привлеченъ къ владычному лѣтописанію, вель Владычную лѣтопись, — то это значило бы, что въ Новгородѣ въ это время велось одновременно двѣ Владычныхъ лѣтописи, существовало два Владычныхъ лѣтописца (составитель статей 1136—1137 годовъ и составитель статей 1135, 1138 годовъ¹⁾ и остального новгородскаго текста). Дѣлать такое предположеніе нѣтъ нужды, — въ авторѣ статей 1136—1137 годовъ и въ самомъ ихъ текстѣ все говоритъ за принадлежность ихъ къ новгородскому княжескому лѣтописанію. Тѣмъ болѣе, что вышеуказанная связь ихъ съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ свода 1189-го года (Львов. Твер.), — съ дѣйствительно существовавшей Княжой лѣтописью, устраняетъ подобныя сомнѣнія. Но что въ Новгородѣ въ то время дѣйствительно одновременно существовало два лѣтописца — это ясно, — только одинъ изъ этихъ вель Владычную лѣтопись, а другой Княжую.

Читая статью 1136-го года (Нов. I) послѣ приведенныхъ въ ней пунктовъ обвиненія, нѣсколько логически неяснымъ кажется смыслъ текста — „а на то много на початыи, велѣвъ ны, рече къ Всеволоду приступити, а паки отпустити велитъ“; — возникаетъ вопросъ къ какому Всеволоду обращается рѣчь. Смыслъ предыдущей статьи, 1135 года (Нов. I), объясняетъ намъ это: обращеніе направлено къ Всеволоду Ольговичу Черниговскому, воевавшему съ Ярополкомъ Кіевскимъ и призывавшему себѣ на помощь новгородцевъ, — о чемъ говоритъ статья 1135-го года. Сравненіе текстовъ обѣихъ этихъ статей 1135-го и 1136-го годовъ показываетъ, что они тѣсно связаны между собою: событія въ первой статьѣ являются въ нѣкоторой степени причиной для событій во второй, — составитель статьи 1136 г. не позаботился яснѣе выразиться въ упоминаемомъ мѣстѣ, ему казалось, что это понятно изъ предыдущаго. Обративъ вниманіе на органическую связь этихъ двухъ статей, понятнѣе станетъ и второй рассказъ статьи 1136 г. о призывѣ брата Всеволода Черниговскаго, Святослава, на новгородскій столъ; отчасти понятнѣе станетъ и вто-

¹⁾ Беру годы по Новгор. I-ой лѣт.; въ скобкахъ годъ сѣверн. и южн. ред.

ричное настойчивое изгнание Всеволода новгородцами, которое видимъ подъ 1137 (—1138) годомъ. Эта тѣсная связь всѣхъ трехъ этихъ статей (1135—1137 гг.) показываетъ, что текстъ извѣстія 1135 года восходитъ къ тому же источнику, къ которому восходятъ и два другихъ текста (1136—1137 гг.), — т. е. къ новгород. Княжой лѣтописи. Текстъ извѣстія 1134 года — о походѣ Всеволода вмѣстѣ съ Изяславомъ (въ интересахъ послѣдняго) на Суздаль (Новг. I л.) находитъ себѣ тоже очень большое соотвѣтствіе въ сѣверной и южной ред., что говоритъ за то, что и онъ взятъ изъ новгородской Княжой же лѣтописи.

Отсюда слѣдуетъ: всѣ тексты новгородскихъ извѣстій, заключенные въ Тверской, Львовской и схож. лѣт., — сводѣ 1189 года, — которые дословно совпадаютъ съ соотвѣтствующими мѣстами сѣверной и южной редакцій, — восходятъ къ новгор. Княжой лѣтописи. Въ редакціи же Новгородской I-ой лѣтописи къ новг. Княжой лѣтописи восходятъ тѣ тексты, которые представляютъ собою дѣйствительное, мѣстами — дословное, тождество съ соотвѣтствующими текстами Твер. Львов. и сх. л. (свода 1189 г.), а также тексты, имѣющіе съ ними тѣсную органическую связь, какъ тексты 1134—1137 годовъ.

Но къ новгородской Княжой лѣтописи должны быть возведены и тексты нѣкоторыхъ новгородскихъ извѣстій и болѣе ранняго времени. Въ составѣ сводовъ, имѣющихъ въ своемъ основаніи Полихронъ, имѣются тексты извѣстій XI-го ст., совпадающіе съ соотвѣтствующими мѣстами редакціи Новгородской I-ой лѣтописи. Приэтомъ, нѣкоторые изъ нихъ редакторъ Новгородской I-ой лѣтописи — сокращаетъ. Къ такимъ новгородскимъ сокращаемымъ текстамъ редакціи Новгородской I-ой лѣт. относятся: извѣстія 1055-го года, 1058-го, 1060-го годовъ — о епископѣ новгородскомъ Лукѣ (Новг. IV, Соф. I), одно изъ которыхъ — о смерти еп. Луки, — Новгор. I-ая лѣтопись пропускаетъ, — текстъ разсказа 989-го года о крещеніи Новгорода, — разсказъ 1077 года — о смерти новгор. епископа Θεодора (Твер. л.)¹⁾. Сокращаемость этихъ текстовъ Новгородской I-ой

¹⁾ Текстъ извѣстія о смерти еп. Луки находится въ органической связи съ остальнымъ текстомъ извѣстій о немъ въ Полихронѣ (стоящ. подъ разн. годами). Въ разсказѣ о крещеніи Новгорода пропущено мѣсто объ уничтоженіи Перуна. Въ разсказѣ о смерти еп. Θεодора, опущено число лѣтъ его епископства и мѣсто, говорящее о причинѣ

лѣт. свидѣтельствуемъ о томъ, что въ этихъ лѣтописныхъ сводахъ редакціи Полихрона, онъ болѣе первоначальный, нежели въ ред. Новг. I-ой, — что въ послѣдней онъ вставной.

Помимо того, новгород. тексты сводовъ, имѣющихъ въ основаніи Вл. Полихронъ, въ однихъ спискахъ Новгородской I-ой лѣт. имѣются, въ другихъ же ихъ нѣтъ. Такъ, подъ 1055 и 1058 годами извѣстія нѣкоторыхъ изъ этихъ сводовъ — объ отношеніяхъ еп. Луки въ Дудикѣ (Соф. I.) согласуются съ младш. редакціей Новгород. I-ой лѣт. (Коммисс. сп.), — рассказъ же 1069-го года — о побѣдѣ надъ Всеславомъ Полоцкимъ тождественъ съ соотвѣтствующимъ текстомъ Новгор. I-ой старш. ред. (Синод. сп.), въ Новгор. I-ой младш. ред. его нѣтъ; — извѣстіе 1067 года — о разграбленіи Всеславомъ Новгорода — имѣется въ Новгор. I-ой стар. ред., — въ Новг. I-ой млад. ред. его нѣтъ. То обстоятельство, что эти новгородскаго происхожденія тексты сводовъ (имѣющихъ въ своемъ основаніи Влад. Полихронъ) совпадаютъ въ одномъ случаѣ съ старшей редакціей, — въ другомъ случаѣ — съ младшей ред. Новгород. I-ой лѣт., показываетъ не только то, что протографъ этихъ сводовъ (Твер. л.) ни одной изъ этихъ новгор. редакцій не пользовался, но вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что и протографъ всѣхъ редакцій Новгор. I-ой лѣт. не имѣлъ ихъ въ своемъ составѣ. Приэтомъ, это послѣднее положеніе еще разъ подтверждаетъ то явленіе, что текстъ извѣстій о епископѣ Лукѣ въ Новгород. I-ой л. вставной, первоначально не содержался въ ней.

Этимъ лѣтописнымъ матеріаломъ, (касающимся XI-го ст.) редакція Новгор. I-ой лѣт. пользуется (вставляя его въ свой основной текстъ) въ продолженіи долгаго времени (989—1077 гг.); — значитъ эта лѣтопись, этотъ первоисточникъ, Новг. I-ой лѣт. уже съ древнѣйшихъ временъ велся непрерывно. Такъ долго могло вестись лѣтописаніе въ Новгородѣ помимо Владычнаго лѣтописанія только при княземъ дворѣ, ибо въ этому былъ тамъ интересъ и средства.

Къ этой новгор. Княжой лѣтописи надо возвести и нѣкоторые др. тексты XI. в., которые въ протографѣ Твер. Львов. и сх. имѣются, а въ Новг. I-ой отсутствуютъ, и которые по характеру своему больше всего могутъ относиться къ новгород.

его смерти: „уяденъ отъ своего пса, бывъ на архиепископіи 9 лѣтъ“ (Твер. л.).

Княжому лѣтописанію, — какъ извѣстіе 1030 года — о побѣдѣ Ярослава надъ Чудью (Нов. IV, Соф. I), — извѣстія 60-хъ годовъ — о нападеніи Всеслава Полоцкаго на Новгородъ (Нов. IV, Соф. I), — извѣстіе 1088 года — о вояженіи Давида Святославича въ Новгородъ (Твер., Львов.). Равнымъ обр. къ новг. Княжой л. надо отнести и текстъ извѣстія 1095 г. — о вояженіи въ Новгородъ Мстислава и уходѣ оттуда Давида Святославича (Львов., Соф. I), который совершенно расходится съ соотвѣтствующимъ текстомъ извѣстія Новг. I-ой лѣт. Къ новгородской Княжой л. слѣдуетъ отнести и часть древнѣйшихъ списковъ кievскихъ и новгородскихъ князей, владыкъ и др., помѣщенныхъ вслѣдъ за текстомъ разсказа о крещеніи Новгорода, принадлежащихъ редакціи Полихрона (Твер.) и попавшихъ въ Новгород. I-ую лѣт. вмѣстѣ со статьей о крещеніи Новгорода.

На связь текста этой древнѣйшей части новг. Княжого лѣтописанія (XI в.) съ послѣдующимъ (XII в.) имѣемъ, между прочимъ, и прямое указаніе въ лѣтописаніи. — Подъ 1117-ымъ годомъ въ извѣстіи — объ отъѣздѣ Мстислава въ Кіевъ (Лавр., Ипат., Твер.) — въ Полихронѣ прибавлено, что Мстиславъ княжилъ въ Новгородѣ послѣ Давида Святославича 22 года (Твер. л.); это указываетъ на непосредственную связь текста этого извѣстія съ текстомъ извѣстія 1095 года — о вояженіи Мстислава въ Новгородъ и уходѣ оттуда Давида Святославича (Львов., Соф. I, Лавр., Ипат.), — и съ текстомъ извѣстія 1088 г. — о вояженіи въ Новгородъ Давида Святославича (Львов., Твер.).

Принадлежность къ ред. Полихрона (Твер. л.) (первоначальная редакція котораго въ древности пользовалась только одной новгородской лѣтописью, — Княжой) — списка князей, владыкъ и др., — обращаетъ на себя исключительное вниманіе. Собственно, это перечни великихъ князей кievскихъ, князей новгор., новгор. посадниковъ, новгородскихъ владыкъ, кievскихъ митрополитовъ и епархій. Одинъ списокъ, списокъ великихъ кievскихъ князей доведенъ только до Ростислава Мстиславича (Твер. лѣт., стр. 15—16; Новг. I, стр. 66). Это обстоятельство указываетъ на время составленія даннаго списка, а также на время одного ранняго редактированія новг. Княжой лѣтописи. Великій князь Ростиславъ Мстиславичъ вступилъ на кievскій

столь въ 1159-омъ году — и княжилъ до 1166-го года включительно. — Лѣтописецъ, составившій этотъ перечень и помѣстившій его въ указанной лѣтописи, не знаетъ еще о смерти этого князя: въ то самое время когда новгородское лѣтописаніе вообще точно рассказываетъ о смѣнахъ князей Кіевскихъ въ это время. Отсюда слѣдуетъ, что уже въ то раннее время была сдѣлана одна попытка редактированія новгор. Княжой лѣтописи.

Это обстоятельство чрезвычайно важно для выясненія вопроса относительно перерыва въ новгородскихъ текстахъ, между 1160-ымъ и 1174-ымъ годами въ сводѣ 1189 года. — Новгородскіе тексты въ составѣ Кіевского свода 1174-го года прерываются на 1160-омъ году, тогда какъ этотъ сводъ заканчивался только въ 1174-омъ году. Можно было бы думать, что это произошло отъ того, что Кіевскій сводъ нашелъ новгор. лѣтопись, доходящую до 1160-го года или ближайшихъ годовъ. Этотъ Кіевскій сводъ ввелъ въ свой составъ новгородскую Княжю лѣтопись въ ея ранней редакціи (нач. 60-ихъ гг. XII в.). Окончивъ списывать эту новгородскую лѣтопись на извѣстіи 1160-го года, которое было послѣднимъ вообще, или послѣднимъ интереснымъ для кіевского редактора извѣстіемъ въ этой лѣтописи, — редакторъ этого Кіевского свода, не имѣя другого источника откуда могъ бы почерпнуть новгородскія извѣстія, оставляетъ съ 1160-го года свой сводъ безъ новгородскихъ извѣстій. Такимъ образомъ, перерывы въ новгородскихъ текстахъ свода 1189 года объясняются внутреннимъ отношеніемъ его составныхъ частей, — отношеніемъ вошедшихъ въ него новгородской, кіевской и переяславской лѣтописей между собою.

3. Іеродіаконъ Кирилль — одинъ изъ лѣтописцевъ новгородской Княжой лѣтописи. Въ текстѣ новгор. Княжой лѣтописи на протяженіи 1130—1160 годовъ чувствуется связность ея сказа, единство темы (— особенно въ статьяхъ, касающихся событій, связанныхъ съ личностью и дѣятельностью Всеволода Мстиславича), чувствуется необыкновенное для новгородскаго лѣтописанія оживленіе. Это цѣлая живая картина отношеній князя къ землѣ Новгородской, — иногда, полная драматизма (статьи 1134—1147 гг.), — со сложенной борьбой разныхъ политическихъ партійныхъ фравцій, — новгородской, псковской, ладожской, — со страстной борьбой двухъ государственныхъ началъ Новгорода,

вѣча и князя, — здѣсь встрѣчаемъ имена представителей отдѣльных партій, — видимъ и сложность внѣшнихъ отношеній этой сѣверной республики. Это необыкновенное явленіе въ лѣтописной жизни Новгорода, — особенно, если сравнить эту лѣтопись съ разнаго рода и въ разное время ведшимися новгородскими лѣтописными записками. Даже, если сравнить ее въ этой части съ параллельно ведшейся Владычной новгородской лѣтописью (Новг. I л.). Ибо и эта послѣдняя носитъ все тотъ же сжатый, погодный характеръ. Какъ замѣтили мы выше, — это, въ большинствѣ случаевъ, простыя лаконическаго характера сообщенія о томъ или другомъ фактѣ новгородской исторіи. — Это не сводъ большого разнообразнаго лѣтописнаго матеріала, гдѣ проявляется многоличное творчество, а сухое запечатлѣваніе голыхъ гл. обр. новгородскихъ фактовъ исторической жизни; — это запись событій безъ широкаго интереса къ общественной жизни.

А. А. Шахматовъ высказалъ замѣчательно интересную мысль, — что авторъ статей 1136—1137-го годовъ Новгородской I-ой лѣтописи и авторъ „Ученія, имже вѣдати челоуѣку числа всѣхъ лѣтъ“ — одно и то же лицо (*ibidem*). Данныя, которыя онъ приводитъ при этомъ и его заключенія очень убѣдительны. Это глубоко цѣнно, ибо, такимъ образомъ, мы имѣемъ предъ собою одного изъ лѣтописцевъ Княжой новгородской лѣтописи. — Это Кириллъ, іеродіаконъ и domestikъ Антоніева монастыря, — авторъ другого замѣчательнаго произведенія русской древности — „Въпрашанія Кюрикова, еже въпраша епископа Новгородскаго и инѣхъ“. Если нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Кириллу domestikъ принадлежатъ статьи 1136—1137 гг., то ему принадлежатъ и двѣ статьи — 1134 года и 1135 года, какъ имѣющія непосредственную связь со статьями 1136-го и 1137-го годовъ. Живой внутренней характеръ и выработанность литературной формы текстовъ указанного тридцатилѣтія (1130—1160 гг.), — приводитъ къ мысли, что эта часть Княжой лѣт. составлялась однимъ лицомъ. — Такимъ лицомъ могъ быть только іеродіаконъ и domestikъ Кириллъ, которому принадлежало авторство нѣкоторыхъ статей этого промежутка времени и обработка извѣстной части (1130—1160 гг.) этой лѣтописи (— быть можетъ собраніе матеріала этой лѣтописи съ древнѣйшихъ временъ).

Иеродіаконъ Кирилль, domesticъ Антоніева монастыря, — это была, конечно, исключительная личность тѣхъ временъ, талантливый писатель, — прекрасно ознакомленный съ хронографіей, лѣтописаніемъ, о чемъ свидѣтельствуется отчасти основательное знаніе имъ счета времени, счета каландами и луннаго года. Иеродіаконъ Кирилль — это личность, имѣвшая навыкъ къ литературной обработкѣ подобнаго труда, — обладавшая способностями и практикой самостоятельнаго литературнаго творчества, что въ данномъ случаѣ и проявилось въ самостоятельномъ созданіи отдѣльныхъ статей нашей лѣтописи, — и, можетъ быть, вообще веденіи лѣтописанія. Княжая новгородская лѣтопись, ея содержаніе, принадлежность ея редакціи Кириллу-доместику, составленіе имъ нѣкоторыхъ статей ея — все это — замѣчательное явленіе въ исторіи новгородскаго лѣтописанія. Это была рѣдкая попытка въ Новгородѣ подобной творческой работы и одновременно литературной обработки лѣтописнаго матеріала. И въ южной Русѣ велись лѣтописи, вѣроятно, въ нѣкоторой степени подобныя новгородской погодной Владычной лѣтописи, сухо регистрировавшія отдѣльныя событія. Но подобныя лѣтописи тамъ вскорѣ подвергались литературнымъ обработкамъ, заключались въ лѣтописные своды, что давало много оживленія лѣтописанію. Въ Новгородѣ, несмотря на интенсивность лѣтописанія его, всеже чувствовался извѣстный недостатокъ какъ въ творческихъ, такъ и въ технически опытныхъ, литературно выработанныхъ и воспитанныхъ силахъ для производства подобнаго, хотя и компилятивнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и творческаго литературнаго труда.

4. Послѣднія тексты новгородской Княжной лѣтописи и время окончанія ея. Фактъ присутствія текстовъ подъ 1174—1182 годами, принадлежащихъ новгородской Княжой лѣтописи, свидѣтельствуется о томъ, что новгородское Княжое лѣтописаніе не закончилось редакціей первой половины 60-ыхъ годовъ XII-го столѣтія, — что оно продолжалось вестись и далѣе. Но не кончалось ли оно въ 1182-омъ году? — Рядъ данныхъ говоритъ, что оно продолжалось и послѣ указаннаго года. Такъ, въ Львов., Воск., Новг. IV, Соф. I-ой и сх. — имѣемъ подъ 1216-ымъ годомъ обширнѣйшую статью о Липицкой битвѣ, въ которой такую выдающуюся роль игралъ новгородскій князь, Мстиславъ Мстиславовичъ, и новгородцы. Когда сравнимъ ее съ соответствующимъ

текстомъ Новгородской I-ой лѣтописи, то окажется, что часть текста этой статьи въ Львов., Воск., Нов. IV, Соф. I-ой и сх. совпадаетъ (иногда дословно) съ текстомъ этой статьи въ Новгородской I-ой л., — часть же сильно разнится отъ текста послѣдней. То мѣсто этой статьи Львов., Нов. IV, Соф. I-й, Воск. и сх., которое начинается словами — „такъ почаста рядити въ боеви“ (Тв., Льв.), — взято изъ совсѣмъ иного источника, нежели текстъ этого событія въ Новгородской I-ой л. — Здѣсь (Нов. IV, Соф. I, Львов.; Воск.) точно обозначается та боевая позиція, которую заняли обѣ стороны („Ста Юрьи со братьею на рѣцѣ Овдовѣ, а Костентинъ съ прочими князи, на горѣ Юрьеви, подѣ нею же потокѣ Тунѣч“), чего нѣтъ въ Новгородской I-ой л.; — видно, какъ близокъ лѣтописецъ къ Мстиславу: онъ приводитъ его слова, разговоръ въ кругу дружины, его возраженія на замѣчанія послѣдней („гора намъ не поможетъ, ни побѣдитъ“), — видно, что самъ записывавшій былъ на думѣ княжой, зналъ настроеніе князя и его думы („радъ былъ“ князь вступить въ бой). — Все это говоритъ за то, что взята эта часть статьи 1216-го года изъ совершенно иного источника, нежели статья Новгородской I-ой лѣтописи, являющаяся точной въ описаніи этого событія, но далекой отъ князя и его боевыхъ намѣреній. Разныя обозначенія времени этого событія въ статьѣ Нов. IV, Львов, Воск. и сх., съ одной стороны, — и Новгор. I-ой, съ другой, — говорятъ за то, что двѣ разныхъ версіи этого событія взяты изъ двухъ различныхъ источниковъ. Такимъ образомъ, въ Львов., Воск., Нов. IV и сх. слито два разныхъ текста, говорящихъ обѣ одномъ и томъ же событіи. Одинъ изъ этихъ текстовъ — позднѣйшій, тождественный съ Новгор. I-ой, попавшій сюда при позднѣйшемъ соединеніи (вѣроятно, въ нач. XIV в.) Новгор. I-ой съ поздн. редакціей Полихрона. Второй же текстъ, принадлежитъ ранней редакціи Полихрона. Фактъ слитія въ поздн. сводахъ ред. Полихрона подѣ 1216 г. двухъ разныхъ новгородскихъ текстовъ, говорящихъ обѣ одномъ и томъ же событіи, свидѣтельствуетъ, что и тогда въ Новгородѣ продолжалось вестись двѣ лѣтописи. Отсутствие одного изъ этихъ текстовъ въ Новг. I-ой (Владычной), непосредственная близость его автора къ князю Мстиславу, симпатія къ нему, — все это показываетъ, что взятъ этотъ текстъ все изъ той же Княжой лѣтописи.

Къ этой же послѣдней надо отнести и запись новгородскихъ событій 1213-го и 1215-го годовъ (Львов., Воск. и сх.). Текстъ событій 1213-го года — объ уходѣ изъ Новгорода въ Галичь Мстислава и посаженіи въ Новгородѣ Ярослава Всеволодовича — совершенно иной въ Львов., Воск. (Полихронѣ), нежели соотвѣтствующій текстъ Новг. I-ой л.; — такъ, въ Львов., Воскр. и сх. говорится, что Мстиславъ собственно идетъ къ угорскому королю просить Галичь, оставляя жену и сына въ Новгородѣ; — въ Новг. I-ой голое извѣстіе объ уходѣ и объясненіе этого ухода Мстиславомъ: „суть ми орудія въ Руси“; далѣе въ Новг. I-ой говорится, какъ долго думали новгородцы кого бы имъ привести на княженіе, — въ Львов. и сх. — голый фактъ приглашенія на столъ Ярослава. Въ статьѣ 1215-го года — объ уходѣ Мстислава изъ Руси въ Новгородъ на Ярослава — въ Новгор. I-ой текстъ значительно большій, чѣмъ въ Львов., Воск. и сх. — въ Новгор. I-ой рассказывается о всѣхъ тѣхъ тяготахъ, которыя были наложены Ярославомъ на новгородцевъ, чего нѣтъ въ Львов. и схож., и т. д. Текстъ статей 1213-го и 1215-го года совершенно другой въ Львов. и схож., нежели въ Новг. I-ой лѣт.; — отсутствіе текстовъ Львов. и сх. (Полихрона) въ послѣдней — говоритъ, что взяты они изъ Княжой.

Къ этой новг. Княжой лѣтописи относится и текстъ статьи 1196-го года, восходящій къ Полихрону и отсутствующій въ Новг. I-ой, о поставленіи Еревшичемъ церкви святаго Іліи въ Холмѣ (Новг. IV лѣт.); — и текстъ 1200-го года — о приходѣ ко Всеволоду во Владиміръ изъ Новгорода Мирошкиной чади (Львов. л.)

Послѣ 1216-го года въ Новг. IV, Твер., Львов., Воск. и сх. читаемъ много новгородскихъ извѣстій, но всѣ они находятъ себѣ соотвѣтствующій, очень тождественный текстъ, иногда дословно совпадающій въ Новгородской I-ой лѣтописи, — и нѣтъ ни одного текста, который бы не находилъ близкаго соотвѣтствія въ послѣдней. Это показываетъ, что всѣ эти тексты новгородскіе восходятъ къ тому же источнику, что и Новгородская I-я, — Владычной лѣтописи. Княжеская же послѣ 1216-го года не отражаетъ себя совершенно въ лѣтописаніи. Чѣмъ же это объяснить?

Подъ 1193-имъ годомъ въ Полихронѣ читается слѣдующее мѣсто: „бысть на небеси знаменіе страшно, учинися небо яво

кроваво, до Юрьевскіа рати за 14 лѣтъ“ (Твер., Львов. лѣт.) А. А. Шахматовъ, разумѣя под Юрьевскою ратью битву при Липицахъ, около города Юрьева, 1216-го года, находитъ необходимымъ вмѣсто „14 лѣтъ“ читать „24 лѣтъ“ (см. его „Исслѣдованіе о Кенигсб. лѣт.“). Значитъ текстъ этотъ писанъ самимъ редакторомъ, современникомъ событій первыхъ десятилѣтій XIII-го столѣтія. Въ этомъ можно видѣть указаніе на время редактированія Полихрона. Полихронъ послѣ первой своей редакціи 1189-го года, продолжалъ вестись дальше. Не ранѣе 1216-го года произошло новое его редактированіе. Последняя статья Княжескаго новгородскаго лѣтописца помѣщена подъ 1216 г. Последнія статьи новг. Княжой лѣтописи 1213, 1215 и 1216 годовъ представляются записанными лѣтописцемъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ имъ пережитыхъ этихъ событій. Итакъ, новгор. Княжая лѣт. составлена въ 1216 г., или сейчасъ же послѣ этого. Такъ какъ въ послѣдующемъ лѣтописаніи Княжая лѣтопись себя не отражаетъ, — можно думать, что 1216 г., или ближайшіе, были послѣдними въ жизни новгородской Княжой лѣтописи.

Княжая новг. лѣтопись ведетъ свое начало съ очень давняго времени, — ея ранніе тексты восходятъ къ началу второй четверти XI в. Велась она сначала въ видѣ погодныхъ записокъ. Гораздо болѣе дѣятельный, живой характеръ принимаетъ она во второй четверти XII ст. Ближайшимъ поводомъ въ этому было то, что оказалось лицо, которое въ силахъ было это сдѣлать, — это лицо: іеродіаконъ Кирилль. Вести эту лѣтопись ему могло быть поручено княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ можетъ быть объяснено то, что событія, связанныя съ личностью и дѣятельностью этого князя, особенно точно начинаютъ регистрироваться лѣтописцемъ. Порученіе княземъ вести его лѣтопись имѣло рѣшительное вліяніе на характеръ ея; интересуясь жизнью князя, естественно, что она являлась и сама собой по содержанию Княжой. Но когда возникла мысль свести воедино и другой, древнѣйшій матеріаль, то въ древнѣйшую часть ея попали нѣкоторые такіе тексты, которые по содержанию своему и не отражали княжеской жизни (извѣстія о новг. епископахъ Лувѣ, Θεодорѣ и нѣк. др.).

Послѣ ранней своей редакціи, въ нач. 60-хъ гг., она ведется безъ перерыва. Въ нач. XIII в. сильно оживляется: ее

ведеть въ то время лицо близкое къ новгор. князю Мстиславу Мстиславовичу, его походный товарищъ. Завершается она въ послѣдней редакціи своей въ 1216 г. или въ ближайшіе послѣ этого годы. На основаніи сравнительнаго изученія — съ одной стороны, сводовъ редакціи Полихрона (Твер., Львов., Воск., Новг. IV, Соф. I. Никон. лл.), редакціи сѣверной (Лавр., Радз. и др.) и ред. южной (Ипат. и др.), — съ другой же стороны редакціи Новгородской I-ой лѣт. (старш. и млад. ред.) найдены мною данныя для возстановленія новгородской лѣтописи, особой отъ Владычной, — новгородской Княжой лѣтописи.

Непостоянство княжескаго положенія въ Новгородѣ, частая тамъ смѣна князей, имѣли то свое отрицательное значеніе, что Княжая лѣтопись не могла тамъ такъ постоянно и систематично вестись, какъ одновременно ведшаяся тамъ Владычная лѣтопись. Могло случиться, что не всегда объ этомъ заботились и сами князья, или не находили соотвѣствующихъ людей для веденія ея. Поэтому, мѣстами эта лѣтопись такъ богата содержаніемъ, мѣстами же вижу въ ней только сухія, мало говорящія замѣтки о томъ или другомъ событіи. Годы княженій славныхъ въ исторіи Великаго Новгорода, — какими были княженія Всеволода Мстиславича (1-ая половина XII в.) и Мстислава Мстиславича (1-ая четверть XIII в.) особенно полно и жизненно отразились въ текстѣ Княжеской лѣтописи. Время же униженія Великаго Новгорода во время Всеволода, князя Суздальскаго, очень слабо отражается въ нашемъ лѣтописаніи (конецъ XII в. и нач. XIII в.). А когда Новгородъ, его политическая жизнь, начинаетъ клониться къ упадку, когда князья не „на всей волѣ“ Новгорода начинаютъ выбираться, а отъ руки владимірскаго князя, — тогда Княжеская лѣтопись и совершенно прекратилась. Это понятно, Княжеская лѣтопись органически была связана съ общественной жизнью, была отраженіемъ ея, шла въ уровень съ жизнью княжеской. Поэтому, перемены въ жизни князей новгородскихъ, культурнымъ порожденіемъ которой являлась Княжая лѣтопись, — были рѣшительными моментами и въ жизни этого лѣтописанія. Владычная новгородская лѣтопись могла дольше существовать, и существовала несравненно дольше Княжой. Новгородскій владыка всегда былъ въ средствахъ ее вести, даже въ самыя трудныя для Новгородскаго государства минуты. Тѣмъ болѣе, что она имѣла свой специаль-

ный — въ зачительной степени чисто церковный, духовный интересъ, — въ значительной степени мѣстный. При такомъ своемъ характерѣ она могла не только существовать, но и развиваться. Новгородская Владычная лѣтописная дѣятельность XIV—XV вѣковъ вліяетъ и на Московское лѣтописаніе, — особенно, когда подъ вліаніемъ создавшагося Новгородскаго свода, близкаго протографу Синодальной, — въ Москвѣ создается нѣсколько сводовъ (XV ст.), одинъ вскорѣ послѣ другого.

Было въ матеріальныхъ средствахъ новгородскаго владыки имѣть такую лѣтопись, былъ интересъ въ ней и она жила еще цѣлыя столѣтія послѣ того, какъ новгородское Княжеское лѣтописаніе умерло. Новгородское Княжеское лѣтописаніе не имѣло всѣхъ этихъ условій для своего существованія, какія имѣла Владычная, — и должно было прекратиться, едва двѣсти лѣтъ просуществовать.

5. Новая редакція Владимірскаго свода, наиболее чисто отобразившая текстъ свода 1189-го года. До конца второго десятилѣтія XIII-го вѣка замѣчается въ основномъ лѣтописномъ текстѣ большое сходство сѣверной ред. (Лавр. л.) и редакціи сводовъ той единой лѣтописной семьи, которая имѣетъ въ своемъ основаніи сводъ первой четв. XV ст., восходящій къ древн. Влад. Полихрону (Твер., Львов. и др.). Основной текстъ послѣдняго въ большинствѣ случаевъ почти дословно совпадаетъ съ соотвѣтствующимъ текстомъ сѣверной ред. (Лавр.). Сравнительно мало имѣется владимірско-ростовскихъ текстовъ въ ред. протографа Твер., Львов., Воскр. и др. (въ сводѣ перв. четв. XV в.) противъ текстовъ сѣверной ред.

Сѣверная редакція (Лавр.) мѣстами сильно амплифицируетъ свой текстъ, разбивая его вставками изъ св. Писанія и своими собственными добавленіями въ мѣстахъ, гдѣ касается личности Константина, князя ростовскаго, его дѣтей или близкихъ ему лицъ.¹⁾ Но это позднѣйшее привнесеніе въ лѣтопись, — оно сдѣлано, очевидно, въ Ростовѣ, послѣ смерти Констан-

¹⁾ Текстъ извѣстія сравнительно незначительнаго событія 1204 г. о посылкѣ Всеволодомъ сына Константина въ Новгородъ на княженіе въ сѣверн. ред. сопровождается рядомъ выписокъ изъ св. Писанія: Псал. Давида — СХVII, 24; XX, 1—5; II, 7—9; СХI, 5; XL, 2; — изъ Евангелія — отъ Матеія; XXV, 40; XXV, 35—36; XXV, 34; посл. ап.

тина, при его сынѣ, Василькѣ, княжившемъ тамъ. — Это редакторъ, симпатизирующій Константину и его семьѣ, обработалъ соотвѣтствующимъ образомъ текстъ Владимірской лѣтописи. Эти вставки сѣверной редакціи, нося въ значительной степени риторическій характеръ, — не обогатили текста лѣтописи сообщеніемъ тѣхъ или иныхъ новыхъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ тогдашней жизни.

Но уже съ 1218-го года многихъ извѣстій, которыя находимъ въ позднѣйшихъ сводахъ, восходящихъ къ Влад. Полихрону, въ сѣверной ред. нѣтъ, или только кратко говорится о нихъ, — и, наоборотъ, нѣкоторыя изъ тѣхъ извѣстій, которыя имѣются въ сѣверной, — отсутствуютъ въ поздн. сводахъ ред. Полихрона. — Сѣверная ред. начинаетъ больше интересоваться ростовской жизнью, — ред. Полихрона — владиміро-суздальской.¹⁾ Такъ, уже подъ указаннымъ годомъ нѣтъ извѣ-

Павла: къ Кор. IX, 6; къ Рим. XIII, 1—4; и др. въ Твер. и Львов. только приводится голый фактъ: „Того же лѣта посла в. кн. Всеволодъ сына своего Костентина въ Великій Новгородъ“, — который находитъ себѣ совпаденіе въ сѣв. ред. — Къ тексту извѣстія 1218 г., общему обѣмъ редакціямъ — сѣвер. и ред. Полихр. — о посылкѣ Константиномъ сыновей на княженія, — въ сѣвер. ред. прибавлено цѣлое большее Константиново наставленіе имъ (дидактич. характера): „Возл. мой чадѣ; будить межи собою въ любви...“, чего въ свод. Твер., Львов. нѣтъ. — Текстъ извѣстія подъ тѣмъ же годомъ — о приходѣ изъ Цареграда еп. полоц., Владиміра, къ Константину — въ сѣверн. ред. сравн. съ ред. св. Пол. также разширенъ: приводится величаніе Константина — „христоролюбивый князь Константинъ...“, чего нѣтъ въ ред. сводовъ Полихр., — къ извѣст. о смерти Константина (1218 г.), текстъ котораго общъ обѣмъ ред., — въ сѣверн. додано восхваленіе этого князя съ выписками изъ св. Иисанія: псал. Давида, XL, 2; кн. Іова, XXIX, 15; отъ Матеѳа, V, 7; и т. д.

¹⁾ Въ сѣверн. ред. (Лав.) нѣтъ не только извѣстій 1218 г. о вокняженіи Юрія во Владимірѣ и о приходѣ на епископскую владиміро-ростовскую кафедру Симона, но и вслѣдъ за ними и вѣтъ ряда другихъ текстовъ, имѣющихся въ ред. Полихрона. Такъ, нѣтъ тамъ владимір. извѣстія 1222 г. о пожарѣ во Владиміро-Суздальской землѣ дубравъ, лѣса, болотъ, что произвело такое большое впечатлѣніе на владим. лѣтописца (Львов.), — нѣтъ — подъ тѣмъ же годомъ — о громѣ въ январѣ, повидимому, слышанномъ во Владимірѣ (Львов.). — Подъ 1127 г. — извѣстіе — о пожарѣ во Владимірѣ въ Твер., Львов. поляхъ, чѣмъ въ сѣверн. р. (Лав.); — извѣстіе 1220 г. — о походѣ княжескихъ ополченій во главѣ съ владимірскимъ войскомъ на болгаръ во Львов. и Твер. цѣлая большая статья, — въ сѣверн. ред. — небольшой текстъ

стій въ сѣверной редакціи первостепенной важности, какъ занятіе владимірскаго княжаго стола Юріемъ Всеволодовичемъ, занятіе владимірской епископіи Симономъ и др.

Это свидѣтельствуеъ о томъ, что въ то время, — въ концѣ первой четверти или началѣ второй четверти XIII-го столѣтія, во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, — общерусскій сводъ — древнѣйшій Владимірскій Полихронъ, будучи дополненъ, повергся новой редакціи, получилъ новое свое изданіе.

Текстъ нѣкоторыхъ владимірскихъ статей этого времени очень жизненъ, — въ составленіи ихъ виденъ современникъ, очевидецъ событій конца первой четверти XIII-го стол.¹⁾ Указанная вставка въ лѣтописный текстъ подъ 1193-имъ годомъ прямо ведетъ насъ къ владимірскому лѣтописцу — редактору второго десятилѣтія XIII-го стол., современнику тогдашнихъ событій владимірской жизни.

Эта новая редакція общерусскаго Владимірскаго свода была сложена послѣ смерти владиміро-ростовскаго князя, Константина Всеволодовича, послѣдовавшей въ 1218-омъ году (— съ этого времени редакція Твер., Львов. и сх., съ одной стовоны, — и редакція сѣверная съ другой, — начинаютъ сильно разниться между собою), — вѣроятно, уже въ правленіе владимірскаго князя Юрія Всеволодовича (1218—1237 гг.)²⁾

и т. д. — Зато въ сѣверной редакціи видимъ слѣд. тексты, которыхъ нѣтъ въ ред. Полихрона: подъ 1218 г. въ Лавр. л. — объ освященіи ростовскимъ еп. Симономъ церкви Рожд. Богородицы, — подъ 1218-ымъ же годомъ въ Лавр. рассказъ о смерти ростовскаго епис. Пахомія — съ длинной похвалой умершему, прпведеніемъ біографич. датъ этого епископа: „чернечествовавъ лѣтъ 5 въ Печерскомъ монастырѣ, . . . въ Печерскомъ монастырѣ святого Петра лѣтъ 13, а епископью сдержалъ 2 лѣта“, — въ Львов., Твер. — объ этомъ событіи только замѣтка.

¹⁾ Описаніе, напримѣръ, въ рассказѣ 1220-го года — мѣста боя у Ошела, осады этого города такъ детально, такъ жизненно: лѣтописецъ знаетъ стратегическое положеніе сражающихся, даетъ описаніе городскихъ укрѣпленій: „около города бѣ острогъ, тынъ дубовъ, за нимъ два оплота, а межи има валъ осыпанъ . . .“ (Львов. л.); или въ другомъ мѣстѣ того же рассказа: описаніе сраженія болгаръ съ русскими на берегахъ Волги, такъ жизненно представленное; и др.

²⁾ Нѣкоторыя мѣста этого свода, внесенныя владимірскимъ редакторомъ его, выражаютъ очень недружелюбное отношеніе къ князю Ярославу Всеволодовичу, наслѣдовавшему непосредственно послѣ смерти Юрія владимірскій столъ (— какъ, напр., подъ 1216 г., гдѣ говорится, что Ярославъ „не довлѣеть о первомъ злѣ, не насытился крови чело-

Эта редакція Владимірскаго Полихрона представляется такой. — Сначала составитель ея списалъ текстъ древней редакціи Владимірскаго Полихрона, свода 1189-го года, положивъ его въ основу своего свода. Затѣмъ этотъ свой основной источникъ дополнилъ, продолживъ его до своего времени. Это продолженіе имъ основного своего текста дѣлалось отчасти на основаніи имѣвшагося уже у него лѣтописн. Владимірскаго матеріала, накопившагося послѣ 1189-го года, — отчасти же дополнилъ его своими собственными статьями, на что указываютъ послѣднія статьи этой редакціи Владимірскаго Полихрона, въ которыхъ отобразились черты непосредственной современности. Весь же этотъ текстъ онъ соединилъ съ матеріаломъ новгородской Княжой лѣтописи, которая будучи использована этимъ редакторомъ Полихрона на всемъ своемъ протяженіи дала не только позднѣйшія свой статьи, статьи 90-хъ годовъ XII ст. и первыхъ двухъ десятилѣтій XIII-го стол., но дала еще нѣкоторыя свои вставки и въ текстъ болѣе древней части этого свода, нѣкоторыя новыя свои вставки въ текстъ Повѣсти временныхъ лѣтъ (ср. Новг. IV, Соф. I лѣт.).¹⁾ Этотъ редакторъ Владимірскаго Полихрона дѣлалъ и свои собственные вставки въ болѣе ранній текстъ его. какъ это можно судить на основаніи вставки подъ 1193 годъ и др.,²⁾ въ которыхъ ясно видна его рука.

Эта редакція Владимірскаго Полихрона, будучи въ позднѣйшее время дополнена послѣдующимъ, позднѣйшимъ лѣтописнымъ матеріаломъ, легла затѣмъ въ основу свода, сложен-

---

вѣческія, изби людей много“, — что онъ вметалъ многихъ въ погребъ, которые „зашли съ гостьбою въ землю его“, и т. д.) Это свидѣтельству-етъ, что эта редакція могла появиться во всякомъ случаѣ только до вокняженія Ярослава Всеволодовича во Владимірѣ (1237 г.), — и никакъ не въ правленіе во Владимірѣ этого князя, его сына, непосредственныхъ его потомковъ (наслѣдовавшихъ ему).

¹⁾ Сѣверная ред. не содержала послѣднихъ статей (XIII в.) новг. Княжой лѣт., — статья 1216 г. о Липицкой битвѣ въ Лавр. л. совершенно особенный имѣетъ текстъ: она даже не упоминаетъ о новг. кн. Мстиславѣ и новгородцахъ, игравшихъ въ битвѣ главную роль.

²⁾ Тѣмъ же редакторомъ Влад. Полихрона (XIII ст.) вставлена подъ 1176 г. дата побѣды Михалка и Всеволода надъ Ростиславичами: „си же бысть на Дубровици, и у Яхробъла, въ недѣльный день іюня (іюля) 15“ (Твер., Львов.), — этой фразы нѣтъ ни въ сѣверной, ни въ южной редакціи.

наго въ первой четверти XV-го вѣка¹⁾ въ Москвѣ, къ которому непосредственно восходятъ въ общерусской своей части лѣтописные своды — Тверской, Львовскій, Воскресенскій, Никоновскій, Новгородскій IV-ый, Софійскій I-ый, сводъ — использованный Яномъ Длугошемъ, Хронографъ и др., — своды, — которые въ первой своей части — отъ начала Руси и до конца почти первой четверти XIII-го вѣка очень схожи въ текстѣ между собою, а затѣмъ въ послѣдствіи, имѣя общія сходныя тексты, всетаки довольно сильно разнятся между собою. Каждый изъ этихъ сводовъ по своему, по разному, использовалъ этотъ общій протографъ (св. нач. XV в.), — поэтому, въ различномъ количествѣ вошелъ въ тотъ или другой изъ указанныхъ сводовъ текстъ Владимірскаго Полихрона. Но во всякомъ случаѣ текстъ Владимірскаго Полихрона, находясь въ основѣ cadaго изъ этихъ сводовъ, являясь основнымъ ядромъ общерусскаго ихъ матеріала, сближаетъ ихъ между собою, сводитъ ихъ всѣхъ въ одну лѣтописную семью, одну редакцію.

Протографъ Тверской, Львовской, Воскресенской, Новгородской IV-ой и схожихъ текстовъ является, правда, въ болѣе поздней редакціи (нач. XV в.), нежели протографы южной и сѣверной редакцій (XIII в., нач. XIV в.). Но упомянутые своды, основываясь на Владимірскомъ Полихронѣ (св. 1189 ч. и нач. XIII в.), содержатъ въ себѣ гораздо болѣе ранній лѣтописный текстъ, болѣе раннее лѣтописаніе, нежели протографы южной и сѣверной редакціи, которые ядромъ своего текста имѣютъ сводъ болѣе поздняго происхожденія, нежели сводъ ранней редакціи Владимірскаго Полихрона (сводъ 1189-го года).

Это объясняется нижеслѣдующими процессами лѣтописанія.

---

¹⁾ Это сводъ общерусскій; — послѣднія общерусскія извѣстія его, въ извѣстной степени общія тѣмъ или другимъ сводамъ, какъ указано было вѣше, прекращаются въ первой четверти XV в.

V.

Лѣтописный сводъ 1193-го года.

1. **Общій текстъ, лежащій въ основаніи сѣверной и южной редакцій, восходитъ къ своду 1189-го года.** На общемъ лѣт. сводѣ 1189 г., — точнѣе: на сводѣ конца первой четверти XIII-го вѣка, въ основу котораго легъ сводъ 1189 года, — зиждется зданіе цѣлаго цикла лѣтописныхъ сводовъ дошедшихъ до нашего времени, — а именно: Тверского, Львовскаго, Новгородскаго IV-го, Софійскаго I-го, Воскресенскаго, Никонскаго, свода легшало въ основу *Historia polonica* Яна Длугоша и др. Другое основаніе имѣютъ своды сѣверной и южной редакцій. Коснемся этого вопроса происхожденія этихъ двухъ редакцій, отношеній ихъ между собою и къ остальному сводному лѣтописному матеріалу.

Указанныя владимірскія вставки въ текстѣ извѣстій владимірскаго происхожденія указываютъ на существованіе такой владимірской редакціи, которая ввела въ свой сводъ указанныя вставки кievскаго, переяславскаго, суздальскаго происхожденія, положивъ въ евою основу общій лѣтописный сводъ 1189 года.

Уже въ основѣ протографа сѣверной редакціи (Лавр. л., Радзив., Троиц., Сузд.-Пер.) — въ части извѣстій XII-го вѣка — лежалъ древнѣйшій сводъ, заключавшій въ себѣ всѣ вышеуказанные — владимірскіе, кievскіе, переяславскіе (южные), суздальскіе — тексты, которые отсутствуютъ въ Полихронѣ (Твер., Лавр. и др.). — Этотъ сводъ могъ появиться не позднѣе 1193-го года. Текстъ сѣверной редакціи (Радзивиловской, Лаврентьевекой, Суздальско-Переяславской, Троицкой лѣт.) за малыми исключеніями почти дословно совпадаетъ съ текстомъ южной редакціи (Ипатьевской, Хлѣбниковской и др.). Въ основаніи протографа обѣихъ этихъ редакцій (ср. Лавр., Ипат. лѣт.)

лежалъ одинъ и тотъ же общерусскій сводъ,¹⁾ использованный Ипатьевской и схожими съ нею лѣт. до 1193-го года (на этомъ году кончается заимствованіе южными редакціями суздальско-владимірскихъ извѣстій, — кончаются дословно общія тексты обѣихъ редакцій, — южной и сѣверной).

1193-ій годъ является критическимъ въ сѣверной редакціи. Прежде всего на 1193 году кончается амплификація суздальско-владимірскихъ статей за счетъ свящ. Писанія. Далѣе, — послѣ 1193 года въ текстѣ сѣверной редакціи, протографѣ Лавр.-Радзив. лѣт., слѣдуетъ матеріалъ исключительно фактическаго характера, — т. е. лѣтописныя статьи послѣ 1193 года часто приводятъ голые факты, объективно представленные, — безъ прибавки матеріала какого — либо специально тенденціознаго характера, — какъ это мы видимъ въ рассказѣ до 1193-го года, гдѣ лѣтописецъ стремился „поднять“ „младшій“ Владиміръ, надать ему извѣстныхъ правъ передъ старѣйшими городами, — князя же владимірскаго оправдать за его неблаговидныя дѣла, и т. д. Послѣ 1193-го года этого нѣтъ, — нѣтъ и вставокъ изъ св. Писанія, какими такъ пестрятъ статьи до 1193-го года. Разныя лѣтописи, почти дословно совпадающія другъ съ другомъ (Лавр., Радз., Сузд.-Пер., Троиц.) до 1193 года, — послѣ 1193 года имѣютъ между собой въ текстѣ большія различія, — разнятся онѣ извѣстіями фактическаго характера: нѣкоторые факты, отсутствующіе въ Переяславо-Суздальской лѣт., или Радзивиловской, имѣются въ Лаврентьевской, или Троицкой, — и наоборотъ; — этого до указанного года почти не замѣчается. Поставленное же въ концѣ статьи 1193-го года слово — „аминь“ окончательно подчеркиваетъ мысль, что здѣсь кончался сводъ.

Послѣ 1193 года у нашихъ лѣтописцевъ-сводчиковъ отсутствуетъ желаніе представлять свой матеріалъ тенденціозно, въ угоду владимірской политической идеѣ. Текстъ тамъ идетъ тогда ровный, строго фактическаго характера, безъ всякихъ лишнихъ вставокъ, безъ амплификаціи за счетъ св. Писанія.

---

¹⁾ Что сѣверная и южная редакцій, обѣ восходятъ къ одному общему источнику видно изъ того, что одна и другая редакціи въ своихъ текстахъ дѣлаютъ одни и тѣ же повторенія (повтор. текста о нападеніи половцевъ подъ 1169 и 1171 г.) или однѣ и тѣ же вставки (вставка имени Всеволода, 1171 и 1176 гг.).

Если сравнить послѣ 1193 года общій текстъ Лаврентьевской, Радзивилловской и др. сходныхъ лѣтописей съ соотвѣтствующимъ текстомъ, общимъ Тверской и Львовской, — то замѣтимъ, что тексты этихъ двухъ разныхъ редакцій почти дословно совпадаютъ. Въ текстѣ слѣдующемъ послѣ 1193 г., общемъ Тверской и Львовской, нѣтъ мѣстъ лишнихъ, или отсутствующихъ, — противъ соотвѣтствующаго текста, общаго Лаврент. Радзив. и др. сходн. лѣт. Это очень интересное явленіе: тамъ, гдѣ текстъ общій Лаврентьевской, Радзив. и сх. кончаетъ себя дополнять, тамъ онъ почти дословно совпадаетъ съ текстомъ, общимъ Тверской и Львовской. Если же сравнить между собою наиболѣе близкіе своды, восходящіе къ св. 1193 г.: Суздальско-Переясл., Лаврентьевскій, Радзив. и сх., то замѣтимъ, что въ Суздальско-Переясл., очень полно представившемъ текстъ древн. Владимірскаго свода, и совпадавшемъ съ другими сводами сѣверной ред., отсутствуютъ (противъ текста др. сводовъ сѣверной редакціи) какъ разъ такія мѣста (начиная съ 1189 г.), которыхъ нѣтъ и въ текстѣ, общемъ Львовской и Тверской.¹⁾

Изъ этого слѣдуетъ, что текстъ древнѣйшаго Владимірскаго свода (Твер., Львов.) и текстъ прот. сѣверной ред. (Лавр., Сузд.-Пер., Радз.) вообще очень близки другъ къ другу, одинъ изъ нихъ предшествуетъ другому. То что древнѣйшій Владимірскій сводъ (св. 1189 г.) не имѣлъ лишнихъ текстовъ противъ редакціи протографа Лавр.-Радз. (св. 1193 г.) — показываетъ, что послѣдній восходитъ къ тексту перваго, какъ болѣе древнему.

Вставки переяславскаго, суздальскаго, кіевскаго матеріала въ сводѣ 1193 года явились только дополненіемъ къ матеріалу

---

¹⁾ Такъ, подѣ 1189 г. — объ освященіи Богород. церкви во Владиміръ — послѣ словъ общихъ этимъ сводамъ — „при вел. князѣ Всеволодѣ“ — въ Сузд. Переясл. отсутствуютъ слова: „и сынѣ его Константинѣ“ (ср. Лав.-Радз.), — нѣтъ словъ: „и бысть радость великая въ градѣ Володимери“ (ib.); подѣ 1190 въ Сузд.-Пер. отсутствуетъ цитата изъ пр. Исаи — LXVI, 2 — и дальнѣйшій текстъ, кончая словами: „пастуха всей земли . . . еже и бысть“ (ib.); подѣ 1191 г. опущены слова: „ту сущю блаженному епископу Іоанну“ (ib.); подѣ 1193 г. въ Сузд.-Пер. опущены всѣ благочестивыя разсужденія и цитаты изъ пр. Исаи LVIII, 3—12 — и — LIX, 1—2; — тамъ же подѣ тѣмъ же годомъ допускается пропускъ, фразы — „а князь дворъ Богомъ и св. Богородицею изотяша“, — а также отсутствуютъ слова: „дѣда его и отца молитвою святою избавленъ бысть отъ пожара“ (ib.).

свода 1189 г., бывшему въ распоряженіи редакціи 1193 г. Всѣ эти кievскіе, переяславскіе, суздальскіе вставные въ редакціи 1193 года тексты взяты изъ одного источника.

2. Характеристика свода 1193 года. Въ сводѣ 1193 г. рядомъ съ указанными выше вставками во владимірскія статьи (проводящими открыто и упрямо въ сущности одну и ту же цѣль „возвышенія“ Владиміра и владимірскаго князя и являющимися твореніемъ самого владимірскаго редактора) — имѣются вставки, обосновывающія эту идею, вставки изъ св. Писанія. Арсеналь этихъ вставокъ изъ св. Писанія у этого редактора сравнительно очень не великъ: это цитаты изъ Евангелія, Дѣяній Апостольскихъ, Книги пророчества Исаи, Книги Псалмовъ Давида, Книги Јова и нѣк. др. Характерною чертой приводимыхъ здѣсь цитатъ — является ихъ повторяемость. — Такъ, мѣсто изъ книги прор. Исаи — XXVI, 26 — употребляется въ рядѣ статей подъ 1185-ымъ годомъ, подъ 1186 г., 1187 г. и подъ 1188 годомъ; псаломъ царя Давида — СXXIX, 3 — цитируется въ статьяхъ — подъ 1185-ымъ годомъ, 1187 год., 1188 годомъ; псаломъ царя Давида — CXVIII, 18 — цитируется подъ 1169-ымъ годомъ, 1187 г., подъ 1188 годомъ; Дѣянія Апостольскія — XIV, 22 — въ статьяхъ 1185-го года, 1186-го года, и т. д. — Эти цитаты употребляются на протяжении всего почти Суздальско-Владимірскаго лѣтописанія (въ части до 1193 г.); попадаютъ онѣ иногда въ матеріаль и не суздальско-владимірскій, — какъ, на примѣръ, въ вышеупомянутыя статьи переяславскаго происхожденія (подъ 1185 г. и 1186 г.) и въ статьи кievскаго происхожденія. Эти цитаты изъ св. Писанія чередуются съ перваго рода вставками, тенденціознаго характера, — которыя касаются „возвышенія“ Владиміра и оправданія дѣятельности владимірскихъ князей). Повторяемость этихъ цитатъ, начиная съ 60-хъ годовъ и кончая началомъ 90-хъ год. XII вѣка, показываетъ, что вставка ихъ въ текстъ принадлежитъ одному лицу, которое дополняло ими уже готовый общерусскій сводъ (вижу однѣ и тѣ же цитаты во владимірскихъ, кievскихъ, переяславскихъ, суздальскихъ извѣстіяхъ); такимъ лицомъ и былъ редакторъ (второго) Владимірскаго свода. Такъ какъ эти цитаты св. Писанія кончались на 1193-емъ году, то ихъ вставлялъ не позднѣйшій какой-либо редакторъ Владимірскаго свода, а редакторъ свода 1193-го года. Но и первый

рядъ вставокъ во владимірскія статьи, сдѣланный съ той же цѣлью „возвышенія“ Владиміра, съ какою вставлены и цитаты св. Писанія, — введенъ въ лѣтописный сводъ тѣмъ же редакторомъ свода 1193-го года. Это тѣмъ болѣе понятно, что и эти послѣднія въ нашихъ сводахъ (Лавр., Радз.) не переходятъ за 1193 годъ.

Приэтомъ обратимъ вниманіе на слѣдующее. — Въ статьѣ 1171-го г. переяславско-кіевскаго происхожденія рядомъ съ именемъ Михалка вставлено имя Всеволода („поможе Богъ Михалку со Всеволодомъ“, „посла Михалка съ братомъ своимъ Всеволодомъ“). Этой вставки имени Всеволода нѣтъ въ статьѣ 1169-го года, сколокъ которой есть статья 1171-го года, почти дословно совпадающая съ текстомъ первой. Тоже замѣчается и въ статьѣ 1176-го года владимірскаго происхожденія: рядомъ съ именемъ Михалка вставлено имя Всеволода („Михалко и Всеволодъ“) — въ то самое время, когда въ древнѣйш. Владимірскомъ сводѣ стояло одно имя Михалка („Володимерци же укрѣпившася послашася Чернигову по Михалка“, Воскр. подъ 1176 г., — „срѣтоша и (Михалка) со кресты“, *ibid.*, — „поможе Богъ Михалку“, *ibid.*). Вставка имени Всеволода рядомъ съ именемъ Михалка — есть позднѣйшая; это могло произойти тогда, когда личность Всеволода Юрьевича была вполне актуальна, когда явилась во Владимірѣ настоящая потребность возвеличить его. Это относится ко второй половинѣ его княженія, когда значеніе этой личности въ восточно-европейской политикѣ было несомнѣннымъ. Эта вставка имени Всеволода принадлежитъ все тому же владимірскому редактору свода 1193-го года, который такъ старательно стремился возвеличить свой родной городъ и своего князя.

Что слава и значеніе этого князя, дѣйствительно, не сразу и не вездѣ въ одинаковой степени почувствовались и въ текущемъ лѣтописаніи, — видно хотя бы изъ того, что въ началѣ (въ 70-ыхъ и отчасти 80-ыхъ гг. XII ст.) имя его заносилось въ лѣтопись безъ всякихъ атрибутовъ: „Всеволодъ“, „князь Всеволодъ“. Впослѣдствіи же къ этому имени въ лѣтописяхъ постепенно начинаютъ прибавляться эпитеты: „великій князь Всеволодъ“, или „великій и благовѣрный князь Всеволодъ“, „великій и христоролюбивый князь Всеволодъ“ и т. д. Съ 1189-го года имя Всеволода въ протографѣ Лавр., Радз., Ипат. лѣт. постоянно сопровождается такими атрибутами; безъ нихъ послѣ этого года

имя этого князя въ протографѣ Лавр., Радз. лѣт. не ставится. Такимъ ближайшимъ редакторомъ, дѣйствовавшимъ послѣ 1189-го года, сводъ котораго отразился въ протографѣ Лаврентьевской, Ипатьевской и схожихъ съ ними лѣтописей, — могъ быть только составитель свода 1193-го года. Древнѣйшій Владимірскій сводъ (Твер., Львов.) этого не зналъ. Своды редакціи Полихрона и послѣ 1189-го года по преимуществу употребляютъ имя этого князя безъ этого добавленія — „великій“ (напр., подъ 1189 г. — „священна бысть соборная церкы при князѣ Всеволодѣ“, подъ 1192 г. — „заложи Всеволодъ въ Володимери дѣтинець“, подъ 1193 г. „посла Всеволодъ тіуна своего въ Русь“ и т. д.)

Одной изъ главныхъ цѣлей составителя свода 1193 года было оправдать то фактическое положеніе, которое занялъ тогда, въ тогдашнемъ политическомъ мірѣ владимірскій князь, объяснить его отношеніе къ тогдашнимъ его соперникамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, оправдать отношеніе къ старѣйшимъ городамъ, Ростову и Суздаю, младшаго Владиміра и поведеніе гражданъ этого послѣдняго къ гражданамъ первыхъ, которые никакъ не могли тогда мириться съ унижительнымъ положеніемъ, въ какое ихъ поставилъ бывшій ихъ пригородъ. Мысль составителя свода 1193 года получала слѣдующее направленіе: если оправданія активной политики князя-собирателя Владимірской Руси нельзя было искать въ историческихъ традиціяхъ Владимірско-Суздальской земли, то оно находилось въ моральномъ превосходствѣ владимірскаго князя, въ нравственномъ значеніи новой столицы сѣвера съ его великой святыней — чудотворной иконой Владимірской Божьей Матери, которая повсякчасно не преминуетъ быть защитницей и покровительницей „мезиніихъ людей Владимірскихъ“ и ихъ князя. Всякое дѣйствіе владимірскаго князя, которое иногда является съ нравственной точки зрѣнія вопіющимъ преступленіемъ, какъ ослѣпленіе Ростиславичей, разореніе и истребленіе мирныхъ жителей Торжка, Новгорода, Кіева — находитъ себѣ оправданіе въ словахъ редактора свода 1193 г., который въ помощь себѣ беретъ св. Писаніе, и прикрываясь его авторитетомъ, щедро дѣлаетъ изъ него выборки для прикрытія всѣхъ шереховатостей политики этого князя. Этотъ сводъ, въ подобной редакціи, имѣлъ немалое значеніе для создающейся тогда сѣверно-русской государственной идеологіи; — хотя и тенденціозно составленный, но теоре-

тически онъ всетаки утверждалъ первенство сѣверной столицы и ея князя — на востокѣ. Если крайняя тенденціозность свода 1193 года и могла быть видна его современникамъ, то со временемъ она стала менѣе обращать на себя вниманіе, и забываться; самъ же сводъ этотъ, набывая исторической давности, и самъ современемъ начиналъ становиться основаніемъ для той исторической традиціи, которая развиваясь и набывая силы въ условіяхъ страны, становится изъ ряда выходящей.

Но если таково могло быть историческое значеніе возстановливаемаго свода 1193-го года, то не менѣе интересно и его литературное образованіе; — это сводъ, — который легъ въ основу такихъ двухъ важныхъ редакцій, какъ южная и сѣверная (Лавр., Ипат. и сх.). Послѣ этого сѣверное и южное лѣтописаніе въ меньшей степени входятъ въ органическое соприкосновеніе другъ съ другомъ. На сѣверѣ сводъ 1193-го года легъ въ основу Ростовской редакціи половины XIII-го вѣка, а этотъ послѣдній служитъ основаніемъ Московскаго свода, сложеннаго, вѣроятно, въ началѣ XIV-го вѣка (ср. Лав.). На югѣ сводъ 1193-го года ложится въ основу Кіевскаго свода, сложеннаго въ 1198 году, или вскорѣ послѣ 1198-го года, который въ свою очередь далъ основу большому своду, сложенному въ Галицко-Волинской землѣ въ 90-хъ годахъ XIII-го вѣка (ср. Ипат. л.).

Такимъ образомъ, 1193-ій годъ является переломомъ, критическимъ моментомъ, въ исторіи всего русскаго лѣтописанія. Съ этого года, послѣ созданія во Владимірѣ-на-Клязьмѣ общерусскаго свода, лѣтописаніе расходится по двумъ путямъ. Создаются двѣ редакціи, южная и сѣверная. Каждая изъ нихъ, находясь въ границахъ своихъ соціальныхъ и политическихъ интересовъ, занималась своей жизнью, интересовалась лѣтописнымъ матеріаломъ своихъ мѣстностей. Это особенно видно изъ сравнительнаго изученія разныхъ сводовъ этихъ двухъ редакцій, южной и сѣверной, а также и Новгородской I-ой, лѣтописи, которая тоже использовала этотъ сводъ. Правда, въ позднѣйшее время онѣ входятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, но каждая изъ этихъ редакцій беретъ матеріалъ другой не какъ главный, основной, а какъ вспомогательный дополнительный (ср. Лавр.).

3. Новая обработка Киевского свода 1174-го года и его влияние на состав свода 1193 года. Статья 1169-го года о нападении половцев на Южную Русь, соединила в себя две версии этого известия, переяславскую и киевскую. — Соединение этих двух текстов разных летописей произошло уже в редакции Переяславского свода. Подъ 1171-ымъ годомъ это известіе въ сводѣ 1193 года повторяется (Лавр. Ипат.). Такое же повторение въ этомъ послѣднемъ видимъ и другого известія, 1136-го года — о посылкѣ Ярополкомъ Андрея Владиміровича на княжение переяславское; — подобное же известіе стояло уже подъ 1135 г. Этихъ повтореній въ сводѣ 1189 г. не было. Это показываетъ, что сводъ 1193 г., кромѣ матеріала даннаго ему сводомъ 1189 года и кромѣ владимірскихъ дополненій тенденціознаго характера, — ввелъ въ свой составъ еще какой-то матеріаль. На это указываетъ и рядъ вставокъ киевскаго, переяславскаго и суздальскаго происхожденія, небывшихъ въ сводѣ 1189 года.

Повторение дословно сходнаго большаго текста обѣихъ редакцій (1189 и 1193 гг.) въ сводѣ 1193 года подъ 1171-ымъ годомъ — о нападении половцевъ на Киевщину — показываетъ, что этотъ дополнительный источникъ свода 1193 г. имѣлъ въ своемъ составѣ тотъ же киевскій текстъ, что и Киевскій сводъ 1174 года. Фактъ повторенія известія о назначеніи Андрея Владиміровича въ Переяславъ подъ 1136 г., являющагося по происхожденію переяславскимъ, указываетъ, что въ этомъ дополн. источникѣ свода 1193 г. содержался переяславскій матеріаль.

Этотъ дополнительный южный источникъ свода 1193 г. соединилъ со своимъ текстомъ еще какой-то киевскій матеріаль, котораго сводъ 1189-го года совершенно не зналъ (ср. Твер., Львов.). Такъ какъ этотъ послѣдній касался почти исключительно поставленій епископовъ и митрополитовъ, кончинъ ихъ, а также кончинъ киевскихъ князей и княгинь, то можно думать, что это были киевскія летописныя записи, ведшіяся при кафедральной церкви святой Софіи. Имъ приличествовало больше всего знать объ этихъ фактахъ, спеціально интересоваться ими и регистрировать ихъ. Тѣмъ болѣе, что имъ легко было воспользоваться и такимъ матеріаломъ, какъ княжескіе и владычныя Синодики или Помянники. Назовемъ ихъ, эту составную часть дополнительнаго южнаго источника свода 1193 года — Киевскими Софійскими записями.

Фактъ использованія дополнительнымъ источникомъ свода 1193 года текста общаго съ текстомъ Кіевскаго свода 1174-го года, какъ равно присутствіе въ немъ кіевскихъ и переяславскихъ текстовъ — говоритъ за то, что этотъ дополнительный южный источникъ свода 1193-го года былъ общерусскимъ лѣтописнымъ сводомъ. Фактъ же соединенія въ немъ двухъ кіевскихъ источниковъ даетъ право думать, что въ него вошелъ по преимуществу кіевскій матеріалъ. А то обстоятельство, что въ основѣ его лежалъ кіевскій текстъ, общій кіевскому тексту св. 1174 г. и, быть можетъ, нѣкоторая часть текста переяславскаго, даетъ возможность заключить, что редакция этого кіевскаго лѣтоп. свода (— дополн. источника свода 1193 г.) является очень близкой къ кіевской редакціи свода 1174 г.

Фактъ большей въ нѣкоторомъ отношеніи полноты текста этого дополнительнаго кіевскаго источ. св. 1193 года — отъ текста Кіевскаго св. 1174 г. при извѣстной общности текста ихъ — ужъ самъ по себѣ даетъ поводъ думать, что этотъ сводъ созданъ нѣсколько позднѣе свода 1174 года, явился второй редакціей этого послѣдняго. Этой новой обработкѣ Кіевскій сводъ 1174 года подвергся вскорѣ послѣ своего составленія. Но составитель новой, второй редакціи Кіевскаго свода 1174 г. — не продолжилъ послѣдняго (его матеріалъ не идетъ далѣе послѣдней статьи свода 1174 г., ср. Ипат. и Лавр.), — а только расширилъ, дополнилъ его. Это расширение, эта большая полнота второй редакціи Кіевскаго свода 1174 года получилась, глав. обр., за счетъ использованныхъ этой II-ой ред. этого Кіев. свода Кіевскихъ Софійскихъ лѣтоп. записей и переяславскаго лѣт. матеріала, которые Кіевскимъ сводомъ 1174 г. (первой редакціей) совсѣмъ не были использованы.

Это непосредственное вліяніе Кіевскаго лѣтописанія на вторую редакцію Владимірскаго свода (1193 года) показываетъ какое громадное значеніе на Руси въ то время все еще имѣло Кіевское лѣтописаніе, — и что значеніе Кіева, какъ лѣтописнаго центра, все еще было первенствующимъ, — несмотря на то, что съ Кіевомъ къ концу XII-го ст. ужъ сильно стали конкурировать въ своемъ культурномъ значеніи и другіе русскіе города, а съ политической стороны — затмевать его значеніе.

Опредѣляя различныя направленія въ Кіевскомъ лѣтописаніи послѣ созданія Повѣсти вр. лѣтъ (1110—1116 гг.) —

прихожу къ выводу, что въ продолженіи всего XII-го ст. оно тамъ очень энергично ведется. Ужь въ первой половинѣ XII-го ст. въ Кіевѣ ведется одновременно нѣсколько лѣтописей а именно: Первая Кіевская лѣтопись, начавшая вестись непосредственно вслѣдъ за Повѣстью вр. лѣтъ, Вторая Кіевская лѣтопись и Кіевскія Софійскія записи. Въ 1174-омъ году въ Кіевѣ создается лѣтописный сводъ, въ основу котораго ложится Первая Кіевская лѣтопись, — приче́мъ воспринимается имъ кромѣ того и иной, не кіевскій матеріалъ; этотъ сводъ наиболѣе точно отраженъ въ сводахъ редакціи Полихрона (ср. Твер., Львов.). Но сводъ 1174-го года вскорѣ подвергся новой обработкѣ, будучи соединенъ съ Кіевскими Софійскими записями и др. не-кіевскимъ матеріаломъ; — отраженіе этого свода видимъ въ сводахъ сѣверной редакціи (ср. Лавр., Радз.). Въ 1198-омъ году, или вскорѣ послѣ этого, Вторая Кіевская лѣтопись вошла въ соединеніе со второй редакціей Кіевского свода 1174 г. (ср. Лавр. и др.); — этотъ Кіевскій сводъ легъ въ основу южной редакціи (ср. Ипат.).

4. Суздальскій источникъ свода 1193-го года. Возста новляя сводъ 1193 г. — возникаетъ вопросъ откуда взяты вставки суздальскаго происхожденія въ сводѣ 1193 г. (ср. Лавр.), которыхъ нѣтъ въ сводѣ 1189 года (Твер. и др.). Если сравнить тѣ суздальскіе тексты, которые редакторомъ свода 1189-го года были внесены въ его сводъ, съ тѣми, которые въ послѣднемъ отсутствовали, но содержались въ сводѣ 1193-го года, — то оказывается, что отдѣльныя мѣста этихъ суздальскихъ текстовъ свода 1189 года и этого дополнительнаго источника свода 1193-го года совпадаютъ, находятъ себѣ другъ у друга мѣстами почти дословныя соотвѣтствія: дословно почти повторяютъ отдѣльные тексты, фразы.¹⁾ — Это объясняется

¹⁾ Такъ, суздальскій текстъ дополнительнаго источника свода 1193-го года подъ 1151-ымъ годомъ содержитъ слѣдующія слова: „Тогда же бодоша конь подъ нимъ въ ноздри, и конь же начать соватися подъ нимъ“, и далѣе: „Единъ же половчинъ ятъ конь подъ нимъ за поводъ, и возврати й“, — въ сводѣ 1189-го года подъ 1149 годомъ читаемъ: „Ятъ бо бѣ двѣма копыема конь подъ нимъ, а третьимъ въ передни лукъ въ сѣдельный..., единъ же нѣмчинъ видѣвъ, и хотѣ просунути рогатиною“. Въ допол. ист. свода 1193 г.

тѣмъ, что суздальскіе тексты свода 1189 года и этого дополн. суздальскаго источника свода 1193 г. принадлежатъ одной редакціи, взяты изъ одного источника.

Эта тѣсная связь между записками суздальскими свода 1189 года и записками дополн. суздальскаго источн. свода 1193 года видна также и изъ внутренняго смысла ихъ всѣхъ: это — тѣсная связь ихъ съ личностью князя Андрея: только имъ занимаются, только о немъ говорятъ, его подвигами восхищаются всѣ эти тексты свода 1189 года и суздальскаго источника свода 1193 года.

Все это показываетъ, что суздальскіе тексты какъ свода 1189-го года, такъ равно и дополнит. суздальскаго источника свода 1193-го года восходятъ къ одному и тому же источнику, взяты изъ одной отдѣльной лѣтописи. Суздальскіе тексты свода 1189 г. были взяты изъ отдѣльно существовавшихъ тогда Суздальскихъ лѣтописныхъ записокъ, — и суздальскіе тексты дополн. ист. свода 1193 года взяты оттуда же, — изъ Суздальскихъ лѣтописныхъ записокъ.

Сводъ 1193 г. въ основаніи своемъ имѣлъ сводъ 1189-го года: онъ изъ него почерпнулъ свой главнѣйшій матеріалъ. Дополнилъ этотъ свой главный источникъ матеріаломъ взятымъ изъ второй редакціи Кіевскаго свода 1174 года. — Весь этотъ общерусскій матеріалъ вмѣстѣ взятый, редакторъ свода 1193 года своеобразно обработавъ, редактировалъ его въ духѣ Владимірской политической тенденціи тогда появившейся, — сдѣлавъ рядъ собственныхъ вставокъ въ текстъ основнаго и дополнительнаго¹⁾ своихъ источниковъ.

подъ 1151 г.: „Полкъ свой укрѣпивъ и дружину свою..., ѡха напередъ и съѡхався преже всѣхъ, и изломи копье свое“, — въ сводѣ 1189 г. подъ 1149 г.: „Въѡхавъ преже всѣхъ въ противныя и дружина его по немъ, и изломи копье свое въ супротивнѣ своемъ...“, — подъ 1152 годомъ: „Поимъ же дружину свою, и ѡха подъ городъ“. Въ дополн. источн. свода 1193 г. подъ тѣмъ же годомъ: „возвратися опять невреженъ и сохраненъ Богомъ и молитвою родителю своею“, и далѣе: „Божьимъ же заступленіемъ и молитвою родитель своихъ сохраненъ бысть безъ раны“, — въ сводѣ 1189 г.: подъ 1149 годомъ: „пособіемъ Божьимъ и силою крестною и молитвою дѣда своего“. Во всѣхъ этихъ отрывкахъ говорится объ Андрѣ Юрьевичѣ.

¹⁾ Что въ основной свой источникъ (сводъ 1189 г.) дѣлались вставки редакторомъ 1193 года — видно, напр., изъ вставокъ въ переяславскія статьи 80-ыхъ гг. и др.; — что въ дополнительный свой

Этотъ то сводъ 1193 года, легъ въ основу важнѣйшихъ нашихъ редакцій: сѣверной и южной, — въ основу ряда сводовъ первостепенной важности: съ одной стороны — Лаврентьевской Радзивилловской, Троицкой, Суздальско-Переяславльской и др., — съ другой стороны — Ипатьевской, Хлѣбниковской, позднѣйшихъ лѣтописей, восходящихъ къ Хлѣбниковской л.: Погодинской, Ермолаевской, и др.

Сводъ 1193-го года (— лежащій въ основѣ сводовъ сѣверной и южной редакціи) и сводъ 1189 года (— который лежитъ въ основѣ Тверской, Львовской, Новгородской IV, Софійской I-ой, Воскресенской, Никоновской и др.) — это тѣ два основныхъ свода, тѣ краеугольные камни нашего лѣтописанія, на которыхъ покоится поистинѣ величественное зданіе русскаго лѣтописанія.

источникъ имъ тоже дѣлались вставки, — показываетъ вставка имени Всеволода въ статью 1171 г. о нападеніи половцевъ, взятую имъ изъ доподл. источника.

Заключеніе.

Первыя слова древнѣйшей нашей лѣтописи звучать такъ: „Се Повѣсти времяньныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуду Руская земля стала есть.“ — Такъ начинается Лаврентьевская лѣтопись, — такъ начинаются и другіе наши лѣтописные своды. Но въ сводахъ южной редакціи прибавлено — „Повѣсть . . . черноризца Феодосьева монастыря Печерскаго“, а въ Хлѣбниковскомъ сводѣ присоединены еще и слова — „ . . . Нестора черноризца“.

Это послѣднее обстоятельство дало основаніе считать нашу Древнѣйшую лѣтопись трудомъ Нестора, автора Житія Феодосія Печерскаго и Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ. — Этому мнѣнію держался и Шлёцеръ; — онъ поставилъ важнѣйшею задачею научной критики русскихъ лѣтописей — „возстановленіе дѣйствительнаго Нестора“. ¹⁾ Вліяніе Шлёцера въ данномъ случаѣ на науку русскаго источниковѣдѣнія, въ томъ числѣ и на Н. М. Карамзина, — было громадное. Вслѣдствіе значенія этихъ его изученій почти не замѣчено было мнѣніе С. М. Строева о сложномъ компилятивномъ характерѣ древней лѣтописи, высказанное имъ въ предисловіи къ изданію Софійскаго временника (1820 г.).

Къ ревизіи вопроса о древней русской лѣтописи привело мнѣніе такъ называемой „школы скептиковъ“, проф. М. Т. Каченовскаго и его послѣдователей, которые въ рядѣ работъ (20—30-ые годы XIX ст.) пробовали унизить дѣйствительное значеніе древне-русской лѣтописи, считая ее произведеніемъ

---

¹⁾ Первый трудъ Августа Людвигъ Шлёцера по русс. лѣтописанію вышелъ въ 1767 году, — это — „Probe russischer Annalen“. Его же — „Nestor, russische Annalen“ — въ 5-ти томахъ вышелъ въ 1802-9 годахъ. Русскій же переводъ послѣдняго, сдѣланный Языковымъ, появился въ 3-хъ томахъ въ 1809—1819 годахъ.

позднѣйшимъ. Но какъ ни несовершенны были взгляды этой школы они дали поводъ къ новымъ болѣе глубокимъ изслѣдованіямъ.

Сильный толчокъ къ дальнѣйшимъ аналитическимъ работамъ по русскому лѣтописанію древнѣйшаго времени далъ профессоръ П. С. Казанскій, — выступивъ (въ самомъ концѣ 40-хъ и въ 50-хъ годахъ) въ своихъ талантливо написанныхъ статьяхъ противъ взгляда, что авторомъ или составителемъ лѣтописи былъ монахъ Несторъ. — П. С. Казанскій одинъ изъ первыхъ указалъ на значительный рядъ противорѣчій лѣтописи съ произведеніями несомнѣнно принадлежащими Нестору (т. е. Житіемъ Θεодосія и Сказаніемъ о Борисѣ и Глѣбѣ). Эти его доказательства были приняты рядомъ выдающихся изслѣдователей и подорвали въ корнѣ значеніе этого традиціоннаго взгляда на Нестора. Рѣшительно разрушая взглядъ, что лѣтопись наша (какъ она дошла до начала XII-го ст.) есть единоличное произведеніе, — этотъ изслѣдователь тѣмъ самымъ подготовилъ почву для рѣшенія вопроса о составныхъ частяхъ этой лѣтописи, ея источникахъ и способѣ составленія ея.

Въ то самое время когда Казанскій выступилъ въ нашей наукѣ со своими работами, направленными главнымъ образомъ противъ взглядовъ Шлёдера и его послѣдователей, — на почвѣ изслѣдованія нашего лѣтописанія выступилъ и П. Г. Бутковъ — со своими возраженіями противъ мнѣній скептиковъ. Въ своихъ статьяхъ онъ приходитъ къ тому убѣжденію, что скептики весьма несправедливы по отношенію къ нашимъ древнимъ памятникамъ и къ культурному значенію древняго періода русской исторіи. П. Г. Бутковъ рѣшительно выступилъ противъ скептиковъ, отстаивая древность и достовѣрность такихъ памятниковъ, какъ Несторово Житіе Θεодосія, галицкое 'Сказаніе объ ослѣпленіи Василька Ростиславича и другія отдѣльныя областныя сказанія. Бутковъ совершенно независимо отъ ранѣе высказанныхъ противъ скептиковъ мыслей М. П. Погодина — разбилъ многія возраженія и доводы скептиковъ, чѣмъ проложилъ дорогу послѣдующимъ защитникамъ самобытности начальнаго русскаго лѣтописанія. Во взглядѣ о значеніи русской древней письменности Бутковъ сходилъ и со Шлёдеромъ, который, какъ извѣстно, высоко ставилъ достоин-

ство русских древних памятниковъ. Большое значеніе Буткова состоитъ еще и въ томъ, что онъ одинъ изъ первыхъ сталъ выяснять вліяніе Византіи на русскую письменность.

Вслѣдъ за этими трудами по русскому лѣтописанію, М. П. Погодинъ въ своихъ трудахъ могъ ужъ задаться цѣлью выяснить въ болѣе широкихъ размѣрахъ составныя части древняго лѣтописанія. Но особенно цѣнны выводы И. И. Срезневскаго, который старался не только оттѣнить въ лѣтописи разныя ея наслоенія, но и выдѣлить ея древнѣйшую часть, — чѣмъ окончательно падала теорія Шлёцера о древней лѣтописи, какъ одноцѣльной работѣ Нестора. Въ спорѣ С. А. Геденова съ А. А. Куникомъ о происхожденіи Руси выясненъ былъ комбинативный характеръ лѣтописной повѣсти о началѣ Руси. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ окончательно призналъ русскую древнюю лѣтопись какъ бы „архивомъ“, въ который заключены разнородные фрагменты древней письменности. — Что эта лѣтопись носить вполне сводный характеръ признавалъ и Н. И. Костомаровъ. — Какъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, такъ равно и Н. И. Костомаровъ составителемъ Повѣсти врем. лѣтъ считали Сильвестра Выдубицкаго. Скептическое отношеніе Д. И. Иловайскаго къ начальнымъ извѣстіямъ нашей лѣтописи тоже имѣло свое вліяніе на углубленіе изслѣдованія о русскомъ лѣтописаніи.

Важный поворотъ въ изученіи русскаго лѣтописанія, какъ указали мы въ началѣ работы, сдѣланъ былъ академикомъ А. А. Шахматовымъ, его глубокимъ анализомъ текста древней части русскаго лѣтописанія, его выводами касательно хронологіи русской лѣтописи. Путемъ сравненія Новгородской I-ой лѣтописи со сводами южной и сѣверной редакціи и др. — древнюю часть нашей лѣтописи онъ разложилъ на составныя ея части (— воспользовавшись и предыдущими изслѣдованіями своихъ предшественниковъ), — такъ что въ общемъ въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ эта часть лѣтописи (= Повѣсть временныхъ лѣтъ) и вопросы связанные съ нею вполне выяснились намъ. Особенно важно его открытіе, въ чемъ наука видитъ его громадную заслугу —, что кромѣ распространенной древнѣйшей лѣтописной части — Повѣсти временныхъ лѣтъ (Лавр. Ипат.) — является близкій ей, въ значительной мѣрѣ буквально схожій, но болѣе краткій, лѣтописный текстъ, находящійся во вступле-

ни въ Новгородской I-ой лѣт., который является древнѣйшимъ нашимъ лѣтописнымъ текстомъ. Сравненіе Повѣсти вр. лѣтъ и этого текста Новгородской лѣтописи и даетъ ему главную возможность разложенія Повѣсти вр. лѣтъ на ея составныя части. Но, приэтомъ, были имъ оставлены и пробѣлы, — имъ вполне не было выяснено отношеніе этой краткой лѣтописной части (Новг. I) къ Повѣсти вр. лѣтъ (Лавр. Ипат.); — а вѣдь отношенія между ними очень сложны: такъ, хронологія въ текстѣ краткомъ (Новг. I) — нѣсколько отлична, а также отличія имѣются и въ самихъ извѣстіяхъ: объ Аскольдѣ и Дирѣ, объ Олегѣ (что онъ не былъ князь, а воевода Игоревъ, ср. Новг. I) и т. д. Въ связи же съ невыясненностью этихъ отношеній возникаютъ и нѣкоторые важные вопросы: почему эти двѣ редакціи (краткая и широкая) особенно разнятся въ текстѣ до 945 года († Игорь)? — не искать ли, поэтому, здѣсь литературнаго древнѣйшаго окончанія нашей лѣтописи? и др. Но эти пробѣлы ничуть не уменьшаютъ заслугъ А. А. Шахматова: это вопросы, къ которымъ онъ насъ подготовилъ, которые вольно или невольно были выдвинуты имъ на порядокъ дня!

Всѣ почти изслѣдованія А. А. Шахматова о лѣтописи были посвящены изученію — Повѣсти вр. лѣтъ, — т. е. древнѣйшей части ея — до 1110—1116 гг. Если онъ и занимался иными вопросами лѣтописанія, какъ изученіемъ Патерика Печерскаго или позднѣйшихъ сводовъ, то все это является у него или подготовкой къ вопросамъ изслѣдованія Повѣсти вр. лѣтъ или коррективами къ изслѣдованіямъ о ней. И рядъ другихъ ученыхъ прежняго времени, въ связи ли съ вопросомъ о авторствѣ Нестора или съ вопросами о началѣ Руси, тоже главнѣйшимъ образомъ касались только этой древней части русскаго лѣтописанія.¹⁾

Стало быть, древнѣйшей части русскаго лѣтописанія — Повѣсти временныхъ лѣтъ — особенно посчастливилось быть

---

¹⁾ Говоря о важн. работахъ по русскому лѣтописанію, необходимо упомянуть и о цѣнной работѣ М. С. Грушевскаго — „Хронологія подій Галицько-Волин. літ.“ и о его же небольшой статьѣ — „Нестор і літопись“, — а также о изслѣд. проф. А. Е. Прѣснякова — „Царств. книга“ — и его же — „О московскихъ лѣтописяхъ“. — Въ иностранной литературѣ съ вопросомъ о русскомъ лѣтописаніи знакомитъ L. Leger въ предисловіи къ „Chronique dite de Nestor“ (1834 г.).

изслѣдованной и въ главныхъ своихъ вопросахъ быть нынѣ въ значительной степени выясненной.

Въ то время когда былъ положенъ такой усиленный трудъ ряда ученыхъ для изслѣдованія древнѣйшаго лѣтописанія, — русское лѣтописаніе послѣдующаго (за Повѣстью временныхъ лѣтъ) времени — сравнительно очень мало разобрано и изучено.

Въ настоящемъ трудѣ я сдѣлалъ попытку выяснить положеніе дальнѣйшаго русскаго лѣтописанія, главнымъ образомъ, XII-го и XIII-го столѣтій. Въ результатѣ этихъ моихъ изученій я вижу, что громадный общерусскій сводъ начала XII-го ст. (Повѣсть временныхъ лѣтъ) имѣлъ свое значеніе для дальнѣйшаго лѣтописанія. Подъ его вліяніемъ въ Кіевѣ продолжаетъ вестись лѣтописаніе, какъ равно и въ Новгородѣ Великомъ и Переяславѣ южномъ. Въ 1174-омъ году, нахожу я, возникаетъ вновь попытка въ Кіевѣ составить лѣтописный сводъ. Въ основаніе этого новаго лѣтописнаго Кіевскаго свода ложится Повѣсть временныхъ лѣтъ (сводъ 1110 г.) и Кіевская лѣтопись, доведенная до 1174-го года включительно. Къ этому матеріалу этого свода присоединяется еще Новгородская лѣтопись, доведенная до начала 60-хъ годовъ XII-го ст., которая, по моему мнѣнію, велась при дворѣ новгородскаго князя. Но въ Переяславѣ (южномъ), какъ возстановляю я прежнее мнѣніе А. А. Шахматова, параллельно ведется своя лѣтопись, начало которой, правдоподобно положилъ знаменитый редакторъ Повѣсти временныхъ лѣтъ — Сильвестръ, игуменъ Выдубицкаго кіевскаго монастыря, назначенный въ 1118-омъ году епископомъ въ Переяславъ. Впослѣдствіи экземпляръ Кіевскаго свода 1174-го года (первой его редакціи), попавъ въ Переяславъ, даетъ поводъ къ созданію и тамъ лѣтописнаго свода. Поэтому, сводъ Кіевскій 1174-го года подвергается новой редакціи въ Переяславѣ, — причемъ, я вижу, къ нему присоединяется непосредственно не только Переяславская лѣтопись, ведшаяся отъ начала XII-го стол. до 1186-го года включительно, но и новгородская Княжая лѣтопись, использованная имъ въ текстѣ ея отъ 70—80-ныхъ годовъ XII-го стол., а также, думаю, вошли въ него и элементы народной поэзіи и легенды.

Когда въ новой столицѣ восточной Руси, Владимірѣ-на-Клязьмѣ, образовывается свой центръ лѣтописный, — Переяславскій (южный) сводъ, будучи занесенъ туда, даетъ поводъ къ составленію свода во Владимірѣ. Этотъ Владимірскій сводъ, полагаю, представляетъ собою соединеніе этого Переяславскаго свода и мѣстнаго лѣтописнаго матеріала Суздальско-Владимірскаго княжества, — а именно: Суздальскихъ лѣтописныхъ записокъ, ведшихся въ 40—50-ыхъ годахъ XII-го столѣтія, сказанія объ убіеніи Андрея Суздальскаго, создавшагося вскорѣ послѣ этого событія (1175 г.) и самой Владимірской лѣтописи, начавшей вестись съ 50-хъ годовъ, — доведенной до конца 80-хъ годовъ XII-стол. На основаніи данныхъ, полученныхъ мною путемъ сравненія различныхъ лѣтописныхъ сводовъ, дошедшихъ до нашего времени, — и на основаніи внутренняго толкованія смысла лѣтописи, я прихожу къ заключенію, что этотъ Владимірскій общерусскій лѣтописный сводъ созданъ въ 1189-омъ году. Этотъ Владимірскій сводъ 1189-го года, какъ я указалъ въ настоящемъ моемъ изслѣдованіи, имѣлъ громаднѣйшее значеніе въ русскомъ лѣтописаніи, — этотъ сводъ легъ въ основу важнѣйшихъ послѣдующихъ лѣтописныхъ редакцій. Текстъ этого свода, является, въ сущности, главнѣйшей основой дошедшихъ до нашего времени сводовъ редакціи Полихрона, а именно: Тверскаго, Львовскаго, Воскресенскаго, Никоновскаго, Новгородскаго IV-го, Софійскаго I-го и того русскаго свода, который былъ использованъ Яномъ Длугошемъ для его *Historia Polonica*. Владимірскій сводъ 1189-го года вскорѣ былъ вновь обработанъ во Владимірѣ (1193 г.) въ духѣ Владимірской общерусской великокняжеской идеи. Этотъ сводъ второй Владимірской редакціи (1193 г.), какъ я вижу, соединилъ со своимъ основнымъ матеріаломъ и южный матеріалъ, непосредственно воспользовавшись второй редакціей Кіевскаго свода 1174 г. Этотъ сводъ 1193 года легъ въ основу послѣдующихъ редакцій; — будучи на сѣверѣ соединенъ съ позднѣйшимъ сѣвернымъ лѣтописнымъ матеріаломъ, онъ легъ въ основу сводовъ сѣверной редакціи — Лаврентьевскаго, Радзивиловскаго, Троицкаго, Суздальско-Переяславскаго. Перейдя на югъ, онъ будучи соединенъ тамъ съ кіевскимъ и галицко-волынскимъ лѣтописнымъ матеріаломъ, легъ въ основу сводовъ южной редакціи — Ипатьевскаго, Хлѣбниковскаго, Погодинскаго, Ермолаевскаго.

Въ этомъ трудѣ я старался выяснитъ составъ сводовъ этихъ двухъ различныхъ Владимірскихъ редакцій (свода 1189-го года и свода 1193-го года) и точное ихъ взаимоотношеніе. — Выясненіе этихъ вопросовъ необходимо потому, что эти двѣ Владимірскія редакціи, основанныя главнымъ образомъ на южнорусскомъ лѣтописномъ матеріалѣ, являются главнымъ базисомъ для дошедшихъ до насъ сводовъ разныхъ редакцій. Выясненіе взаимоотношеній этихъ двухъ лѣтописныхъ сводовъ XII-го ст. является исходной точкой для опредѣленія вообще взаимоотношеній русскихъ лѣтописныхъ сводовъ послѣдующаго времени.

Фактъ сокращенія Тверской и Львовской лѣт. въ древнѣйшей ихъ части на равнѣ съ сокращеніемъ послѣдующаго текста XII и XIII в. этихъ лѣтописей — подчеркиваетъ то положеніе, что имѣющаяся при нихъ древнѣйшая часть этихъ лѣтописей была уже неразлучной вмѣстѣ съ остальнымъ ихъ текстомъ съ древняго времени. Присутствіе того же текста, того же древн. свода въ начальной части сводовъ сѣверной и южной редакцій — подтверждаетъ мысль, что эта древняя лѣтописная часть легла въ основу протографа древн. части обѣихъ этихъ редакцій.

Этой начальной части нашихъ сводовъ — такъ называемой — Повѣсти временныхъ лѣтъ, какъ указано было выше, посчастливилось быть научно разработанной цѣлымъ рядомъ ученыхъ.

Если эта древнѣйшая лѣт. часть, Повѣсть временныхъ лѣтъ, была во всѣхъ сводахъ сѣверной и южной редакцій, — то значитъ, она была и въ сводѣ 1193-го года, отъ котораго ведутъ свое начало обѣ эти редакціи, — она была и въ сводѣ 1189-го года, на основѣ котораго зиждется сводъ 1193 г., — ибо всѣ своды редакціи Полихрона содержатъ ее въ своемъ началѣ. Этотъ древнѣйшій кіевскій сводъ, какимъ была Повѣсть врем. лѣтъ, попалъ въ редакціи сводовъ 1189-го и 1193-го гг. изъ южныхъ редакцій, легшихъ въ основу ихъ: онъ былъ въ основѣ древнѣйш. части Переяславской редакціи, а въ послѣднюю попалъ изъ Кіевского свода 1174 года.

Въ спискахъ сѣверной редакціи Повѣсть временныхъ лѣтъ доведена до 1110-го г. и обрывается на неоконченной статьѣ этого года, послѣ чего слѣдуетъ приписка игумена кіевского Выдубицкаго монастыря, Сильвестра, свидѣтельствующая о томъ, что въ 1116-омъ году имъ были составлены „книги си Лѣто-

писецъ“. Въ спискахъ же южной редакціи читается окончаніе статьи 1110 года, а послѣ нея слѣдуютъ извѣстія 1111-го — 1117-го и слѣд. годовъ. Въ части до 1110 года текстъ Повѣсти временныхъ лѣтъ южной ред. имѣетъ нѣсколько лишнихъ извѣстій противъ сѣверной ред. Въ спискахъ Новгородской IV-ой, Софійской I-ой, и сходныхъ съ ними текстъ Повѣсти временныхъ лѣтъ соединенъ съ текстомъ древней новгородской лѣтописи. Всѣ эти разницы Повѣсти временныхъ лѣтъ въ разныхъ дошедшихъ до насъ сводахъ объясняются взаимоотношеніями составныхъ ихъ частей, — взаимоотношеніями извѣстныхъ сводовъ, легшихъ въ ихъ основу.

Повѣсть врем. лѣтъ легла въ основу Кіевскаго свода 1174 года: послѣднему естественно было продолжаться исходя отъ своего же собственнаго корня, отъ кіевскаго свода Повѣсти врем. лѣтъ. Попавъ тотчасъ же послѣ своего составленія въ Переяславъ, будучи принесена туда ея составителемъ, Сильвестромъ, назначеннымъ въ 1118 году переяславскимъ епископомъ, — она была тамъ переписана, причемъ въ нее уже тогда попали нѣкоторыя вставки (ср. переясл. вставки подъ 1113 и 1114 гг.). Вотъ этотъ то Переяславскій экземпляръ Повѣсти врем. лѣтъ и легъ потомъ въ основу древн. части переяславскаго свода 1186 года и оттуда перешелъ въ сводъ 1189-го года (ср. Твер., Львов., Воскр.). Въ сводѣ 1193-го года, очевидно, была Повѣсть врем. лѣтъ безъ указанныхъ добавленій (ср. Лавр.); — это объясняется тѣмъ, что редакторъ свода 1193 г., имѣя подъ руками сводъ 1189 г. и вторую редакцію Кіевскаго свода 1174 года, положилъ въ начало своего свода Повѣсть временныхъ лѣтъ не основного своего источника — свода 1189 года, а Повѣсть врем. лѣтъ своего дополнит. источника, — второй редакціи Кіевскаго свода 1174 года (которая имѣла тотъ же текстъ Повѣсти, что и первая редакція, ср. Лавр.). Но въ дальнѣйшей лѣтописной кодификаціи списки этой древнѣйшей части (Повѣсти врем. лѣтъ) прибавлялись болѣе или менѣе механически къ той или иной лѣтописной редакціи, своды которой такъ тѣсно близки между собою, — одни изъ этихъ сводовъ сѣверной редакціи имѣютъ списокъ Повѣсти врем. лѣтъ безъ этихъ вставокъ (ср. Лавр. л.), — другіе же своды сѣверной редакціи содержатъ списокъ Повѣсти временныхъ лѣтъ со вставками (ср. Радз. л.), и т. д. Повѣсть

врем. лѣтъ представляя изъ себя совершенно завершенный сводъ, — не подвергается впоследствии существеннымъ измѣненіямъ. Она уже была въ концѣ XIII-го вѣка и позднѣе настолько исторической давности, стала въ своемъ текстѣ, — такъ сказать, исторически узнанной, что подвергать ее какимъ либо существеннымъ измѣненіямъ никто не берется.

Съ другой же стороны, тексты нашихъ редакцій и сводовъ, въ однихъ начиная съ половины 90-хъ годовъ XII в., въ большинствѣ же другихъ — съ конца первой четверти XIII-го вѣка — частью очень сильно начинаютъ различаться, — частью же совершенно расходятся, не находятъ соответствующихъ себѣ текстовъ другъ у друга. Такъ, сѣверная редація и южная, начиная съ 1194 г. совершенно расходятся въ своихъ текстахъ: первая съ 1194 г. кладетъ въ свою основу матеріаль владиміро-ростовскій (потомъ Московскій и др.), — вторая — кіевско-галицко-волынскій матеріаль. Редація Полихрона, начиная съ этого года, почти также расходится съ южной редакціей, кладя въ свою основу сѣверный матеріаль (только позднѣе Полихронъ скрещивается съ южной редакціей, принимая въ свой составъ Южную лѣтопись середины XIII в.), со второго же десятилѣтія (XIII-го ст.) начинаетъ сильно различаться Полихронъ отъ сѣверной редакціи. Последняя съ этого времени начинаетъ сильно слѣдовать Ростовской лѣтописи, съ явнымъ сочувствіемъ къ князю Константину Всеволодовичу и его семьѣ.¹⁾ Полихронъ же, хотя и черпаетъ извѣстія изъ Ростовскаго лѣтописца, но далеко не всѣ и совершенно далекъ отъ всякой тенденціозности въ сторону Константина Всеволодовича, — зато онъ используетъ новгородскую Княжью лѣтопись и въ ея дальнѣйшемъ продолженіи (конецъ XII-го ст. и первую четверть XIII-го ст.).

Присмотрѣвшись къ взаимоотношеніямъ сводовъ сѣверной ред., видимъ: Радзивилловскій сводъ кончается въ 1206-омъ году, Суздальско-Переяславскій кончается въ 1214-омъ году. Лаврентьевскій же и Троицкій своды хотя и значительно дольше другихъ ведутъ свое лѣтописное повѣствованіе, но такъ разнятся начиная съ 1206-го года другъ отъ друга, что издатели ихъ,¹⁾ съ этого времени начиная, печатаютъ ихъ тексты отдѣльно.²⁾

¹⁾ Троицкая лѣт. съ этого года рѣшительно черпаетъ матеріаль изъ Новг. I-ой лѣт.

²⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей, томъ I-ый, изд. 1846 г.

Если древнѣйшая лѣтописная часть (до 1110—1116 гг.) въ разныхъ сводахъ и редакціяхъ — въ общемъ довольно схожа, — если же позднѣйшая часть въ разныхъ сводахъ и редакціяхъ (въ нѣкоторыхъ ужъ съ 1194 года, въ другихъ же — съ XIII ст.) — совершенно расходится въ текстахъ, или очень — сильно разнится, и не находитъ себѣ соответствующихъ текстовъ — то это показываетъ, что взаимоотношенія разныхъ этихъ дошедшихъ до насъ сводовъ и редакцій въ цѣломъ могутъ быть познаны главнѣйшимъ образомъ на основаніи текста XII-го и отчасти на основаніи текста первой четверти XIII-го вѣка. На этомъ глав. обр. промежуткѣ времени, помимо общаго, дословно схожаго текста, они одновременно имѣютъ и различные тексты. Эти послѣдніе часто скрещиваются въ тѣхъ или др. сводахъ, — указывая на разные лѣтописныя комбинаціи, выявляя часто составъ, характеръ, время и мѣсто происхожденія тѣхъ или другихъ сводовъ, вліяніе сводовъ другъ на друга — рисуя намъ процессъ лѣтописанія, лѣтописную технику, существующую тогда на Руси. Конечно, и эта болѣе древняя и болѣе поздняя части нашихъ сводовъ при изученіи лѣтописанія имѣютъ первостепенное значеніе, но специально для пониманія взаимоотношеній разныхъ лѣтописныхъ сводовъ въ цѣломъ лѣтописаніи русскомъ онѣ играютъ вспомогательную роль.

Въ настоящемъ изслѣдованіи мною было указано на параллельное веденіе въ XII-омъ ст. въ Кіевѣ нѣсколькихъ лѣтописей, которымъ я позволилъ себѣ дать названіе — Первой Кіевской лѣтописи, Второй Кіевской лѣтописи и краткихъ лѣтописныхъ записей, которыя назвалъ Кіевскими Софійскими записями. Эта Вторая Кіевская лѣтопись, какъ я указалъ, была соединена впоследствии (въ 1198-омъ году, или вскорѣ послѣ этого года) съ Владимірскимъ сводомъ 1193 года, а затѣмъ вмѣстѣ съ послѣднимъ вошла въ соединеніе съ галицкимъ и волынскимъ лѣтописнымъ матеріаломъ. Важнѣйшая обработка этого кіевско-волынско-галицкаго матеріала, вошедшаго въ соединеніе съ матеріаломъ свода Владимірскаго редакціи 1193-го года была сдѣлана на Волыни по порученію волынскаго князя Володиміра Васильковича въ 90-хъ годахъ XIII-го ст., оконченная ужъ послѣ смерти этого князя. — Этому вопроса о составѣ Галицко-Волынскаго свода я здѣсь коснулся только постольку, поскольку касался свода 1193-го года, легшаго въ его основу.

Послѣ того какъ южный Переяславскій сводъ (1186 г.) входитъ въ составъ Владимірскаго свода древнѣйшей редакціи (1189 г.) а Владимірскій сводъ второй редакціи (1193 г.) ложится въ основу южной редакціи, — южно-русское лѣтописаніе становится въ сторонѣ, ведется особнякомъ. Съ этого времени (съ первыхъ годовъ XIII-го ст.) я не вижу вліянія сѣвернаго лѣтописанія на южное, — и только южное лѣтописаніе и въ XIII-омъ ст. имѣетъ еще свое вліяніе на сѣверное, какъ указалъ я выше: вліяніе Южной лѣтописи половины XIII-го ст. на св. ред. Полихрона (ср. Твер., Львов. и схож.).

Этотъ очень сложный вопросъ взаимоотношеній великорусскаго и южнорусскаго лѣтописаній въ XIII ст., какъ равно и выясненіе самого процесса и состава южнорусскаго лѣтописанія этого времени нуждаются въ особой разработкѣ.

Не внѣшняя интерпретація текста русской лѣтописи, а систематизація всего громаднаго матеріала русскаго лѣтописанія, вскрытіе внутренняго смысла его даетъ намъ данныя для выясненія нашей темы. Это достигается путемъ сравнительнаго изученія — съ одной стороны: сѣверной и южной редакцій, — съ другой стороны: редакціи Полихрона, — съ третьей же стороны: редакціи Новгородской I-ой лѣтописи. Дополненіемъ къ этому для выясненія нашей темы является и путь внутренняго, логическаго анализа текста нашихъ лѣтописей. Только такимъ образомъ можно бросить извѣстный свѣтъ въ пониманіе русскаго лѣтописанія, — этого громаднаго лѣтописнаго матеріала, накопившагося за все время существованія русской жизни отъ самыхъ древнихъ временъ. Только такой дорогой мы можемъ приблизиться къ пониманію одной изъ блестящихъ сторонъ исторіи русской культурной жизни.

ВѢНА, ноябрь-декабрь 1921.

Евгеній Перфецкій.
